ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

РОМАНЧУК Алексей Андреевич

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА В КУЛЬТУРНЫХ ПОГРАНИЧЬЯХ (НА ПРИМЕРЕ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА)

24.00.01 — Теория и история культуры
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор педагогических наук, профессор
Н.М. Романенко

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3
ГЛАВА 1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ОБЩЕСТВА КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА ... 17
1.1. Карпато-Днестровский регион как «культурное междумирье»: причины и следствия ... 17
1.2. Общества резной и штампованной керамики Карпато-Днестровского региона: стрела времени ... 30
1.3. Металлические изделия (бронзовые топоры-кельты и серпы) и «стрела времени» обществ резной и штампованной керамики Карпато-Поднестровья ... 71
Выводы по Главе 1 ... 102
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА: АРХАИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА ... 104
2.1. Проблема периодизации развития обществ резной и штампованной керамики Карпато-Днестровского региона: основные подходы и решения ... 104
2.2. Поселенческо-демографическая динамика как социокультурная динамика: общества резной и штампованной керамики Карпато-Поднестровья ... 120
2.3. Динамика орнаментации керамики как отражение социокультурной динамики: общества резной и штампованной керамики Карпато-Поднестровья ... 144
Выводы по Главе 2 ... 176
ГЛАВА 3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА КАРПАТО- ПОДНЕСТРОВЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ... 179
3.1. Развитие материальной и духовной культуры Пруто-Днестровского междуречья в XIX – начале XXI века: Бессарабия, МССР и Республика Молдова ... 179
3.2. Циклы социальной эволюции: теоретическое осмысление ... 200
Выводы по Главе 3 ... 228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 233
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ... 243
БИБЛИОГРАФИЯ ... 244
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА ... 262

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования социокультурной динамики в культурных пограничьях обусловлена многими причинами, прежде всего тем, что именно культурные пограничья оказываются в международных отношениях зонами, где интересы и политика крупнейших геополитических игроков современного мира пересекаются особенно часто. Настолько часто, что С. Хантингтон закономерно не только обратил на это внимание, но и выразил в своей известной формуле-прогнозе: «Наиболее значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями»[1].

При всей полемике, которая сразу же развернулась вокруг работы и выводов С. Хантингтона (их оценка не входит в задачи нашего исследования), не приходится отрицать, что культурные пограничья, даже если не определять их как «разломы цивилизаций», требуют (и привлекают) повышенного внимания со стороны ведущих геополитических игроков современного мира — к числу которых, безусловно, относится и Россия. Насущной и чрезвычайно существенной потребностью для всех крупнейших участников международных отношений является прогнозирование развития ситуации (как в краткосрочной, так и особенно в долгосрочной перспективе) в том или ином культурном пограничье.

Безусловно, чрезвычайное значение для удовлетворения данной потребности геополитических акторов имеет мониторинг и анализ социокультурной динамики в регионах культурных пограничий.

Эта констатация касается и исследования социокультурной динамики в Карпато-Поднестровье, безусловно относящемся к культурным пограничьям.

И здесь следует особо подчеркнуть, что Карпато-Днестровский регион оказывается одним из самых неординарных примеров культурного пограничья.

---

[1] Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3 (Summer). P. 22–49. P. 22.

Так, В.А. Дергачев рассматривает Карпато-Поднестровье именно как культурное пограничье и определяет его в качестве «контактной зоны с большой буквы»[2].

Речь идет о том, что Карпато-Поднестровье является культурным пограничьем не двух (наиболее распространенный случай), не трех, а по крайней мере четырех разных культурных макротрадиций.

Очень близкое к такой трактовке понимание Карпато-Днестровского региона проистекает из весьма известной концепции «семи культурных миров» Европы М.Б. Щукина[3]. Истоки этих «миров» уходят в глубь времен, достигая эпохи бронзы. А их последующее существование не ограничивалось эпохой латена, продолжаясь до эпохи средневековья и далее, вплоть до наших дней[4].

Для нас существенно, что Карпато-Поднестровье, развивая концепцию М.Б. Щукина, оказывается фактически «регионом на стыке культурных миров», своего рода «культурным междумирьем».

Таким образом, полагаем, изучение социокультурной динамики Карпато-Днестровского региона как культурного пограничья представляет как научный, так и социальный интерес.

Степень разработанности проблемы. Разработанность проблемы изучения социокультурной динамики Карпато-Днестровского региона как культурного пограничья находится на начальной стадии и ограничивается отдельными работами автора диссертационного исследования[5].

---

[2]Дергачев В.А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья // Stratum plus, 1999. № 2. С. 169–221.

[3] Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994.

[4] Рабинович Р.А. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Тельнова / ред. Р.А. Рабинович, В.С. Синика. Кишинев: Stratum plus, 2018. С. 465–482. С. 465.

[5] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438; Романчук А.А. Модель Голдстоуна — Нефедова — Турчина и ее объяснительные возможности // Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов / ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2008. С. 144–149; Романчук А.А. Демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата в Карпато-Днестровском регионе (12 – первая половина 8 вв. до н.э.) : дисс. … магистра антропологии. Кишинев: Высшая

Таким образом, возникает **противоречие** между необходимостью изучения социокультурной динамики Карпато-Днестровского региона как культурного пограничья, что позволило бы ставить и решать весьма важные с точки зрения теории и истории культуры научные вопросы, и отсутствием научных исследований такого рода.

Данное противоречие обусловило основную **проблему исследования и исследовательский вопрос**: каковы ключевые характерные особенности социокультурной динамики Карпато-Днестровского региона как культурного пограничья и каково их теоретическое значение для теории и истории культуры?

В соответствии с представленной проблемой определена **тема** исследования: «Социокультурная динамика в культурных пограничьях (на примере некоторых обществ Карпато-Днестровского региона)».

Объект исследования — некоторые архаические и современные общества Карпато-Поднестровья, а именно архаические, дописьменные, общества резной и штампованной керамики (по принятой в литературе аббревиатуре — КРШК, культуры штампованной и резной керамики) Карпато-Днестровского региона (XII–VIII вв. до н.э.), с одной стороны, и современные и типологически близкие к ним общества Карпато-Днестровского региона (конкретно — Пруто-Днестровского междуречья) XIX–XX вв. н.э. (Бессарабия, МССР и Республика Молдова), с другой.

Антропологическая Школа, 2008; Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (12–8 вв. до н.э.) // Математическая история и клиодинамика: теории, модели, данные. Программа и тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2009. С. 16; Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (XII – начало VIII вв. до Р.Х.) и магистральные тренды социальной эволюции // Stratum plus. 2011. № 3. С. 215–231; Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011; Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127; Романчук А.А. «Воля к барокко» и динамика орнаментации столовой керамики КРШК Карпато-Днестровского региона // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Том 4. №2 (14). С. 82–95.

Выбор (из числа архаических) именно обществ резной и штампованной керамики (XII–VIII вв. до н. э) Карпато-Поднестровья в качестве объекта исследования определяется рядом причин, в том числе имеющимися у нас более ранними наработками. Однако гораздо важнее, что именно общества резной и штампованной керамики XI–VIII вв. до н.э. Карпато-Поднестровья дают нам возможность, во-первых, разработать для них весьма дробную периодизацию (условие sine qua non для исследования социокультурной динамики), охватывающую значительный (почти полтысячелетия) отрезок времени. И, во-вторых, для каждого из этапов развития этих обществ мы можем получить необходимые нам для анализа социокультурной динамики количественные данные по интересующим нас параметрам.

Информация по иным архаическим обществам Карпато-Днестровского региона привлекаются нами для анализа лишь по мере необходимости.

Включение в поле анализа современных обществ в качестве объекта было предпринято на определенном этапе исследования с целью, прежде всего, иметь возможность контрольного сравнения результатов, полученных при изучении социокультурной динамики архаических, дописьменных, обществ, для которых массив информации доступной для исследования социокультурной динамики, принципиально ограничен и представлен исключительно сферой материальной культуры.

Выбор в качестве примера современных обществ, а именно Пруто-Днестровского междуречья (Бессарабия, МССР, Республика Молдова), продиктован прежде всего тем, что по мере приближения к современности в последние двести лет именно Пруто-Днестровское междуречье оказывается территорией — ядром Карпато-Поднестровья как культурного пограничья.

Предмет исследования — социокультурная динамика некоторых архаических и современных обществ Карпато-Поднестровья как региона, являющегося неординарным примером культурного пограничья.

Необходимо пояснить, что под социокультурной динамикой мы подразумеваем все те, происходящие в человеческих обществах, процессы, которые имеют как социальное (социально-экономическое и социально-политическое), так и культурное измерение, соединяясь в единое целое. Несмотря на то, что многие из происходящих в антропосфере процессов де-факто характеризуются данной многомерностью, уловить ее и тем более установить закономерности, проистекающие из этой многомерности, причинно-следственные связи между разными измерениями социокультурной динамики — задача весьма и весьма нетривиальная.

В современных обществах количество процессов, проявляющих социокультурную динамику, весьма значительно и стремится к дальнейшему и быстрому увеличению, что является закономерным следствием нарастающего со временем расширения и усложнения антропосферы в целом.

В связи с этим единственно работающим (если исходить из задачи прогнозирования поведения системы) методом в отношении анализа социокультурной динамики является предварительное выявление некоторых ключевых параметров («параметров порядка», выражаясь языком синергетики) социокультурной динамики конкретных обществ и их последующий анализ в рамках определенной, объясняющей (или претендующей на объяснение) поведение системы в целом, теории, в том числе с целью постоянной проверки регулярной верности ключевых постулатов самой этой теории.

Хотя социокультурная динамика в реальности фиксируется и изучается в рамках многих исследований, осуществляющихся на уровне самых разных подходов и научных направлений (в том числе, если говорить сугубо об исследованиях в рамках культурологии и «Теории и истории культуры» как научной дисциплины), особый интерес и значение представляют подходы, которые не только четко осознают указанную многомерность процессов антропософеры, но и ставят своей целью определение искомых причинно-

следственных связей, пытаясь объяснить поведение и развитие антропосферы в целом.

В частности, в этом отношении выделяется такое сравнительно новое научное направление, как клиодинамика (среди его крупнейших представителей Дж. Голдстоун, П.В. Турчин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин, С.А. Нефедов и др.[6]). И некоторые из наших, опубликованных ранее работ, касающихся теории и истории культуры, были реализованы в рамках подхода клиодинамики, в том числе работы, посвященные анализу социокультурной динамики в Карпато-Поднестровье.

Главным вопросом клиодинамики является вопрос о взаимоотношениях и причинно-следственных связях между такими тремя ключевыми проявлениями социокультурной динамики отдельных обществ и человечества в целом, как динамика Жизнеобеспечивающих технологий (ЖОТ), динамика численности населения и, наконец, динамика социальной эволюции. Соответственно, наше исследование будет концентрироваться на относящихся к данной триаде проявлениях социокультурной динамики.

К числу ключевых с точки зрения клиодинамики проявлений социокультурной динамики необходимо отнести и процессы, которые можно обобщить под определением динамики общественно-значимого престижного потребления. Так, на наш взгляд, базовая триада ключевых проявлений социокультурной динамики должна быть расширена за счет сферы общественно-значимого престижного потребления и должна рассматриваться как тетрада.

В силу этого считаем необходимым включить в поле научного анализа процессы, отражающие динамику престижного потребления в рассматриваемых нами обществах.

---

[6] Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007; Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории : вековые циклы и тысячелетние тренды : демография, экономика, войны. М.: КомКнига/URSS, 2007; Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007.

Учитывая, что наше исследование представляет собой сопоставительное изучение социокультурной динамики в обществах архаических и современных, считаем немаловажным выбор именно тех проявлений социокультурной динамики (в данном случае — динамики общественно-значимого престижного потребления), которые дают возможность проводить сопоставление. Выбор конкретных параметров сопоставительного анализа станет одной из задач нашего диссертационного исследования и будет рассмотрен в главах 2 и 3.

Наконец, мы полагаем чрезвычайно продуктивным и абсолютно необходимым компонентом клиодинамического исследования социокультурной динамики анализ таких проявлений социокультурной динамики, которые не могут быть отнесены к клиодинамической тетраде, но при этом могут рассматриваться как индикаторы происходящих в том или ином конкретном обществе социокультурных изменений более глубинного, фундаментального уровня.

В поисках таких проявлений социокультурной динамики определенным ориентиром могут служить наблюдения О. Шпенглера, касающиеся характеристик материальной и духовной культуры общества на определенных этапах его развития. Безотносительно верности подобных наблюдений, сам подход заслуживает внимания, в связи с чем предлагаем обозначать вышеописанную группу параметров — проявлений социокультурной динамики «параметры Шпенглера».

Опираясь на представление о «параметрах Шпенглера», можем включить в поле анализа, исходящего из исследовательских запросов клиодинамики, такие проявления материальной культуры архаических обществ (для архаических, дописьменных обществ изучение социокультурной динамики может опираться, как было отмечено выше, в основном лишь на анализ материальной культуры), как, например, орнаментация керамики.

Таким образом, **цель исследования** — *сопоставительное изучение ключевых проявлений социокультурной динамики* ряда архаических и современных обществ Карпато-Днестровского региона как культурного пограничья с последующим

теоретическим осмыслением и обобщением полученных результатов анализа, а именно использование полученных результатов анализа социокультурной динамики для проверки и уточнения выводов некоторых наиболее разработанных подходов к теоретическому осмыслению исторического развития культуры человечества в целом и европейской цивилизации в частности.

Гипотеза исследования. Архаические и современные общества Карпато-Поднестровского региона, как культурного пограничья, представляют собой объект, исследование которого с помощью теоретического и методологического инструментария такого научного направления, как клиодинамика, позволит получить новые и нетривиальные научные результаты, имеющие значение для теории и истории культуры как научной дисциплины.

Гипотеза и поставленная цель исследования определили **его основные задачи**:

1. Рассмотреть Карпато-Днестровский регион как культурное пограничье и выявить его ключевые характерные особенности, определяющие его положение «культурного междумирья».

2. Определить культурно-генетическое соотношение составных элементов общности резной и штампованной керамики Карпато-Поднестровья, получив в результате «стрелу времени», т.е., установив в самом общем виде направление исторического развития данной общности.

3. Разработать максимально дробную, насколько это возможно, периодизацию развития общности резной и штампованной керамики, что позволит получить ключевой для анализа социокультурной динамики любого общества инструмент.

4. Выявить основные и применимые для анализа социокультурной динамики архаических обществ Карпато-Днестровского региона, как культурного пограничья, параметры.

5. Опираясь на полученные результаты, рассмотреть социокультурную динамику обществ резной и штампованной керамики и определить ее соответствие / несоответствие теоретическим представлениям клиодинамики.

6. Выявить ключевые и применимые для анализа социокультурной динамики современных обществ Карпато-Днестровского региона, как культурного пограничья, параметры.

7. Рассмотреть социокультурную динамику современных обществ Пруто-Днестровского междуречья и определить ее соответствие/несоответствие теоретическим представлениям клиодинамики.

8. Дать теоретическую оценку полученных эмпирических данных и соотнести полученные результаты с ключевыми выводами и постулатами клиодинамики.

Область исследования соответствует пунктам паспорта специальности ВАК **24.00.01 — Теория и история культуры (культурология)**:

1.6. Культура и цивилизация в их историческом развитии.

1.10. Принципы периодизации и основные периоды в историческом развитии культуры.

2.11. Культурно-исторический процесс.

3.7. Социальные факторы развития культуры.

Научная новизна исследования проявляется во многих аспектах и состоит, в частности, в том, что ***впервые***

– обоснована новая, авторская, концепция происхождения культурно-исторической общности КРШК Карпато-Поднестровья;

– опираясь как на анализ керамического материала (прежде всего, орнаментации керамики), так и металлических изделий, предложена новая авторская концепция культурно-генетического соотношения составных элементов культурно-исторической общности КРШК Карпато-Поднестровья и осуществлено построение так называемой «стрелы времени»;

– разработано несколько новых авторских вариантов периодизации культурно-исторического развития общности КРШК Карпато-Поднестровья;

– проанализирована поселенческо-демографическая динамика КРШК Карпато-Поднестровья;

– проанализирована динамика орнаментации керамики КРШК Карпато-Поднестровья;

– проведен сопоставительный анализ поселенческо-демографической динамики и динамики орнаментации керамики как проявлений социокультурной динамики КРШК Карпато-Поднестровья;

– проанализирована, используя подход клиодинамики, социокультурная динамика некоторых современных и типологически близких к ним обществ Карпато-Поднестровья, как культурного пограничья (Бессарабия, МССР, Республика Молдова), в XIX – начале XXI века;

– проведено теоретическое обобщение полученных результатов анализа социокультурной динамики Карпато-Поднестровья, как культурного пограничья, с последующим сопоставлением с некоторыми ключевыми наблюдениями и выводами такого научного направления, как клиодинамика.

В целом никто и никогда ранее (до соответствующих наших работ[7]) не пытался ни проанализировать, используя подход и методологический инструментарий клиодинамики, социокультурную динамику в Карпато-Поднестровье, как культурном пограничье, ни применить результаты такого анализа для проверки некоторых из основных выводов и теоретических постулатов клиодинамики. Однако исследование такого рода позволяет существенно уточнить как представления о ключевых моментах развития

[7] Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979; Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/1841177.html (дата обращения: 15.06.2021); Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438; Романчук А.А. Демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата в Карпато-Днестровском регионе (12 – первая половина 8 вв. до н.э.) : дисс. … магистра антропологии. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2008; Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307; Романчук А.А. Гальштатский горизонт Реуто-Днестровского междуречья с мисками-фруктовницами и проблема его датировки // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 156–160; Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (Ha A – Ha B1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212.

Карпато-Днестровского культурного пограничья в различные эпохи, так и проверить и уточнить некоторые важные постулаты как клиодинамики в частности, так и теории и истории культуры (как научной дисциплины) в целом, прежде всего касающиеся закономерностей развития культуры.

Методологическая основа исследования. С методологической точки зрения использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение, аналогия, моделирование, системный подход, сравнительно-исторический метод), так и методы конкретных научных дисциплин, прежде всего археологии (периодизация, классификация, создание относительной хронологии) и клиодинамики (метод количественного анализа социокультурной динамики).

Теоретической основой исследования выступают в первую очередь теоретические модели и концепции современной клиодинамики, представленные в работах таких исследователей, как А.В. Коротаев, П.В. Турчин, СА. Нефедов, Дж. Голдстоун, Л.Е. Гринин, С.В. Цирель, Н.С. Розов и др. (в том числе автор диссертации).

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в учебных курсах по истории Карпато-Днестровского региона, в преподавании в высшей школе ряда других дисциплин, в частности культурологии, а также археологии раннего железного века Европы; в контексте культурного обмена европейских стран, народного творчества и истории прикладного искусства.

Полученные результаты могут быть использованы также для улучшения возможностей прогнозирования эволюции современных обществ и человечества в целом.

Источниковой базой исследования являются археологические данные и созданные на их основе реконструкции истории — для архаических обществ Карпато-Днестровского региона — и данные истории, социологии, демографической, экономической и социальной статистики — для современных обществ данного региона.

Хронологические рамки исследования соответствуют, для архаических обществ, эпохе раннего — начала среднего гальштата Карпато-Днестровского региона (На А1–На В2\В3, начало На С), или, в абсолютных датах, XII – начало – середина VIII вв. до н.э.; для современных обществ — периоду XIX – начала XXI в. н.э.

Пространственные рамки исследования охватывают Карпато-Днестровский регион — территорию между Восточными Карпатами и рекой Днестр, а также прилегающие территории. С точки зрения современного политико-административного устройства это территория Республики Молдова (прежде всего), Румынии (ее восточной прикарпатской части), Украины (Черновицкая и Одесская области).

Апробация результатов исследования. Результаты проведенного исследования в период с 2000 по 2020 год были изложены в двух монографиях[8] и нескольких десятках статей, опубликованных в рецензируемых научных журналах, ведущих в данной области исследования в частности *Stratum plus* (входит в первый квартиль *Scopus*, а также в *Web of Science*); *Revista arheologică* (входит в *Scopus*), и сборниках «Эволюция»; «История и математика»; МАСП), — в том числе опубликованных в последние три года[9]. Результаты исследования также представлены в докладах на конференциях в Университете «Высшая Антропологическая Школа» (Кишинев, Республика Молдова, 2000–2015), в

[8] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117; Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011.

[9] Романчук А.А. На старте антропогенеза: жесткая среда или поисковая активность? // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 2 (6). С. 19–32; Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результате опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 129–140; Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127; Романчук А.А. «Воля к барокко» и динамика орнаментации столовой керамики КРШК Карпато-Днестровского региона // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Том 4. №2 (14). С. 82–95; Романчук А.А., Романенко Н.М. Межкультурная коммуникация в Карпато-Поднестровье эпохи раннего гальштата // Современная коммуникативистика. 2020. № 4 (47). С. 31–34.

Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова, 2007, 2009), в университете им. Мечникова (Одесса, Украина, 2008), в Институте математики им. М.В. Келдыша (Москва, Российская Федерация, 2009), в Запорожском Национальном Университете (Запорожье, Украина, 2009), в университете им. А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан, 2014).

Положения, выносимые на защиту:

1. Карпато-Днестровский регион представляет собой весьма неординарный пример культурного пограничья, располагаясь на стыке нескольких «культурных миров».

2. Происхождение культурно-исторической общности КРШК Карпато-Поднестровья связано с Реуто-Днестровским междуречьем и восходит в итоге к такой культуре бронзового века Пруто-Днестровского междуречья, как Единецкая.

3. Анализ как керамического материала (прежде всего, орнаментации керамики), так и металлических изделий демонстрирует, что у истоков эволюции КРШК Карпато-Поднестровья располагаются памятники ранних фаз развития культуры Сахарна-Солончень.

4. Как по материалам поселений, так и погребальных памятников выделяется пять фаз развития культуры Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья.

5. Анализ поселенческо-демографической динамики КРШК Карпато-Поднестровья показал, что она имела характер процесса, идущего с ускорением и резко обрывающегося в конце существования этой культурной общности.

6. Анализ динамики орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья показал, что эта динамика также имела характер процесса, идущего с ускорением, но замедляющегося к концу существования КРШК.

7. Сопоставительный анализ поселенческо-демографической динамики и динамики орнаментации керамики показал, что развитие КРШК Карпато-Поднестровья прервалось до исчерпания внутренних возможностей роста в

результате деструктивного воздействия внешнего импульса.

8. Анализ социокультурной динамики архаических и современных обществ Карпато-Поднестровья показывал необходимость учета, во-первых, общественно-значимого престижного потребления, во-вторых, степени относительной недонаселенности того или иного региона, в-третьих, расположение общества в культурном пограничье как факторов, оказывающих существенное влияние на динамику социальных циклов.

ГЛАВА 1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И КУЛЬТУРНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ОБЩЕСТВА КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

1.1. Карпато-Днестровский регион как «культурное междумирье»: причины и следствия

Необходимость рассмотрения Карпато-Днестровского региона как «культурного междумирья» проистекает из нескольких источников.

Первоначальными, пожалуй, следует считать наши предыдущие разработки и усилия по анализу социокультурной динамики некоторых общностей эпохи раннего гальштата Карпато-Поднестровья. Полученные результаты приводят к потребности применить несколько иной подход (априори весьма интересный и потенциально очень продуктивный) и попытаться вписать, увидеть эту динамику в контексте общего развития региона на протяжении более длительного интервала исторического времени.

Для реализации данной цели в первую очередь необходимо начать с постановки двух закономерно возникающих вопросов: а) какой интервал исторического времени целесообразно было бы выбрать в данном случае? б) какие параметры определить для анализа социокультурной динамики?

Найти ответы на поставленные вопросы помогает ряд опубликованных ранее работ, авторы которых практически подошли к выводу о необходимости рассматривать Карпато-Поднестровье как «культурное междумирье».

В первую очередь речь идет о работах М.Б. Щукина, в которых автор сформулировал свою продуктивную идею о «семи культурных мирах Европы». М.Б. Щукин показал, что в развитии Европы на «рубеже эр» (I век до н.э. – I н.э.) отчетливо выделяются семь весьма своеобразных «культурных миров»[10]. К

[10] Ailincăi S.-C. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dobrudja // Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area / F. Cogâltan, C. Cordoș (ed.). Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 201–236. С. 15–26.

одному из них, «фракийскому» миру Балкано-Карпато-Дунайского региона[11], М.Б. Щукин отнес и Карпато-Поднестровье.

Считаем целесообразным отметить, что возникновение этих миров следует отнести к эпохе поздней бронзы, если не ранее. Также очевидно, что «фракийский» мир — это часть общего «фрако-иллирийского» мира Балкано-Карпатского региона (к рубежу эр «иллирийский» мир уже прекратил свое самостоятельное существование, поэтому М.Б. Щукин не стал его выделять отдельно[12]. То, что почти тридцать лет назад в литературе возникла точка зрения, предлагающая считать такие культуры с каннелированной керамикой Карпато-Днестровского региона, как Кишинев-Корлатень и Гава-Голиграды, иллирийскими (хотя с самого момента открытия исследователи всегда единодушно интерпретировали их как фракийские), лишь является дополнительным подтверждением и иллюстрацией существования единого «фрако-иллирийского» мира.

Отталкиваясь от идеи М.Б. Щукина, группа молдавских исследователей (среди которых мы бы особо выделили М.Е. Ткачука и Р.А. Рабиновича) предложили иной взгляд на место Карпато-Поднестровья среди «культурных миров» М.Б. Щукина. Они вполне убедительно показали, что Карпато-Поднестровье правильнее рассматривать как своего рода «междумирье» (хотя сами они этот термин и не использовали), «мир на стыке миров»[13], который не относился ни к миру «фрако-иллирийскому», ни к какому-либо другому из семи обозначенных М.Б. Щукиным, где по крайней мере четыре (а периодически и

---

[11] Ailincăi S.-C. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dobrudja // Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area / F. Cogâltan, C. Cordoș (ed.). Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 201–236. С. 24–25.

[12] Там же. С. 25–26.

[13] Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. Nonarchaeologycal theory and problem of cultural Heritage // World Archaeological Bulletin. 1995. № 8. P. 9–18; Рабинович Р.А. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Тельнова / ред. Р.А. Рабинович, В.С. Синика. Кишинев: Stratum plus, 2018. С. 465–482. С. 465.

более) из этих семи миров постоянно встречались и сталкивались, каждый пытаясь, но всегда безуспешно, «присвоить» его себе.

Речь идет не просто о культурных влияниях, но и о практически постоянном присутствии в Карпато-Поднестровье как минимум одного из «культурных миров».

Полагаем, что именно работу М.Е. Ткачука и Р.А. Рабиновича можно считать третьим (и ключевым) источником идеи рассмотрения Карпато-Поднестровья как «культурного междумирья».

Следует также подчеркнуть, что эта «междумирность» Карпато-Поднестровья настолько очевидна, что на самом деле она отмечалась, хотя бы и мельком, многими другими исследователями исторического развития региона. Если не начинать с молдавского средневекового летописца Г. Уреке, который писал, что Молдова расположена «на перепутье всех бед», то следовало бы отдельно отметить молдавского археолога В.А. Дергачева, который еще в конце 1980-х сформулировал идею Карпато-Поднестровья как «Контактной зоны» с большой буквы[14], своего рода «мегаконтактной зоны» (возражая при этом против наметившейся в советской археологии того времени тенденции обозначать как контактную зону любое пограничье двух культур).

Итак, очертив основные источники необходимости рассмотрения Карпато-Поднестровья как «культурного междумирья», подчеркнем: «междумирность» Карпато-Поднестровья, равно как и шедшие здесь процессы столкновения разных культурных миров, представляют собой крайне интересный феномен. Постоянные «возмущения», действовавшие со стороны, вызывали в «междумирье» Карпато-Поднестровья весьма причудливые флуктуации, наипростейшим образом описываемые динамикой стабильности и нестабильности. Анализ динамики этих флуктуаций представляет научный интерес, в том числе с точки зрения теории и истории культуры (в общетеоретическом плане).

---

[14] Дергачев В.А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья // Stratum plus, 1999. № 2. С. 169–221. С. 169–171.

Прежде чем приступать к анализу динамики культурных трансформаций Карпато-Днестровского «междумирья», необходимо определиться с некоторыми предварительными условиями, прежде всего — хронологическими рамками существования этого «междумирья».

Подлежащий анализу хронологический диапазон существования Карпато-Поднестровья как «междумирья» весьма обширен. Фактически мы должны рассматривать «междумирье» Карпато-Поднестровья как возникающее еще в мезолите и существующее по сей день.

Безусловно такой хронологический охват делает задачу весьма обширной. Для каждой из эпох обозначенного хронологического диапазона характерны свои особенности, требующие детального изучения и анализа.

Исходя из этого, представляется целесообразным на этапе данного диссертационного исследования ограничиться эпохой раннего гальштата для архаических обществ и обществами Пруто-Днестровского междуречья XIX – начала XXI века (Бессарабия, МССР и Республика Молдова) для современных.

В качестве второго предварительного условия выступает необходимость определиться с конкретными географическим рамками Карпато-Поднестровья как «культурного междумирья», что требует некоторых уточнений. Хотя с географической точки зрения в понятие Карпато-Днестровский регион необходимо включить Верхний Днестр, предгорное и горное течение Днестра, но в культурно-историческом отношении Карпато-Поднестровье, на наш взгляд, заканчивается на Среднем Днестре. Верхний Днестр — уже иной мир, собственно «Балкано-Карпатский», «фрако-иллирийский» с позиции рассматриваемой эпохи.

Более того, представляется целесообразным даже в рамках узкого понимания Карпато-Поднестровья выделить «Ядро», т.е. основную часть Карпато-Поднестровья как «культурного междумирья», и его «Периферию». Необходимость эта обуславливается тем, что, в отличие от «Ядра», ритмы и темп культурно-исторической динамики, динамики культурных трансформаций

«Периферии» Карпато-Днестровского «культурного междумирья» были существенно медленнее.

В качестве «Периферии» Карпато-Поднестровья как «междумирья» (для эпохи раннего гальштата) следует рассматривать территорию Буковины как Северной, так и Южной, где на протяжении всего периода На А1 – На В2/В3 благополучно существовали (несмотря на более или менее значимые внутрикультурные изменения, включая проблему строительства т.н. «голиградских городищ») локальные варианты (группа Грэничешть в районе Сучавского плато на Южной Буковине и Голиградская группа в Покутье и на Северной Буковине) культуры Гава-Голиграды. В восточных же районах нынешней Черновицкой области Украины в На В1 распространяется Чернолесская культура, которая далее также благополучно существовала на Среднем Днестре вплоть до позднего предскифского времени включительно (для Балкано-Карпатского региона это На С; в абсолютных датах — VIII век до н.э.).

Аналогичным образом к «Периферии» Карпато-Поднестровья следует отнести и южную степную часть Пруто-Дунай-Днестровского междуречья, Буджак. Здесь Белозерская культура, возникающая в На А1 как результат трансформации Сабатиновской культуры под мощным западным влиянием (со стороны культур с каннелированной орнаментацией керамики, типа Кишинев-Корлатень), далее существует и в На В1.

Соответственно с таким делением считаем целесообразным рассмотреть динамику культурных трансформаций как по отдельности для «Ядра» и «Периферии» Карпато-Поднестровья, так и в целом. Но, исходя из возможностей данного этапа работы, предлагаем сосредоточиться в ней лишь на анализе динамики культурных трансформаций для «Ядра» Карпато-Днестровского «междумирья».

Определившись с хронологическими и географическими рамками нашего исследования, мы должны оговорить еще одно обязательное для анализа любой динамики условие — выделение фаз развития изучаемого процесса. Так,

применительно к отрезку времени, обозначаемому как ранний гальштат Карпато-Поднестровья, имеется дробная периодизация. Она представляет собой привязку локальных процессов Карпато-Поднестровья к периодизационной шкале П. Райнеке и Х. Мюллер-Карпе. Отметим, что ранний гальштат по шкале П. Райнеке и Х. Мюллер-Карпе подразделяется на четыре фазы, продолжительность каждой из них около ста лет: На А1 — XII век до н.э.; На А2 — XI век до н.э.; На В1 — X век до н.э.; На В2/В3 — IX век до н.э. Значительная дробность периодизации позволяет нам увидеть динамику культурных трансформаций Карпато-Поднестровья в эпоху раннего гальштата с высокой степенью точности и детальности.

Таким образом, возникает вопрос: какой параметр мог бы оптимально отразить динамику культурных трансформаций, динамику стабильности и нестабильности?

По данным проведенного исследования, таким параметром могло бы стать **отношение** *суммы нововозникших и исчезнувших культур за вычетом продолживших свое существование* **к продолжительности периода** (a+b-c)/d). Предлагаем обозначить этот параметр как **индекс культурных трансформаций**. Полагаем, что данный параметр все же достаточно точно отражает интересующие нас составляющие, а именно: скорость и масштабы культурных трансформаций в регионе.

Представляется, что наиболее оптимальным вариантом рассмотрения результатов анализа является графическая форма (рис. 1), сопровождающаяся соответствующими комментариями.

Рисунок 1 — Динамика культурных трансформаций в Карпато-Поднестровье в эпоху раннего гальштата (XII–IX вв. до н.э.)[15].

Как показано на рисунке, максимальное значение (0,06) индекс культурных трансформаций принимает в самом начале эпохи раннего гальштата, в период На A1. Это вполне соответствует грандиозному масштабу произошедших в данный период в Карпато-Поднестровье культурных трансформаций: исчезают культуры Сабатиновка и Ноуа; возникает культура каннелированной керамики Кишинев-Корлатень и несколько культур и культурных групп, характеризующихся резной орнаментацией керамики (Тэмэоань, Холеркань-Ханска и Сахарна-Солончень). Стоит также подчеркнуть, что в это же время происходят серьезные культурные трансформации и на «Периферии» Карпато-Поднестровья: возникают культуры Гава-Голиграды и Грэничешть в ее северной части, и Белозерская — в южной[16].

[15] Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (XII – начало VIII в. до Р.Х.) и магистральные тренды социальной эволюции // Stratum plus. 2011. № 3. С. 215–231.

[16] Рассматривая все эти культурные трансформации как относящиеся к периоду На A1, мы исходим из наиболее популярного в литературе представления. Наметившиеся в последние годы попытки удревнить начало Кишинев-Корлатень (а, соответственно, и в целом начало тех масштабных культурных трансформаций в Карапто-Поднестровье, которые произошли в начале раннего гальштата) — даже чуть ли не до Br D (чему отдал дань и О.Г. Левицкий), сочувствия у нас, признаться, не вызывают. Свои соображения на этот счет мы излагали ранее в связи с проблематикой металлических изделий в контексте возникновения КРШК и считаем их по-прежнему валидными. Но если, строгости анализа ради, рассматривать и такое допущение, то мы, по всей видимости, получаем еще большую длительность следующего периода и, соответственно, еще более низкие значения индекса культурных трансформаций для него.

Следующий период, На А2, характеризуется стабильностью и отсутствием поддающихся измерению на основании используемого нами параметра изменений. Возникшие в предыдущий период археологические культуры благополучно продолжают свое существование. Соответственно, индекс культурной трансформации уходит в область отрицательных значений и достигает минимального для рассматриваемой эпохи показателя (-0,04).

Время стабильности было непродолжительно, и уже в следующий период, На В1, вновь происходят весьма масштабные события. В это время исчезают культура Кишинев-Корлатень и культурные группы Тэмэоань и Холеркань-Ханска, а в их бывшем ареале возникает новая культура — Козия. Индекс культурной трансформации (0,04) вновь резко повышается. В северной части «Периферии» Карпато-Поднестровья возникают локальные среднеднестровские группы Чернолесской культуры. Их влияние в это время ощущается и существенно южнее, в ареале Сахарна-Солончень, а также на северной «Периферии» культуры Кишинев-Корлатень, в Среднем Попрутье: поселение Тринка, курган с каменным панцирем у села Браниште Рышканского района Республики Молдова[17]. В связи с этим представляется целесообразным учесть данные влияния со стороны Чернолесской культуры в качестве значимого компонента культурных трансформаций для «Ядра» Карпато-Днестровского «междумирья».

Необходимо также заметить, что в окраинных областях культуры Кишинев-Корлатень (прежде всего на западе и севере ее ареала) вполне возможно продолжение существования ее остатков (подвергающихся ассимиляции) и в На В1, как на том же поселении Тринка. Заслуживает внимания высказанное О.Г. Левицким предположение о миграции части носителей Кишинев-Корлатень в На В1 в северо-западном направлении, в ареал Голиградской группы культуры Гава-Голиграды.

[17] Leviţki O., Sîrbu L. Consideraţii privind stadiul actual şi prioritățile cercetării culturii Hallstattului canelat de tip Chişinău-Corlăteni din spaţiul carpato-nistrean (sec. XII – X î.e.n.) // Revista Arheologică. Vol. VIII (1–2). 2012. P. 58–68. P. 64–65.

В период На В2/В3 происходят не менее существенные изменения, не вполне отражаемые используемым нами индексом. В это время (и скорее ближе к началу периода) исчезает культура Козия. В южной части «Периферии» Карпато-Поднестровья, в степной части Пруто-Дунай-Днестровского междуречья в результате импульса с востока, из евразийской Степи, распространяются памятники ранних кочевников — культура Черногоровка. Существенно, что заметные влияния Черногоровской культуры ощущаются и в «ядровой» части Карпато-Поднестровья, достигая Среднего Попрутья[18].

На этом эпоха раннего гальштата завершается Однако для создания адекватной и целостной картины целесообразно учесть и данные по началу следующей эпохи, т.е. среднего гальштата.

Итак, в период На С происходят события весьма значительного масштаба. Во-первых, в начале этого периода исчезает культура Сахарна-Солончень. В результате импульсов и миграций населения из района Железных Ворот и с Нижнего Дуная возникают Шолданештская группа культуры Басарабь-Шолданешть в Пруто-Днестровском междуречье, а также культура Стойкань в Запрутской Молдове. Во-вторых, также с Подунавьем (конкретный регион требует дальнейшего уточнения) связан еще один культурный импульс этого времени, отразившийся в появлении на Среднем Днестре т.н. «фруктовниц ленковецкого типа»[19].

В-третьих, весьма активны и заметны в это время и новые влияния на «ядровую» часть Карпато-Днестровского «междумирья» как со стороны «мира» евразийской Степи, так и со стороны «мира» восточноевропейского Леса, конкретно — среднеднестровских групп Чернолесской культуры. Именно эти весьма значимые для культурного развития региона в данную эпоху, влияния не

---

[18] Leviţki O., Sîrbu L. Consideraţii privind stadiul actual şi prioritățile cercetării culturii Hallstattului canelat de tip Chişinău-Corlăteni din spaţiul carpato-nistrean (sec. XII – X î.e.n.) // Revista Arheologică. Vol. VIII (1–2). 2012. P. 58–68. P. 64.

[19] Подробнее см.: Романчук А.А. Гальштатский горизонт Реуто-Днестровского междуречья с мисками-фруктовницами и проблема его датировки // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 156–160.

вполне удается отразить в используемом нами индексе культурной трансформации.

В связи с чем, нужно иметь в виду, что даже установленный в результате анализа показатель индекса культурных трансформаций (0,05) не полностью отражает реальный масштаб произошедших в этот период изменений.

Итак, динамика культурных трансформаций Карпатско-Днестровского «междумирья» в эпоху раннего гальштата выглядит следующим образом. Она характеризуется значительной нестабильностью и высокой частотой кардинальных изменений культурной ситуации. Максимальные темпы и размах культурных трансформаций в регионе были характерны для самого начала эпохи раннего гальштата, когда произошел распад культурного блока Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень. В это время кардинальные изменения происходят не только в «Ядре» Карпато-Днестровского «междумирья», но и на его северной и южной «Периферии», где под общим влиянием со Среднего Дуная также возникают принципиально новые культурные общности. Последующее столетие было временем стабильности и культурной неизменности. Однако стабильность эта была весьма недолговечной, и следующее, третье, столетие эпохи раннего гальштата в регионе было сопряжено с новыми и весьма радикальными культурными трансформациями, которые затронули в основном лишь «ядровую зону» Карпато-Днестровского «междумирья» и отчасти его северную «Периферию»; в южной части «Периферии» продолжается развитие Белозерской культуры.

Наконец, завершение эпохи раннего гальштата в Карпато-Поднестровье ознаменовалось еще более масштабными культурными трансформациями, которые, однако, были менее значительными, нежели происходившие в начале эпохи. В результате — полное культурное переформатирование «ядровой зоны» Карпато-Поднестровья, где окончательно исчезают последние остатки тех культурных образований, с которых эпоха раннего гальштата началась.

Таковы основные выводы, вытекающие из анализа динамики культурных трансформаций в Карпато-Днестровском регионе в эпоху раннего гальштата. Они наглядно демонстрируют и статус Карпато-Днестровского региона как «культурного междумирья», и характерную для него особенность — высокую степень нестабильности, выраженную в зонах «Периферии» региона.

Не рассматривая специально динамику культурных трансформаций в Карпато-Поднестровье во второй из интересующих нас периодов, период XIX–XXI вв. н.э. (что выходит за рамки нашего диссертационного исследования), следует заметить, что последняя из указанных характеристик Карпато-Поднестровья как «культурного междумирья» — высокая нестабильность — продолжает оставаться его ярко выраженной чертой и в период XIX–XXI вв. н.э.

Особый интерес состоит в том, что в период XIX–XXI вв. н.э. нестабильность и темпы изменений были гораздо выше как раз на «Периферии» Карпато-Днестровского «культурного междумирья».

Так, Бессарабия, войдя в состав Российской империи в 1812 году, оставалась ее частью до 1918 года, когда была аннексирована Румынией.

При этом южная часть Бессарабии, Буджак, за этот же период успел по результатам Крымской войны перейти под власть новообразованного на тот момент государства Румыния (первоначально, с 1859 года — Объединенное княжество Молдавии и Валахии), а затем, по результатам уже русско-турецкой войны 1877–1878 гг., снова оказаться под властью Российской империи.

После 1940 года, когда Бессарабия была отобрана СССР у Румынии и образована МССР, южная часть Бессарабии (Аккерманский и Измаильский уезды) не вошла в состав этой новой союзной республики, а была включена в состав Украинской ССР.

В период же после распада СССР именно южная часть МССР, наряду с Приднестровьем, оказывается зоной повышенной нестабильности и даже открытого конфликта, по счастью, не переросшего в гражданскую войну, а

завершившегося образованием автономного политико-административного субъекта в составе Республики Молдова, Гагауз Ери.

В украинской части южной Бессарабии, как известно, события последних лет также привели к росту опасений со стороны центральной власти в потенциальной возможности проявления сепаратистских устремлений со стороны населения региона.

Аналогичные опасения украинское правительство испытывает и в отношении Буковины, где мощным дестабилизирующим фактором является реваншистская по своей сути политика Румынии.

Если прибегнуть к ретроспективе и упомянуть период существования Молдавского княжества до XIX, то мы будем наблюдать те же тенденции.

Юг Бессарабии, попав под власть Молдавского княжества в XIV веке, уже в начале XVI века был Молдавским княжеством утрачен и перешел под власть Османской империи. Там были образованы сначала Аккерманский, а затем и Бендерский райяты, поселены ногайские татары.

Аналогично в северной части Пруто-Днестровского междуречья, на Буковине, Покутье и Хотинщине, власть молдавских господарей оказалась весьма недолговечной, причем степень нестабильности в этот период здесь оказалась даже выше, чем в южной части региона. Попеременно Польша и Османская империя, неоднократно отнимая друг у друга, владеют этими землями на протяжении XVI–XVIII веков, пока в 1775 году они не переходят под власть Австрии.

Символично, что, как и Буджак, Покутье в переводе означает «угол». Возникновение этих географических названий в концентрированном виде отразило характернейшую особенность Карпато-Днестровского региона как «культурного междумирья». И с севера, и с юга его окаймляют «углы», где в эпоху архаических обществ степень культурной нестабильности была существенно ниже, нежели в центральной части «междумирья». Однако, при приближении к современности, наоборот, именно «углы» вдруг оказываются

зонами максимальной (даже по меркам «культурного междумирья») нестабильности.

Причины такой «смены полюсов» требуют отдельного рассмотрения и не входят в задачи данного исследования. Однако предварительно, в качестве важнейшей причины вышеуказанного изменения, можно рассматривать резко возросшую с определенного периода времени степень взаимодействия «культурных миров» Европы, в результате чего в отношения прямой конкуренции на территории Карпато-Днестровского «культурного междумирья» вступают даже те «культурные миры», которые в более раннее время влияли на Карпато-Поднестровье лишь спорадически. Прежде всего здесь речь должна идти о «центрально-европейском мире» (Польша, Австрия) — наследнике (или одном из наследников) «кельтского мира», а также мире «восточноевропейском» (Россия) и «средиземноморском» (Турция).

Необходимо также отметить, что, практически постоянно пребывая в роли вассала или даже под управлением (чаще непрямым, но иногда и прямым) сильных соседей (Польша, Венгрия, Турция, позже Россия и Румыния), сначала Молдавское княжество, а потом его наследники (в частности Бессарабия, МССР, Республика Молдова) просуществовали как некий отдельный феномен на протяжении более шестисот лет. Для Карпато-Поднестровья это чрезвычайно высокая продолжительность существования.

Такой нетипичный для Карпато-Поднестровья вариант развития событий был обусловлен тем, что система взаимодействий культурных миров, образующих Карпато-Днестровское культурное пограничье, к концу позднего средневековья эволюционировала в некое новое состояние, новую фазу развития, определяемую новыми аттракторами (используя термин синергетики).

Крайне интересным и перспективным представляется выяснение сути вышеобозначенного фазового перехода и характеристик новых аттракторов, определяющих развитие системы взаимодействий культурных миров в рамках Карпато-Днестровского культурного пограничья.

Вопрос, однако, выходит за рамки наших нынешних намерений и должен стать предметов отдельного исследования.

Здесь же лишь заметим, что предыдущий прецедент не меньшей длительности наблюдался в Карпато-Поднестровье более шести тысяч лет назад, когда в Карпато-Поднестровье возникает и позднее распространяется далеко на восток культура Кукутень-Триполье. Вероятно, анализ феномена Кукутень-Триполья окажет продуктивное влияние на прояснение ситуации, сложившейся в Карпато-Днестровском культурном «междумирье» к современности.

1.2. Общества резной и штампованной керамики Карпато-Днестровского региона: стрела времени

Культуры Резной и Штампованной Керамики (КРШК), «орнаментированный гальштат», «восточнобалканский круг памятников» — все это различные названия культурно-исторической общности, существовавшей на востоке Балкан, в Нижнем Подунавье и Карпато-Поднестровье в XII — первой половине VIII вв. до н.э.

В археологическом отношении изучение обществ КРШК, обществ резной и штампованной керамики, начинается примерно с середины XX века, очень интенсивно идет все это время, и на сегодняшний день наши знания на этот счет уже весьма обширны. Среди многих исследователей, внесших значительный вклад в изучение резной и штампованной керамики, необходимо назвать в первую очередь А.И. Мелюкову[20], А. Ласло[21], Б. Хензеля[22], С. Моринца[23], Г.И.

[20] Мелюкова А.И. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончень в Молдавии // КСИА. 1982. № 170. С. 3–12.

[21] Laszlo A. O aşezare halştattiană la Cozia (jud. Iaşi) // Arheologia Moldovei. 1972. № VII. P. 207–222; László A. Hallstattul timpuriu şi mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi, 1985; Laszlo A. Grupul Tamaoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu in ceramica incizata din sudul Moldovei // Memoria Antiquitatis. 1986. № 12–14. P. 65–91; Lászlo A. Dates radiocarbones et chronologie de la civilisation Noua-Sabatinovka-Coslogeni // Culture et civilisation au Bas Danube. X, Călăraşi. P. 23–41; Lászlo A. Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi. Culturile Gava-Holigrady şi Corlăteni-Chişinău pe teritoriul Moldovei. Bucureşti: Institutul de Tracologie, 1994.

Смирнову[24], М. Гумэ[25], М.Т. Кашуба[26], И.В. Бруяко[27], К. Иконому[28], М. Брудиу[29], О.Г. Левицкого[30], С.-К. Аилинкэй[31], С.М. Агульникова[32], Л.И. Крушельницкую[33].

---

[22] Hänsel B. Beitrage zur regionalen und chronologischen Gliderung der alteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. T. 1–2. Bonn: Habelt, 1976.

[23] Morintz S. Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1978; Morintz S. Noi date şi probleme privind perioadele Hallstattiene timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. 1987. VIII, 1–2. P. 39–71; Morintz S., Roman P. Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României — Insula Banului // SCIV. 1969. № 20 (3). P. 393–422; Morintz S., Angelescu N. O nouă cultură a epocii bronyului în România. Cultura de tip Coslogeni // SCIV. 1970. № 21 (3). P. 373–416.

[24] Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников на Среднем Днестре) // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 60–72; Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 43–60; Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. №4. С. 33–55; Смирнова Г.И. Поселение у с. Днестровка — памятник Чернолесской культуры на Днестре // АСГЭ. 1985. Вып. 26. С. 5–29; Смирнова Г.И. Последний сезон работы на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 8–26; Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. О двух локальных группах позднего Чернолесья // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 18–28.

[25] Gumă M. Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti: S.C. Melior Trading S.R.L., 1993; Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. 1995. № 16. P. 99–137.

[26] Кашуба М.Т. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. 1999. № 3. С. 369–389; Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488; Кашуба М.Т. Сахарна – Terra incognita? // Revista arheologică. 2008. № IV (2). С. 105–118; Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г. Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 118–223; Кашуба М.Т., Фидельский С. Находки финальной бронзы и раннего железного века из многослойных поселений Рашков XI и Рашков XII (Левобережье Среднего Днестра) // Revista arheologică. 2007. № III, 1–2. С. 266–281; Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Tzpologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittelß, Südß und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. 2009. № 14. P. 193–232; Бочкарев В.С., Кашуба М.Т. Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // Stratum plus. 2018. №3. С. 207–220.

[27] Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв до н.э.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005; Бруяко И.В. Киммерийцы, фракийцы и могильник Стойкань // Revista arheologică. 2005. № I (2). С. 202–211; Бруяко И.В. Троя и культуры Нижнего Дуная. Некоторые параллели позднего бронзового века // МАСП, 2010. № 11. С. 249–302.

[28] Iconomu C. Cercetările arheologice din cetatea Pocreaca-Iaşi // Arheologia Moldovei. 1996. № XIX. P. 21–56.

[29] Brudiu M. Contribuţii la cunoaşterea genezei Hallstattului în sud-estul României // SCIVA. 1981. № 32 (4). P. 529–536; Brudiu M. Cercetări privind Hallstattului din sud-estul Moldovei // SCIVA. 1991. № 42 (3–4). P. 221–239.

[30] Левицкий О.Г. Курган у с. Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии // отв. ред. Н.А. Кетрару. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 137–149; Левицкий О.Г. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / отв. ред. Н.А. Кетрару. Тирасполь: Типар, 2002. С. 180–205; Leviţki O.G. Cultura

Определенный вклад в изучение обществ КРШК внесли, как нам кажется, и некоторые наши работы[34].

Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi. Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994; Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256; Leviţki O.G. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. 1994. № 15. P. 159–215; Leviţki O.G. Consideraţii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriului Moldovei // Revista arheologică. 1998. № II. P. 28–59; Leviţki O.G. Tradiţii hallstatiene în producţia ceramicii culturii Belozerka // Thraco-Dacica. 2000. № 21. P. 177–209; Leviţki O. Consideraţii cu privire la limita cronologică inferioară a culturii hallstattului canelat Chișinău-Corlăteni din spaţiul est-carpatic // Revista Arheologică. Vol. XII. Nr. 1–2. 2016. P. 80–105; Leviţki O., Sîrbu L. Consideraţii privind stadiul actual şi prioritățile cercetării culturii Hallstattului canelat de tip Chișinău-Corlăteni din spaţiul carpato-nistrean (sec. XII – X î.e.n.) // Revista Arheologică. Vol. VIII (1–2). 2012. P. 58–68.

[31] Ailincăi S.-C. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dobrudja // Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area / F. Cogâltan, C. Cordoș (ed.). Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 201–236; Ailincăi S.-C. Early Iron Age Stamped Pottery in Southeastern Europe. Analysis, Chronology and Interpretation // Objects, Ideas and Travelers Contacts between the Balkans, the Aegean and Western Anatolia during the Bronze and Early Iron Age. (Universitdtsforschungen zur prdhistorischen Archaologie. Band 350. Aus dem Institut fьr Ur- und Frьhgeschichte der Universitdt Heidelberg) / J. Maran, R. Băjenaru, S.-C. Ailincăi, A.-D. Popescu, S. Hansen (ed.). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2020. P. 447–472.

[32] Агульников С.М. Компоненты культуры Ноуа в Белозерской погребальной обрядности // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 11. Запоріжжя: ЗНУ, 2004. С. 3–10; Агульников С.М. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья // Revista arheologică. 2005. № I (1). С. 77–91; Агульников С.М. Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи // Revista arheologică. 2006. № II (1–2). С. 217–262; Агульников С.М. Могильник Сабатиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица // Revista arheologică. 2008. № IV (2). С. 124–138; Агульников С.М., Паша В.И., Попович С.С. Святилище позднего бронзового века на поселении Ла Юрт (Капланы – I) // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 5–13.

[33] Крушельницкая Л.И. Группа памятников Среднего Поднестровья. Чернолесская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Энеолит, бронзовый век и раннее железо. Киев: Наукова Думка, 1990. С. 135–140.

[34] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117; Романчук А.А. Демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата в Карпато-Днестровском регионе (12 – первая половина 8 вв. до н.э.) : дисс. … магистра антропологии. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2008; Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307; Романчук А.А. Металлические изделия (кельты и серпы) и генезис исторической общности КРШК эпохи раннего гальштата Карпато-Днестровского региона // МАСП. 2009. № 9. С. 54–67; Романчук А.А. Гальштатский горизонт Реуто-Днестровского междуречья с мисками-фруктовницами и проблема его датировки // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 156–160; Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (На А – На В1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212; Романчук А.А. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и

Вместе с тем даже в археологическом отношении перед исследователями обществ резной и штампованной керамики простирается еще немало белых пятен, а будущие исследования, даже стирая их, несомненно поставят перед нами новые вопросы.

В рамках нашего диссертационного исследования основными анализируемыми объектами являются те культуры и культурные группы КРШК, которые распространялись именно в Карпато-Днестровском регионе:

– культура Сахарна-Солончень, занимавшая Реуто-Днестровское междуречье (сегодня территория Резинского, частей Оргеевского и Шолданештского районов Республики Молдова);

– культура Козия, распространявшаяся к западу от Реута и почти до Карпат, с основной зоной концентрации памятников в румынской Молдове[35];

– культурная группа Балта, непосредственно граничившая с Сахарна-Солончень и распространявшаяся между Днестром и Южным Бугом;

другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии // Stratum plus. 2011. № 2. С. 187–206; Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (XII – начало VIII вв. до Р.Х.) и магистральные тренды социальной эволюции // Stratum plus. 2011. № 3. С. 215–231; Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011; Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127; Романчук А.А. «Воля к барокко» и динамика орнаментации столовой керамики КРШК Карпато-Днестровского региона // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Том 4. №2 (14). С. 82–95; Левинский А.Н., Романчук А.А. Памятник культуры Сахарна-Солончень на Левобережье Днестра (Рашков-Млыны) // Revista arheologică. 2006. № II (1–2). С. 328–333; Романчук А.А., Якимовская А.Д. Корреляционный анализ погребальных комплексов культуры Сахарна-Солончень // История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 128–145; Романчук А.А., Якимовская А.Д. Относительная хронология культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов) // Кадырбаевские чтения-2014 : материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мегапринт, 2014. С. 165–169.

[35] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 256. Рис. III.

– группа Холеркань-Ханска (зона лесостепи Пруто-Днестровского междуречья) и группы Тэмэоань и Сихляну-Рымницеле (юг румынской Молдовы)[36].

Относительно территории, занятой носителями культур Холеркань-Ханска, Тэмэоань и Балта, уместно пояснить, что памятники этих культур распространялись по границе степи-лесостепи в долине Сирета и Прута, а также в Пруто-Днестровском междуречье, продолжаясь и к востоку от Днестра (памятники типа Балта). В Сирето-Пруто-Днестровском междуречье зона их распространения являлась пограничной полосой между носителями культур Кишинев-Корлатень и Белозерка.

Для решения задач диссертационного исследования в первую очередь важно выстроить «стрелу времени», т.е. определить, как именно размещается во времени культурно-историческая общность КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона (далее — КДР), какие составные части можно выделить в рамках этой общности и как они друг с другом соотносятся в историко-генетическом и временном отношении.

На сегодняшний день наибольшая ясность существует в вопросе о тех составных частях, которые образуют культурно-историческую общность КРШК. К ней относят культуры Сахарна-Солончень и Козия, а также культурные группы Балта, Холеркань-Ханска и Тэмэоань[37].

---

[36] Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 239–240.

[37] Что касается Холеркань-Ханска, то ранее памятники типа Холеркань-Ханска относились к культуре Кишинев-Корлатень, однако к середине 90-х годов прошлого века их культурная атрибуция была пересмотрена (подробнее см.: Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 115). И сегодня культура Холеркань-Ханска большинством исследователей относится к ранним группам из круга «культур орнаментированного гальштата», для которых характерна резная орнаментация керамики, т.е. — КРШК. Аналогично, памятники группы Балта некоторые исследователи, а именно ее первооткрыватель В.П. Ванчугов, относили к Белозерской культуре (подробнее см.: Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990. С. 114), считая локальным вариантом последней. Однако

Достаточно ясен вопрос о хронологических рамках культурной общности КРШК в целом. Исследователи согласны, что возникновение ее первых проявлений следует относить, в принятой для европейской археологии схеме относительной хронологии, к На А1 или даже к рубежу Br D — На А1, т.е. в принятых на сегодня абсолютных датах это XII век до н.э. Исчезновение для Карпато-Днестровского региона этой культурной общности соотносится с финалом культуры Сахарна-Солончень. Это событие исследователи датируют серединой VIII в. до н.э., т.е. по шкале среднеевропейской относительной хронологии финал Сахарна-Солончень должен подходить к На С1 «Fruhe»[38].

На 2000 год, а во многом и позднее, большинство исследователей придерживались точки зрения, согласно которой у истоков культурно-исторической общности КРШК находилась культурная группа Сихляну, или Сихляну-Рымницеле на Нижнем Дунае. Из нее вырастают культурная группа Тэмэоань, и в результате миграции носителей КРШК на север и северо-восток — культурные группы Холеркань-Ханска и Балта.

Эту точку зрения принято именовать «дунайской», или «нижнедунайской» гипотезой формирования культурно-исторической общности КРШК.

По мнению исследователей, перечисленные выше группы (Балта, Холеркань-Ханска, Тэмэоань, Сихляну-Рымницеле) представляют собой ранний этап развития культурно-исторической общности КРШК. Позднее, согласно

большинство ученых на сегодняшний день не сомневаются также и в том, что группа Балта — это одна из групп раннего орнаментированного гальштата, родственная прежде всего Холеркань-Ханска (подробнее см.: Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 230; Krauß R. Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter // Interpretationsraum Bronzezeit / B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan (Hrsg.). Bonn: Habelt, 2005. P. 199–210. P. 180). Сам В.П. Ванчугов объединял Балту в один круг памятников с ранними группами КРШК (подробнее см.: Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 28–39).

[38] Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв до н.э.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. С. 85.

«дунайской гипотезе», на их основе формируется ряд новых культур и культурных групп КРШК как в Подунавье (культуры Бабадаг и Инсула Банулуй), так и к востоку от Карпат (культуры Сахарна-Солончень и Козия). При этом некоторые рассматривают культуры Сахарна-Солончень и Козия как единую культуру Сахарна-Козия[39], большинство исследователей полагают культуру Сахарна-Солончень дочерней по отношению к Козии и дунайским культурам КРШК — Бабадаг и Инсула Банулуй[40].

Однако, относительно участия Инсула Банулуй в генезисе Сахарна-Солончень на сегодняшний день у сторонников «нижнедунайской гипотезы» существуют очень большие сомнения. Причиной тому является убедительно аргументированное М. Гумэ «омоложение» датировок Инсула Банулуй, так что она возникает даже позже, чем предлагаемые сторониками «нижнедунайской» гипотезы датировки начала Сахарна-Солончень и Козия.

Что касается времени возникновения культур Козия и Сахарна-Солончень, то, согласно «дунайской гипотезе», это событие до недавнего времени относили ко второй половине – концу X в. до н.э., т.е. (исходя из принятых на тот момент абсолютных дат для схемы Мюллер-Карпе) ко второй половине — концу На В1[41].

Итак, вышеизложенное представляет собой суть «дунайской» гипотезы происхождения КРШК. Возникшая еще в середине прошлого века, она и по сей день разделяется большинством исследователей.

Ее конкурентом долгие годы была предлагавшаяся рядом советских исследователей альтернативная гипотеза, которая пыталась возвести истоки КРШК к Белогрудовско-Чернолесской культуре региона Среднего Днестра (ее принято обозначать как «чернолесскую» гипотезу). Однако к 80-м годам

---

[39] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 242.

[40] Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв до н.э.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. С. 60.

[41] Под влиянием работ автора, сторонники «нижнедунайской» гипотезы в последние десять – пятнадцать лет все же пришли к некоторому удревнению начала Сахарна-Солончень — до конца XI века до н.э. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен ниже, в этом же параграфе диссертации.

прошлого века несостоятельность «чернолесской» гипотезы стала очевидной, и в настоящее время попыткам реанимации, как показала М.Т. Кашуба, эта гипотеза не поддается.

Наконец, двадцать лет назад автором данной диссертации была предложена новая гипотеза[42], рассматривающая Реуто-Днестровское междуречье и прилегающие территории левобережья Днестра в качестве исходного центра генезиса культурно-исторической общности КРШК, а ранний горизонт культуры Сахарна-Солончень — в качестве исходного звена этой общности. За истекшие годы она уточнялась и дорабатывалась[43].

Поскольку именно «дунайская» и «реуто-днестровская» гипотезы на сегодняшний день являются основными конкурентами, то, исходя из их видений, будет исследоваться культурно-историческая динамика культурно-исторической общности КРШК во второй главе работы. Подчеркнем, что при этом полученные нами ранее результаты, касающиеся генезиса и исторического развития общности КРШК, не будут здесь приниматься как аксиома, наоборот, данное исследование еще раз поставит основные гипотезы происхождения и развития КРШК в ситуацию равной конкуренции и даст возможность вновь проверить их валидность, используя анализ культурно-исторической динамики как альтернативный метод такой проверки. Полагаем, что результаты моделирования помогут получить новые аргументы для решения спора этих двух гипотез.

В данной же главе рассмотрим, как выглядит эволюция культурно-исторической общности КРШК к востоку от Карпат согласно «дунайской» и «реуто-днестровской» гипотезам, ознакомимся с основными аргументами в пользу каждой из них и попытаемся определить, какая из гипотез все же

---

[42] Нефедов С.А., Турчин П.В. Опыт моделирования демографически-структурных циклов // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства / ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 153–167.

[43] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 21; Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307. С. 300; Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н.э.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. С. 85.

наилучшим образом, объясняет происхождение и развитие такой ключевой культуры КРШК, как Сахарна-Солончень, и КРШК в целом.

Наиболее подходящим способом такого рассмотрения представляется критический анализ аргументации гипотезы более ранней, «дунайской» — с последующим изложением объяснений и аргументов, предлагаемых гипотезой более поздней, «реуто-днестровской». При этом в максимально сжатой и емкой форме будут обобщены основные моменты из написанного автором диссертации по данной проблеме за прошедшие двадцать лет.

Обратимся к традиционным хроноиндикаторам — металлическим изделиям, используемым для датировки культуры Сахарна-Солончень и ее нижней границы. В качестве таковых традиционно используются обнаруженные в контексте древностей Сахарна-Солончень находки бронзовых рифленых браслетов, железных фибул белозерского типа и фрагмент бронзовой пилочки с поселения Матеуцы[44].

Как было показано нами ранее[45], здесь мы сталкиваемся с удивительным парадоксом. Как признали крупнейшие специалисты в этой области Г.И. Смирнова и М.Т. Кашуба, браслеты вышеупомянутого типа датируются с периода Br D по Ha A1-A2, фибулы белозерского типа — Ha A2-B1, пилочки — Ha A2-B1[46].

Все хронологические индикаторы, послужившие основой для датировки нижней границы культуры Сахарна-Солончень, возникают лет на двести ранее той даты, которая принимается за начальную дату этой культуры. А значит,

---

[44] Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. №4. С. 33–55. С. 39; Кашуба М.Т. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. 1999. № 3. С. 369–389. С. 375; Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 17.

[45] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 21.

[46] Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. №4. С. 33–55. С. 5–39; Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 375.

опираясь на них, мы не можем утверждать, что культура Сахарна не возникла еще в XII веке до н.э.

Наоборот, необходимо задать вопрос: почему мы должны ограничить возникновение Сахарна-Солончень только X веком до н.э.? Финал бытования типа можно использовать только как terminus ante quem, т.е. он показывает время, до которого возникла культура Сахарна-Солончень, но не более того.

В целом, как показал дальнейший анализ[47], и для фибул, и для браслетов период На В1 в качестве времени бытования этих типов принимается исследователями фактически только для того, чтобы объяснить их появление в культуре Сахарна-Солончень. Кроме того, и для браслетов, и для фибул типов, присутствующих в культуре Сахарна-Солончень, мы обнаруживаем очень узкий круг аналогий[48] — это район Железных Ворот на Дунае, где они связываются с культурной группой Хинова. В Карпато-Днестровский регион, соответственно, попасть эти вещи могли, скорее всего, в результате миграции представителей группы Хинова, сыгравших, по мнению М. Гумэ, весьма существенную роль в генезисе культуры каннелированного гальштата Кишинев-Корлатень в Карпато-Днестровских землях. Миграция же носителей традиций Хинова из этой области в Карпато-Днестровский регион вряд ли могла происходить позднее конца На А2.

Сопоставив геометрическую орнаментацию керамики культур Сахарна-Солончень и Козия — культур «орнаментированного гальштата» к востоку от Карпат, с одной стороны, и орнаментацию керамики культур «орнаментированного гальштата» на Нижнем Дунае и в Болгарии — Бабадаг I-II, Пшеничево, Асеновец, Лонгоза I-II и Инсула Банулуй, с другой, нами была показана очень высокая степень различия геометрической орнаментации керамики в этих двух областях орнаментированного гальштата[49].

---

[47] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 21–32.
[48] Фаган Б.М., Де Корс К.Р. Археология : в начале. М.: Техносфера, 2007.
[49] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 61–68.

Для анализа нами были использованы три основных параметра:

1. Пропорция резной и штампованной орнаментации в культурах Сахарна-Солончень и Козия в сравнении с дунайскими культурами.

2. Доля каннелированного орнамента в культурах Сахарна-Солончень и Козия в сравнении с дунайскими культурами.

3. Степень проявленности в Сахарне-Солончень и Козии основных культурноопределяющих мотивов орнаментации культур Бабадаг и Инсула Банулуй.

Исходя из этих трех параметров, можно поставить перед «дунайской» гипотезой три ключевых (вероятно, неразрешимых) вопроса, о существовании которых она до этого и не замечала, а, соответственно, и не пыталась на них ответить.

Итак, вот эти три вопроса.

1. Каким образом культура Сахарна-Солончень может считаться, как традиционно полагают, потомком таких дунайских культур КРШК, как Бабадаг II и Инсула Банулуй, если она отличается от них чрезвычайно более высоким удельным весом резной и прочерченной орнаментации? На сегодняшний день установлено, что развитие орнаментации керамики КРШК во времени шло от резной к штампованной.

При этом в Инсула Банулуй резной орнамент — периферийное явление, абсолютно преобладает в ней именно штамп[50]. И даже в Козии господствует штампованный орнамент — резной орнамент отдельно от штампованного в ней не встречается [146, p. 212].

2. Другая важнейшая проблема — вопрос о причинах практически полного отсутствия каннелированного орнамента в Сахарна-Солончень. Общепризнанно, что его удельный вес нарастает в течение раннего гальштата, причем как для культур «каннелированного гальштата», так и для КРШК под влиянием с запада,

[50] Gumă M. Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti: S.C. Melior Trading S.R.L., 1993. P. 206.

из Среднего Подунавья, поэтому его доля в общем фонде орнаментации может быть использована в качестве хроноиндикатора для этих культур.

Между тем уже в Козии каннелюр больше, чем в Сахарна-Солончень, тем более в Бабадаге и в Инсула Банулуй. В причерноморской же лесостепи каннелюры появляются еще в раннем Чернолесье, а в фазе Чернолесье II на Среднем Днестре, в Григоровской и Ленковецкой группах уже достаточно заметны[51]. Равно как и в Белозерской культуре удельный вес каннелированного орнамента достаточно высок[52].

В связи с этим, если придерживаться версии о происхождении Сахарна-Солончень от Инсула Банулуй и Бабадага, или даже от Козии, и ее сравнительно позднем возникновении, то Сахарна-Солончень оказывается некоей необъяснимой аномалией, «островом исключений» в согласованном ритме развития культур Карпато-Подунавья и Северного Причерноморья. У всех соседних культур, расположенных в непосредственной близости к северо-востоку (как Григоровская и Ленковецкая группы позднего Чернолесья), доля каннелированного орнамента растет, а у Сахарна-Солончень падает практически до нуля.

Более ранние группы КРШК — Фолтешть, Вынэторь и Тэмэоань и, что особенно важно, Холеркань-Ханска (важно, поскольку О.Г. Левицкий предложил, что Холеркань-Ханска явились субстратным компонентом для Сахарна-Солончень), тоже демонстрируют высокий удельный вес и разнообразие каннелированного орнамента, причем вплоть до очень высокого как раз в Холеркань-Ханска[53].

---

[51] Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников на Среднем Днестре) // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 60–72. С. 62; Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 43–60. С. 46.

[52] Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 34.

[53] Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов.

В этой связи возникает вопрос, как группа Холеркань-Ханска могла стать субстратным компонентом для Сахарна-Солончень, но при этом вообще не передать ей каннелированный орнамент?

3. Вопрос об удельном весе ведущих орнаментальных мотивов в различных группах КРШК.

Напомним, что в Сахарна-Солончень очень слабо представлены те мотивы орнаментации керамики, которые являются базовыми, культурно-определяющими для Бабадага и Инсула Банулуй[54].

Так, основным «культурно-определяющим» мотивом орнаментации для культуры Бабадаг является мотив «концентрических окружностей, соединенных касательными» (или, как их называют обычно, «касательные к окружностям»). Однако этот мотив полностью отсутствует в культуре Козия[55], а в культуре Сахарна-Солончень он представлен очень незначительно: от 0,3 % на ранних памятниках до максимум 2 % на поздних [38, с. 310].

Соответственно, возникает вопрос: если культура Бабадаг участвовала в генезисе Козии и Сахарна-Солончень, то почему главный мотив орнаментации керамики Бабадага почти отсутствует в Сахарна-Солончень и вообще отсутствует в Козии?

Аналогична ситуация и с Инсула Банулуй. Ее базовыми, наиболее яркими орнаментальными мотивами являются различные криволинейные узоры, в первую очередь штампы в виде буквы S , W, V и ряда других.

Однако в культуре Козия отсутствует полностью как мотив в виде буквы S, так и другие криволинейные — W, Σ-образные и Ω-образные, гирлянды или

Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 36; Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 219–256.

[54] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 61–68.

[55] Krauss R. Indizien fur Eine Mittelbronzezeit in Nordbulgarien // Arheologia Bulgarica. 2006. № 10/3. P. 3–26. P. 212; Iconomu C. Cercetările arheologice din cetatea Pocreaca-Iaşi // Arheologia Moldovei. 1996. № XIX. P. 21–56. P. 33.

аркады, ряды маленьких спиралей[56]. В Сахарна-Солончень же, хоть и присутствует часть упомянутых штампов, они очень редки, в том числе и штамп в виде буквы S. Что касается W, Σ-образных и Ω-образных, то они практически отсутствуют. А гирлянды или аркады, ряды маленьких спиралей отсутствуют вообще.

Следовательно, вновь актуализируется вопрос: почему, но уже Инсула Банулуй, не передала совсем Козии или почти не передала Сахарне-Солончень свои базовые мотивы орнаментации?

Таким образом, ситуация с удельным весом базовых орнаментальных мотивов выглядит более чем труднообъяснимой с позиций традиционных представлений о генезисе культуры Сахарна-Солончень. Проблема низкого удельного веса или вообще отсутствия базовых для дунайских культур КРШК орнаментальных мотивов в Сахарна-Солончень и Козия — очевидный факт, который, безусловно, нельзя оставлять без внимания.

Итак, проведенный анализ позволил нам обозначить три основные проблемы генезиса культуры Сахарна-Солончень (и карпато-днестровских групп КРШК в целом), которые нуждаются в решении и которые, как уже было сказано выше, «дунайская» гипотеза не только не решает, но даже не замечает, а соответственно и не пытается решать. Тогда как «реуто-днестровская» такое решение предлагает, пересматривая вопрос о происхождении Сахарна-Солончень и КРШК в целом.

В 2011 году нами были высказаны некоторые новые соображения по поводу генезиса наиболее раннего культурно-хронологического горизонта КРШК

[56] Garasanin M. The Bronze Age in the Central Balkan Area // The Cambridge ancient history. Vol. 3. Part I: The prehistory of the Balkans; the Middle East and the Aegean World, tenth to eighth centuries B.C. 2nd edn. / J. Boardman, I. Edwards, N. Hammond, E. Sollberger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 169–186. P. 212; Dobrinescu I.C. Bronzul tîrziu şi începutui epocii fierului în sectorul inferior al Dunării de Jos. PhD diss. Thesis. Constanţa, 2008. P. 33 [Электронный ресурс]. URL: http://www.univ-ovidius.ro/stiri-si-noutati/downloads/rezumat-dobrinescu.pdf (дата обращения: 10.05.2009).

Карпато-Поднестровья — горизонта Солончень-Хлиная-Балта[57], а соответственно, и всей общности КРШК Карпато-Поднестровья.

Вся наличная совокупность фактов заставляет нас искать истоки КРШК Карпато-Поднестровья в местной, карпато-поднестровской и северопричерноморской, среде.

В качестве наиболее приемлемого исходного звена культурно-генетической цепочки, приведшей к формированию КРШК Карпато-Поднестровья, следует назвать культуру среднего бронзового века, занимавшую северную часть румынской Молдовы — культуру Костиша[58].

Отметим, что сторонником мнения об участии культуры Костиша в генезисе Сахарна-Солончень является специалист по культурам Тшинецкого культурного круга (далее — ТКК) С.Д. Лысенко: «Наблюдаются влияния юго-западных групп комаровской культуры (комаровская, костиша) на формирование культуры Сахарна-Солончены в Молдавии и Румынской Молдове (Романчук 2002)»[59].

Стоит сразу уточнить, что здесь речь должна идти именно о Костише, а не Костиша-Комарово, поскольку наиболее убедительными выглядят взгляды тех исследователей (прежде всего И.К. Свешникова), которые полагают Костиша и Комаровскую разными культурами.

Однако, исследования последних лет, существенно увеличив знания о культуре Костиша (сегодня ее следы обнаружены уже в 64 пунктах севера румынской Молдовы), показали, что на некоторых ее поселениях (в частности Лунка и Краснолеука), представлены и тюльпановидные сосуды[60]. Кроме того,

---

[57] Романчук А.А. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии // Stratum plus. 2011. № 2. С. 187–206.

[58] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 97–110.

[59] Лысенко С.Д. Тшинецкий культурный круг — связующее звено между балтийским и черноморским регионами в эпоху поздней бронзы (2 тыс. до н.э.) // МАИАСК. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. Вып. 9. 2017. С. 23–66. С. 31.

[60] Dumitroaia G. Consideraţii asupra culturii Costişa-Komarov de pe teritoriul Moldovei // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 13–22. P. 20.

существенно, что «почти вся керамика культуры Костиша содержит в качестве дегресантов песок, кремень или толченый камень»[61].

Между тем примесь в глине крупного, а иногда и пережженного гранита (так называемой дресвы), считается одним из самых ярких признаков для культур Тшинецкого культурного круга[62]. Эта традиция («тшинецкая технология) распространяется в рамках Тшинецкой общности с севера на юг[63]. И, хотя к концу существования Тшинецкой общности традиция добавления дресвы в керамическую массу ослабевает[64] и не является в целом абсолютно «общетшинецким» маркером[65], все же «тшинецкая технология» очень четко проявляется и на пограничье Карпато-Поднестровья.

Так, для территории Молдовы «своеобразие комаровской культуры обнаруживается преимущественно в характерной для нее керамике, изготовленной из массы с содержанием толченого кремня, реже гранита и песка»[66]. Подобное характерно и для Комаровской культуры[67]. Примесь зерен дресвы и блесток слюды в тесте характерна и для керамики Белогрудовской культуры на Киевщине[68], а также для недавно выделенной керамики так называемого малополовецкого типа. Да и на поселении Белогрудовской культуры Шарин III на юге лесостепного Побужья (в непосредственной близи от ареала

---

[61] Там же. P. 19.

[62] Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. С. 52; Taras H. The bases for the taxonomy of Trzciniec culture in the Southern part of the area between the Wistula and Bug rivers // Baltic-Pontic Studies. 1998. № 6. P. 32–47. P. 32–37.

[63] Czebreszuk J. “Trzciniec”. An alternative view // Baltic-Pontic Studies. 1998. № 6. P. 165–189. P. 169.

[64] Taras H. The bases for the taxonomy of Trzciniec culture in the Southern part of the area between the Wistula and Bug rivers // Baltic-Pontic Studies. 1998. № 6. P. 32–47. P. 42.

[65] Czebreszuk J. “Trzciniec”. An alternative view // Baltic-Pontic Studies. 1998. № 6. P. 165–189. P. 165.

[66] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 151.

[67] Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. С. 56.

[68] Лысенко С.Д. Белогрудовский горизонт малополовецкого археологического комплекса на Киевщине // Revista arheologică. 2008. № IV (1). С. 100–134. С. 102.

группы Балта) кухонная керамика изготовлена с «… примесью гранитной дресвы с характерными слюдяными блестками»[69].

Тезис о том, что культура Костиша не равнозначна Комаровской, все же сохраняет свою силу, этот признак позволяет включать и культуру Костиша в число культур Тшинецкого круга, к чему склоняются сегодня исследователи, или же считать, что генезис Костиши связан с достаточно серьезным влиянием со стороны Тшинецкой общности. Соответственно, это усложняет задачу поиска такого исходного звена для генезиса КРШК, которое было бы лишено тех «недостатков», что проистекают из чрезмерной близости к культурам Тшинецкого круга, в первую очередь тюльпановидных сосудов и «тшинецкой технологии».

Разумеется, можно было бы предположить, что в данном случае речь идет все же о таком влиянии со стороны культур Тшинецкого круга на местный северопричерноморский субстрат в зоне пограничья, которое привело к восприятию им характерного стиля резной орнаментации, но не более того. Если говорить не о культуре Костиша, а вообще о культурах Тшинецкого круга, то есть основания предполагать достаточно заметное и разноплановое влияние с их стороны в эпоху поздней бронзы как на Северное Причерноморье в целом, так и в частности в направлении Нижнего Днестра.

Например, Я.П. Гершкович полагает, что даже такой заметный элемент портрета культур Ноуа и Сабатиновка, как традиция так называемых «зольников», возникает под влиянием из Тшинецкого ареала[70]. Именно поэтому он предлагает именовать как «зольники» Сабатиновки и Ноуа, так и зольники Тшинецкой общности «зольниками белогрудовского типа».

В свою очередь, Е.Н. Сава, рассматривая проблему «зольников» Ноуа-Сабатиновки, пишет: «Наибольшее сходство зольники Ноуа-Сабатиновки имеют

---

[69] Куштан Д. Позднебронзовый горизонт многослойного поселения Шарин III на юге лесостепного Побужья // Revista arheologică. 2007. III (1–2). С. 252–265. С. 258.

[70] Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа // Российская Археология. 2004. № 4. С. 104–113.

с комплексами культуры Белогрудовка <…> Все зольники культуры Белогрудовка имеют морфо-стратиграфическую структуру, аналогичную зольникам Ноуа-Сабатиновка»[71]. Что же касается иных возможных аналогий, то, по его мнению, «зольники других культур Евразии эпохи бронзы не могут прямо сопоставляться зольникам Ноуа-Сабатиновка»[72].

В свете данной проблематики идея Я.П. Гершковича представляется очень интересной. Отметим также, что традиция зольников характерна и для культуры Сахарна-Солончень, причем, согласно М.Т. Кашуба, по меньшей мере один из них — Хлинжень-Ла Шанц — имел культовый характер[73].

Помимо «зольников», есть более очевидные следы влияния культур Тшинецкого круга на Северное Причерноморье. Так, на юге Пруто-Днестровского междуречья, у села Капланы, сравнительно недавно было исследовано интересное поселение позднего бронзового века — Ла Юрт[74]. Керамика поселения Ла Юрт, как указывают авторы раскопок, относится к финальной фазе Сабатиновской культуры, но уже на этапе перехода к Белозерской, о чем свидетельствует комплекс лощеной тонкостенной посуды раннегальштатского облика. Интересно, что, как полагают исследователи, корчаги и кубки с поселения Ла Юрт не являются сабатиновскими, но вместе с тем морфологически они не сходны и с белозерскими[75].

Есть и другие особенности, выделяющие этот памятник, культурная принадлежность которого, по мнению авторов раскопок, еще нуждается в

---

[71] Sava E. Interferenţe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spaţiul Carpato-Nistrean complexul cultural Noua-Sabatinovka. Autoref. … doctor habilitat în ştiinţe istorice. Chişinău: Un-tea “Ion Creangă”, 2003. P. 17.

[72] Sava E. Interferenţe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spaţiul Carpato-Nistrean complexul cultural Noua-Sabatinovka. Autoref. … doctor habilitat în ştiinţe istorice. Chişinău: Un-tea “Ion Creangă”, 2003. P. 82.

[73] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 260.

[74] Агульников С.М., Паша В.И., Попович С.С. Святилище позднего бронзового века на поселении Ла Юрт (Капланы – I) // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 5–13. С. 10.

[75] Там же.

уточнении. Но среди них особое внимание привлекает то, что «…в тесте ряда сосудов с валиковой орнаментацией присутствует толченый кремень, характерный для памятников Комаровской культуры и ранней Белогрудовки на Среднем Днестре»[76].

Таким образом, отмеченный нами признак ярко свидетельствует о влиянии со стороны культур Тшинецкого круга на эту часть Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы — начале раннего гальштата.

Впрочем, прослеживается влияние со стороны культур Тшинецкого круга и для более раннего времени.

Так, на Нижнем Днестре исследователи отмечают ряд погребений Культуры Многоваликовой Керамики (КМК, сегодня чаще именуется культурой Бабино) эпохи средней бронзы[77], в которых, по их мнению, наблюдается влияние культур Костиша или Комаровской — Гура Быкулуй, Баштановка, Нерушай[78]. Обнаруженные керамические изделия трактуются как импорты, что представляет особый интерес. Но, кроме того, в погребении КМК возле Оланешт был обнаружен сосуд, по форме типичный для КМК, но орнаментация которого выполнена «…явно в комаровском стиле (полоски резных линий, сочетающиеся с насечками и округлыми наколами)»[79].

Таким образом, есть целый ряд фактов, свидетельствующих, с большей или меньшей явностью, о влиянии со стороны культур Тшинецкого круга в направлении Нижнего Днестра в эпоху средней и поздней бронзы.

Тем не менее можно полагать, что не это влияние явилось определяющим в формировании КРШК Карпато-Поднестровья. У истоков общности стояло некое

---

[76] Там же. С. 13.

[77] Подробнее см.: Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1992; Савва Е.Н., Клочко Е.О. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы и курганов возле села Терновка // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / отв. ред. Н.А. Кетрару. Тирасполь: Типар, 2002. С. 149–179.

[78] Тощев Г.Н. Западные связи культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья / отв. ред. В.Н. Станко. Киев: Наукова думка, 1986. С. 104–115. С. 112.

[79] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 143.

особое культурное образование эпохи бронзы Карпато-Поднестровья, пусть и не тождественное Костише, но сформировавшееся на сходной основе.

Это очевидно в свете того, что в керамическом ансамбле культуры Костиша определяющую роль играет набор форм, отличающий ее от Комаровской культуры, полученный ею из некоего другого источника.

Кто же был источником этого определяющего набора керамических типов для культуры Костиша?

Наблюдается очевидная близость между керамическим ансамблем Костиши и соответствующим ансамблем культуры, занимавшей в эпоху ранней бронзы территорию, смежную с ареалом Костиши[80], имея в виду Единецкую культуру, располагавшуюся в Попрутье, на территории Единецкого и Рышканского районов нынешней Республики Молдова[81].

То, что керамика Костиши по формам весьма сходна с керамикой Единецкой культуры и близких к ней культур, уже отмечали ряд исследователей. Так, В.А. Дергачев, приводя аналогии комплексу керамики Единецкой культуры, указывает, что «при специфичности орнамента сходные формы двуручных кубков известны и для памятников типа Чомыртан, локализующихся в верховьях Олта»[82]. Между тем, сегодня исследователи, говоря о культуре Чомыртан, занимавшей ограниченную территорию в восточной части Трансильвании, полагают, что «…так называемая культура Чомыртан в действительности является не чем иным, как локальным вариантом культурного комплекса Костиша-Комаров…»[83].

---

[80] Романчук А.А. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии // Stratum plus. 2011. № 2. С. 187–206.

[81] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 111–120; Демченко Т.И. К вопросу о круге памятников Единецкой культурной группы // Tyrageţia. 2008. № III (XVIII), 1. С. 189–202.

[82] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 117.

[83] Dumitroaia G. Consideraţii asupra culturii Costişa-Komarov de pe teritoriul Moldovei // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 13–22. P. 21.

Считается, что «аспект Чомыртан» возникает в результате проникновения носителей Костиши в Трансильванию[84].

А. Вулпе в связи с этим вопросам писал, что в Восточной Трансильвании была обнаружена керамика «…чрезвычайно близкая по форме и декору керамике Костиши; эти находки ранее <…> были определены в качестве отдельной культуры Чомыртан»[85]. Исследователь отмечал, что: «аспект Чомыртан культуры Костиша возник, по всей видимости, на местной культурной основе эпохи ранней бронзы, представленной группой Жигодин».

Группа Жигодин (Jigodin) же представляет собой локальный вариант культуры Глина III-Шнекенберг, располагавшейся в Трансильвании, в верховьях Олта[86], т.е. является одной из тех культур, в круг которых, по общему мнению исследователей, входит и Единецкая культура[87].

Считаем целесообразным дать краткую характеристику Единецкой культуры, включая ее родственные связи.

Итак, керамика Единецкой культуры «была изготовлена из массы с примесью шамота. Обжиг сосудов качественный, относительно равномерный. Отличительной особенностью столовой посуды является плотность черепка, тонкие стенки и тщательно сглаженная, пролощенная поверхность, имеющая серо-черный пятнистый цвет»[88]. Керамика эта, как правило, не орнаментирована; в единичных случаях отмечен орнамент в виде налепного валика.

---

[84] Cavruc V. Legături între Moldova şi s-e Transilvaniei în bronzul mijlociu // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 58–76.

[85] Vulpe A. Perioada mijlocie a epocii bronzului la est şi vest de Carpaţi Răsăriteni // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 9–12.

[86] Machnik J. The Earliest Bronze Age in the Carpathian Basin. Bradford: Dep. Of Archaeological Sciences, 1991.

[87] Machnik J. The Earliest Bronze Age in the Carpathian Basin. Bradford: Dep. Of Archaeological Sciences, 1991. P. 42; Демченко Т.И. К вопросу о круге памятников Единецкой культурной группы // Tyrageţia. 2008. № III (XVIII), 1. С. 189–202. С. 200.

[88] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 115.

Погребальный же обряд носителей Единецкой культуры характеризуется такими примечательными особенностями, как преимущественно ингумация (была характерна и кремация) в скорченном положении, чаще на правом боку, в каменных ящиках из известняковых плит или в ряде случаев в погребальных камерах, дно которых было вымощено каменными плитами. Засвидетельствованы также примеры, когда после совершения захоронения камеры закладывались сверху камнями. Имеет место и традиция каменных кромлехов из вкопанных плит над некоторыми могилами. Могильники Единецкой культуры — как курганные, так и грунтовые[89].

Существовала Единецкая культура вплоть до XVII в. до н.э.[90]

Отметим, что погребальный обряд Единецкой культуры чрезвычайно близок таковому культуры Костиша и группы Белый Поток. В большей степени он близок погребальному обряду Сахарна-Солончень. Так, для Сахарна-Солончень характерны каменно-земляные насыпи курганов, кромлехи, каменные ящики (как под курганной насыпью, так и в грунтовых погребениях), наличие как ингумации, так и кремации, скорченное положение погребенных на левом или правом боку[91].

При этом следует сказать, что Е.Н. Сава, анализируя погребальные конструкции культуры Ноуа, пишет: «Аналогии конструкциям из камня и в первую очередь цистам и кромлехам под курганной насыпью известны в Комаровской культуре и особенно в группе Белый Поток. Погребальные конструкции, в которых использовался камень, известны и в культуре Монтеору, однако в большинстве случаев они не представляют собой цисты из плит, сооруженные по модели, известной в Ноуа или Сабатиновке. Так называемые цисты или полуцисты в могильниках Монтеору сооружались из камней разных

[89] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 114.
[90] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 120; Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 109–110.
[91] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 274–275.

размеров и формы, устанавливаемых прямо на древнюю почву; иногда они заполнялись камнями, формируя овальную или круглую платформу»[92]. К данному вопросу обращается С.М. Агульников. По его мнению, «каменные круги-кромлехи, а также “ящики”-цисты отсутствуют в погребальном обряде Монтеору…»[93].

Между тем для Комаровской культуры «погребальный обряд очень разнообразен и существенно отличается в различных районах. Особенно выделяется группа Белый Поток»[94], которой как раз и присущи погребения в каменных ящиках. Равно как и культуре Костиша[95].

Таким образом, в отношении погребального обряда для Карпато-Поднестровья эпохи бронзы — раннего гальштата — Единецкая культура, культура Костиша и группа Белый Поток, а также культура Сахарна-Солончень обосабливаются в отдельную группу. С территориальной точки зрения речь идет об одном и том же регионе — центральной и северной части Карпато-Поднестровья.

Возвращаясь к характеристике Единецкой культуры, отметим, что В.А. Дергачев, очерчивая круг аналогий керамике и погребальному обряду Единецкой культуры, называет следующие культуры: Глина III-Шнекенберг (Олтения и юго-восточная Трансильвания) и Муреш, или Периам-Печика-Мокрин (низовья Тисы и Муреша), Винковцы-Шомодьвар (западная Венгрия и северо-восточная Югославия) и особенно ее локальная группа — Белотич-Бела Црква. Но, по его мнению, «особенно же значительно сходство керамических форм единецкой культуры с материалами культуры Хатван северо-восточной

---

[92] Sava E. Interferenţe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spaţiul Carpato-Nistrean complexul cultural Noua-Sabatinovka. Autoref. … doctor habilitat în ştiinţe istorice. Chişinău: Un-tea “Ion Creangă”, 2003. P. 40.

[93] Агульников С.М. Могильник Сабатиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица // Revista arheologică. 2008. № IV (2). С. 124–138. С. 134.

[94] Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. С. 55.

[95] Dumitroaia G. Consideraţii asupra culturii Costişa-Komarov de pe teritoriul Moldovei // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 13–22. P. 17–19.

Венгрии… Те же формы широко представлены и в мадьяровской культуре юго-западной Словакии»[96].

В целом тот же круг аналогий указывают и другие исследователи. Все они сходятся в том, что Единецкая культура обязана своим возникновением миграции населения с запада, из Карпатского бассейна.

Вопрос точного «исходного адреса» миграции нуждается в уточнении. Круг родственных культур весьма широк как территориально, так и хронологически. Данный факт имеет значение в том отношении, что, точнее определив исходную, предковую для Единецкой культуру, можно наиболее точно определить роль культур Тшинецкого культурного круга в таком существенно важном вопросе, как формирование орнаментального стиля керамики Костиша.

По мнению Т.И. Демченко, наиболее близкие аналогии Единецкой культуры обнаруживаются в культуре Винковцы-Шомодьвар, особенно в ее локальной группе Белотич-Бела Црква[97]. Вариант Винковцы-Шомодьвар представляется маловероятным, поскольку для нее характерны, в частности, каннелюры в орнаментации керамики[98]. Кроме того, в качестве примеси к керамическому тесту использовались песок и “crushed pebbles”[99], т.е. толченая речная галька, чего не наблюдается в Единецкой культуре. Существенно и то, что, в отличие от Единецкой культуры, в Винковцы-Шомодьвар нельзя провести резкой грани по качеству между столовой и кухонной керамикой[100].

---

[96] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 118–120.

[97] Демченко Т.И. К вопросу о круге памятников Единецкой культурной группы // Tyrageţia. 2008. № III (XVIII), 1. С. 189–202. С. 198–199.

[98] Machnik J. The Earliest Bronze Age in the Carpathian Basin. Bradford: Dep. Of Archaeological Sciences, 1991. P. 139–142. Fig. 29: 1–2, 17.

[99] Bondar M. Early Bronze Age settlement patterns in South-West Transdanubia // Antaeus. 1995. № 22. P. 197–258. P. 201.

[100] Там же. С. 200.

Если же говорить о Белотич-Бела Црква, то она действительно лучше подходит: ее керамика, как и у Единецкой культуры, как правило, не орнаментирована[101].

Вызывает особый интерес тот факт, что иногда орнамент все же появляется, например на кубках с округлым туловом (spherical bowls), он представляет собой «резной орнамент в виде заштрихованных треугольников, расположенных радиально»[102].

Резной орнамент в виде характерного и для Тшинецкой общности и ранних групп КРШК мотива, представляющего «группы косых под углом друг к другу», и встречается в культуре Винковцы-Шомодьвар[103].

Полученные наблюдения позволяют сформулировать вопрос: не был ли стиль резной орнаментации культуры Костиши унаследован, вместе со значительным набором керамических форм, из круга культур, родственных Единецкой?

Данное предположение подразумевает, что наряду с носителями Единецкой культуры в Карпато-Поднестровье проникает и родственная ей группа, для которой был присущ резной орнамент был.

Учитывая, что неорнаментированность керамики является правилом для культур «поствучедольского времени», нуждаются в объяснении случаи исключений из этого правила, встречающиеся в Белотич-Бела Црква и Винковцы-Шомодьвар.

Культура Костиша скорее представляет собой результат такого взаимодействия Единецкой культуры (или родственных ей групп) и культур Тшинецкого круга, в котором Единецкая культура стала для Костиши источником

---

[101] Maran I. Kulturwandel auf dem griechischen Festland und den Kykladen im späten 3. Jahrtausend v. Chr. Studien zu den kulturellen Verhältnissen in Südosteuropa und dem zentralen sowie östlichen Mittelmeerraum in der späten Kupfer- und frühen Bronzezeit. T. II. Bonn: Habelt, 1998. P. 322.

[102] Garasanin M. The Bronze Age in the Central Balkan Area // The Cambridge ancient history. Vol. 3. Part I: The prehistory of the Balkans; the Middle East and the Aegean World, tenth to eighth centuries B.C. 2nd edn. / J. Boardman, I. Edwards, N. Hammond, E. Sollberger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 169–186. P. 175.

[103] Bondar M. Early Bronze Age settlement patterns in South-West Transdanubia // Antaeus. 1995. № 22. P. 197–258. P. 202.

как погребального обряда, так и основного набора форм керамики. От культур же Тшинецкого круга был воспринят стиль орнаментации керамики.

Таким образом, становится очевидной принадлежность культуры Костиша к кругу карпатских культур[104], что соответствует идее о возведении к ней истоков КРШК Карпато-Поднестровья. Что же касается отмечающихся в Костише таких следов влияния Тшинецкой общности, как тюльпановидные сосуды и примесь дресвы в тесте, то следует учесть, что, по мнению А. Вулпе, и сами памятники Костиши отнюдь не едины[105]. И среди них в районе эпонимного поселения есть те, в которых указанные выше признаки тшинецкого влияния не проявлены.

Однако, по мнению Я.П. Гершковича, прототипы одноручных и двуручных черпаков и ваз Сабатиновки наблюдаются как в культурах ранней бронзы Карпато-Дунайского бассейна, так и в Единецкой культуре в Попрутье[106]. Между тем в Белозерской культуре, «по сравнению с сабатиновским временем, количество черпаков резко сократилось»[107]. Это подтверждает и Я.П. Гершкович, указывая, что в Сабатиновской культуре количество столовой, «ноической», как он ее называет, керамики, уменьшается от ранних памятников к поздним[108].

В.П. Ванчугов считает черпаки более характерными для группы Балта, чем для белозерской культуры[109]. Я.П. Гершкович выделяет среди черпаков

---

[104] Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307. С. 300.

[105] Vulpe A. Perioada mijlocie a epocii bronzului la est şi vest de Carpaţi Răsăriteni // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 9–12. P. 10.

[106] Гершкович Я.П. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // Археологический альманах. 1997. № 6. С.125–144. С. 143.

[107] Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 36.

[108] Гершкович Я.П. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // Археологический альманах. 1997. № 6. С. 125–144. С. 137.

[109] Обзор мнений исследователей, видящих прототипы одноручных черпаков КРШК Карпато-Поднестровья в культурах Сабатиновка и Ноуа был предпринят нами ранее (подробнее см.: Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 105–107).

Сабатиновки и черпаки «с цилиндрическим выступом со шляпкой» на перегибе ручки[110], которые характерны для КРШК и особенно Сахарна-Солончень.

Таким образом, вывод Я.П. Гершковича заключается в следующем: прототипы черпаков КРШК Карпато-Поднестровья, и в первую очередь группы Балта, обнаруживаются в Единецкой культуре, которая сыграла значительную роль в генезисе культуры Костиша.

Хотя Единецкую культуру следовало бы принять как первостепенную, поскольку территориально это ближайшая аналогия, лишь детальный анализ способен подтвердить или опровергнуть эту идею.

Однако существуют обстоятельства, которые в качестве источника традиции возникновения черпаков Ноуа-Сабатиновки отводят главенствующую роль Единецкой культуре, что отражено в работе Е.Н. Савы, посвященной анализу погребального обряда Ноуа. В научном труде исследователь приходит к следующему: «Наиболее многочисленная группа памятников [Ноуа — А.Р.], включающая самые крупные могильники, которые, как правило, расположены по обоим берегам реки Прут и его притоков, — Драгиште, Жижия и др., выделяется в восточной зоне ареала. Эта зона охватывает территорию <…> в среднем течении рек Прут и Жижия»[111]. Автор пишет: «Основываясь на данных картографирования и статистического анализа, можно определить, что основным и, вероятно, первоначальным ареалом Ноуа была северо-западная Бессарабия и Молдавское плато на территории Румынии. Именно в этих зонах концентрируются не только основное количество поселений Ноуа, но и наибольшее количество погребальных памятников, в том числе и самые крупные могильники — Бедражий Векь, Кирилень, Бурлэнешть, Трушешть, Краснолеука. Погребальные комплексы из этой зоны характеризуются преобладанием восточных элементов при самом незначительном присутствии элементов типа

[110] Гершкович Я.П. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // Археологический альманах. 1997. № 6. С.125–144. С. 132. Рис. 4: 12–13.
[111] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 236.

Виттенберг или Монтеору. Элементы культуры Комаров выделяются четче и это вполне объяснимо, так как именно в этой зоне существовали территориально-хронологические контакты между культурой Комаров и Ноуа»[112].

Действительно, эпицентр и исходная зона формирования культуры Ноуа совпадает с ареалом Единецкой культуры и, отчасти, культуры Костиша (восточной периферией Костиши)[113].

На сегодняшний день предлагается удревнение начальной даты Ноуа до Br C (по Райнеке) или, в абсолютных датах, до конца XVI в. до н.э.[114] Предполагаемая верхняя дата Единецкой культуры (XVII в. до н.э.) не исключает возможности продолжения существования ее еще какое-то время, поэтому, можно полагать, что и хронологически Единецкая культура и Ноуа значительно ближе, чем принято считать.

Интерес в этой связи представляют еще ряд выводов Е.Н. Савы. Так, исследователь указывает, что «картографирование и результаты статистической обработки показывают, что сосуды с резными геометрическими орнаментами и каннелюрами преобладают в Трансильвании. Два сосуда с каннелюрами в Пруто-Днестровском междуречье известны только в могильнике Островец»[115]. Каннелюр же является очень популярным видом орнаментации керамики на заключительных фазах существования культуры Монтеору, как показали еще Е. Захария и А. Оанча[116]. В связи с этим вывод Е.Н. Савы о незначительности присутствия элементов Монтеору в исходной зоне формирования культуры Ноуа является правомерным.

---

[112] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 238.
[113] Там же. P. 126–127.
[114] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 240; Uşurelu E. Contribuţii noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistrean // Revista arheologică. 2005. № I (1). P. 72–76. P. 75.
[115] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 238.
[116] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 102.

Однако, что касается резного орнамента, то здесь исследователь не совсем точно сформулировал полученный им вывод. Как показывает обращение к составленным им картам[117], резная орнаментация слабо представлена в Трансильвании и в Прикарпатье, а концентрируется (т.е. представлена заметно) в Среднем Попрутье. Причем это особенно примечательно в отношении той группы мотивов («группы косых под углом друг к другу» и «косо заштрихованные треугольники вершиной вниз»[118]), которые составляют наиболее яркую черту «тшинецкого» орнаментального круга, а также ранних групп КРШК.

Если учесть, что в орнаментации керамики Комаровской культуры «широко распространен орнамент в виде косых и прямых каннелюр»[119], неизбежен вывод о том, что данный фонд резной орнаментации в культуре Ноуа обязан своим происхождением влиянию со стороны культуры Костиша (в варианте, не отягощенном влияниями со стороны Комаровской культуры).

Кроме того, есть ряд аргументов, позволяющих говорить о значительном участии культуры Костиша в формировании Ноуа[120].

Существенное значение имеет выявившаяся в результате картографирования картина пространственного распределения одноручных черпаков (Tasse) культуры Ноуа[121]. Эту категорию керамики Е.Н. Сава определяет как «западный тип» и связывает с влияниями со стороны «Монтеору, Виттенберг и, частично, Комаров»[122]. Однако черпаки явно концентрируются как раз в Среднем Попрутье (т. е. в бывшем ареале культур Костиша и Единецкая) — в Прикарпатье же и Трансильвании почти не представлены.

---

[117] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 208–209.
[118] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 209.
[119] Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. С. 58.
[120] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 87–90.
[121] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 201–203.
[122] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 238.

Таким образом, можно полагать, что именно Единецкая культура, непосредственно или через культуру Костиша, и была для Ноуа-Сабатиновка источником такой формы керамики, как черпаки.

Подобный вывод важен для актуализации «реуто-днестровской» гипотезы происхождения КРШК Карпато-Поднестровья, однако в данном контексте важным остается вопрос о хронологическом хиатусе между собственно финалом Единецкой культуры, или культуры Костиша, и началом КРШК.

Объяснение преемственности традиции предлагает А. Ничик. Исследователь приходит к выводу, что резной орнамент фактически не является основанием для выделения общности КРШК, а становится своего рода «модой» финала поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья. В этой связи А. Ничик предлагает выделять единый «культурно-хронологический горизонт Бабадаг I-Тэмэоань-Холеркань-Балта и Белозерка»[123].

Он также указывает, что набор мотивов этого стиля унаследован в значительной мере от предшествующих местных культур Ноуа, Сабатиновки и Кослоджень[124]. Соответственно, речь идет фактически о трансформации Ноуа-Сабатиновки-Кослоджень в КРШК, решающую роль в этом процессе автор отводит региону Нижнего Дуная.

Подобная позиция возникает как реакция на работу автора данного диссертационного исследования[125]. Акцент, который А. Ничик делает на наличии мотивов резной орнаментации КРШК (а также ряда керамических форм) уже в Ноуа, Сабатиновке и Кослоджень, существенным образом свидетельствует в пользу «реуто-днестровской» гипотезы происхождения КРШК.

---

[123] Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices” SRL., 2008. P. 129.
[124] Там же. P. 132.
[125] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117.

А. Ничик, пытаясь полученные им результаты поместить в рамки старой парадигмы, не заметил целого ряда очень важных выводов, вытекающих из проделанной им работы.

Причиной этого стало и то, что исследователь фактически полностью проигнорировал результаты работ своих предшественников (в первую очередь В.П. Ванчугова, А. Ласло, О.Г. Левицкого и М. Брудиу), показавших, что общность КРШК отнюдь не однородна во времени и пространстве, к тому же она отличается от Белозерской культуры, и что можно проследить вектор развития от более ранних групп к более поздним. Соответственно, А Ничик не учел такой важнейший параметр, как степень проявленности, или удельный вес того или иного элемента орнаментации керамики в различных группах КРШК, равно как в Ноуа, Сабатиновке и Кослоджень.

К тому же остается открытым вопрос: откуда же появились эти мотивы резной орнаментации в самих Ноуа, Сабатиновке и Кослоджень?

Между тем результаты картографирования А Ничика свидетельствуют в пользу «реуто-днестровской» гипотезы генезиса КРШК.

Так, картографирование таких мотивов резной орнаментации, как «треугольники вершиной вверх, с клетчатой штриховкой» и «треугольники вершиной верх, площадь которых заполнена вдавлениями» показало, что они концентрируются исключительно на Нижнем Дунае, а в ареале Сахарна-Солончень, Балта и Холеркань-Ханска не представлены вообще[126]. Данные элементы, очевидно, являются мотивами, характерными для культур эпохи бронзы с территории Болгарии (в частности очень хорошо представлены в Раскопанице). Тот факт, что они не представлены в орнаментации КРШК Карпато-Поднестровья противоречит возможности выводить ее истоки с Нижнего Дуная.

[126] Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices” SRL., 2008. P. 257. Fig. 165.

Картографирование такого криволинейного, и тоже «дунайского» по происхождению мотива, как «гирлянда» (цепь полудуг), показало, что он чрезвычайно представлен на Нижнем Дунае, а также в меньшей степени в Тэмэоань. В Холеркань-Ханска фиксируется всего один случай, в Балта — тоже один и два — в Сахарна-Солончень[127].

Такая же картина с мотивом «вписанные треугольники», столь характерным для Монтеору и территории Болгарии. Он, достаточно заметно, хоть и не чрезмерно, представленный на Нижнем Дунае, в Холеркань-Ханска зафиксирован лишь дважды и один раз — в группе Балта[128]. Его вариант, более заметно обозначенный на Нижнем Дунае, в Холеркань-Ханска зафиксирован лишь раз и четыре — в Сахарна-Солончень. Наконец, такой «дунайский» мотив, как «касательные к окружностям», в ранних группах КРШК концентрируется (и представлен достаточно заметно) исключительно на Нижнем Дунае[129].

Следует отметить, что такой, очень характерный для КРШК Карпато-Поднестровья, фактически доминирующий мотив, как «косозаштрихованные треугольники вершиной вниз», для региона Нижний Днестр — Южный Буг остался недоучтенным. При картографировании им использовался факт наличия или отсутствия того или иного мотива на том или ином памятнике. Очевидно, что, например, поселение Балта, где мы имеем «множество фрагментов керамики, украшенных резным орнаментом»[130], не равнозначно большинству пунктов Добруджи и прилегающего левобережья Нижнего Дуная с находками керамики КРШК, где речь идет нередко об одном – двух черепках.

---

[127] Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices” SRL., 2008. P. 257. Fig. 166.
[128] Там же. P. 255. Fig. 162.
[129] Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices” SRL., 2008. P. 242. Fig. 136.
[130] Там же. P. 43.

Как было отмечено ранее[131], в демографическом отношении ранние памятники КРШК на Нижнем Дунае чрезвычайно уступают горизонту Солончень-Хлиная-Балта.

Важно обратить внимание также, что А. Ничик получил очевидные свидетельства о продвижении некоторых керамических типов не просто из ареала Ноуа, но именно из ее исходного центра, из Среднего Попрутья, на Нижний Дунай. Так, двуручные сосуды, или тип IV по его классификации, концентрируются исключительно на Нижнем Дунае[132]. Что касается одного варианта этого типа, то, по его мнению, «ближайшие аналогии варианту IV/1 обнаруживаются в культуре Ноуа, в могильнике Перерыта…»[133].

Впрочем, и сам А. Ничик в некоторых фрагментах своей работы формулирует весьма показательный вывод: «Имея в виду аналогии орнаменту керамики типа Тэмэоань-Холеркань-Балта в керамике Ноуа, можно предположить, что **благодаря перемещению значительной группы населения эпохи поздней бронзы на юг** [выделено нами. — А.Р.**]** под давлением процесса гальштатизации из Центральной и Юго-Восточной Европы, в генезис [КРШК. — А.Р.] раннего железного века оказался вовлечен целый ряд компонентов поздней бронзы, что нашло отражение прежде всего в декоре керамики. **Под влиянием этих элементов кристаллизовались, вероятно, группы Тэмэоань и Холеркань-Балта** [выделено нами. — А.Р.**]**, к которым добавляется и поздняя фаза Кослоджень, проявления которой известны как памятники типа Бабадаг I на Нижнем Дунае»[134].

Как нам представляется, данный вывод являет собой не просто очевидную попытку компромисса с полученными нами ранее результатами, но и, хоть в

---

[131] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 18–20.

[132] Leviţki O.G. Consideraţii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriului Moldovei // Revista arheologică. 1998. № II. P. 28–59. P. 246. Fig. 143.

[133] Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices" SRL., 2008. P. 67.

[134] Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices" SRL., 2008. P. 109.

заключении А. Ничик снова делает упор на нижнедунайском происхождении КРШК, фактически эта попытка компромисса заканчивается признанием правомерности выводов «реуто-днестровской» гипотезы генезиса КРШК.

Таким образом, как и в отношении с теми подвижками к частичному удревнению Сахарна-Солончень, которые характерны для новых работ М.Т. Кашуба, половинчатость подхода, на наш взгляд, не спасает старую концепцию.

Подход А. Ничика не объясняет главной проблемы: как «достаточно гомогенный и единообразный культурный горизонт» КРШК, который к тому же четко и достаточно узко локализуется в пространстве, возникает из Ноуа, в которой резной орнамент все же периферийный элемент ее керамического ансамбля и которая в целом достаточно сильно отличается от КРШК?

Говоря о Кослоджень, отметим, что в ней самой резной орнамент, как нами обращалось внимание[135], фактически чрезвычайно спорадичен и сам нуждается в объяснении.

Этот вопрос еще очевиднее, если учесть погребальный обряд. В культуре Ноуа каменные ящики представлены всего пятью случаями, а кромлех — одним[136], тогда как для Сахарна-Солончень именно эти признаки погребальной обрядности чрезвычайно выражены — они в ней доминируют.

Приведенные доводы не оставляют сомнения, что линия преемственности от Единецкой культуры к КРШК идет не через собственно культуру Ноуа — разве что в виде некоего локального варианта в ее составе, который в большей степени мере сохранял свою самобытность.

При этом такой локальный вариант мог территориально и не размежевываться с памятниками собственно Ноуа. Подобное допущение вполне возможно в свете

---

[135] Романчук А.А. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии // Stratum plus. 2011. № 2. С. 187–206. С. 200.

[136] Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. P. 39.

имеющихся в нашем распоряжении данных этнологии о весьма длительном существовании этноязыковых анклавов в иноэтничном и иноязычном окружении. Например, анклавы славян-вендов на территории Германии, досуществовавшие, с сохранением своей этноязыковой и культурной идентичности, вплоть до XVII века включительно, в условиях намного более сложного общества, оказывавшего сильное (даже целенаправленное) ассимиляционное воздействие[137].

Предполагаем, что допущение возможного чересполосного сосуществования носителей двух традиций в рамках культуры Ноуа вполне правомерно.

Кстати, с этим коррелируют выводы С.М. Агульникова, который отмечает, что «преобладание типов керамики, которая может служить прототипом для белозерской, наблюдается в захоронениях культуры Ноуа, ориентированных в южном полукруге»[138]. Указывая, что в культуре Ноуа преобладает восточная и юго-восточная ориентировка, он отмечает, что в Попрутье из 430 комплексов южная ориентация погребенных характерна для 132. А в могильнике Бурлэнешть доминирует именно южная ориентировка, которая становится ведущей в Белозерской культуре.

Существенный вклад в генезис Белозерской культуры внесли «локальные» субтрадиций Ноуа, по предположению С.М. Агульникова.

Таким образом, подобная модель может быть принята в качестве объяснительной и для трансляции традиций Единецкой культуры в течение эпохи поздней бронзы вплоть до времени, когда в новой культурной ситуации

---

[137] на территории современной Республики Молдова мы наблюдаем разрозненные украинские и болгарские села, а также села русских старообрядцев, которые абсолютно достоверно сохраняют свою самобытность в иноэтничном массиве на протяжении более двухсот лет, причем для некоторых из них мы можем предполагать и большую древность.

И это притом, что степень экономической и культурной интегрированности населения Молдовы в XIX веке, несомненно, была существенно выше, чем таковая — обществ эпохи поздней бронзы. А в XX веке возникли такие мощные и не известные ранее факторы ассимиляции, как обязательное среднее образование, обязательная служба в армии, телевидение, радио и вообще средства массовой информации. Политика государств же стала, как правило, вообще целенаправленно ориентироваться на ассимиляцию меньшинств.

[138] Агульников С.М. Компоненты культуры Ноуа в Белозерской погребальной обрядности // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 11. Запоріжжя: ЗНУ, 2004. С. 3–10. С. 7.

происходит синтез уже КРШК. Перемещение носителей этой субтрадиции (условно — «прото-КРШК») в район Реуто-Днестровского междуречья и далее, в ареал группы Балта, произошло уже в ситуации гибели культуры Ноуа и начавшегося процесса гальштатизации региона.

Причем часть носителей субтрадиции могла остаться в Попрутье и далее.

В этом контексте привлекает внимание ситуация с некоторыми памятниками, атрибутируемыми Единецкой культуре. Во-первых, это находка двуручного кубка под полой кургана 3 у с. Бурлэнешть. По форме он аналогичен кубкам Единецкой культуры, однако выполнен менее качественно: глина с большим содержанием песка, поверхность заглажена со следами ангоба, кирпичного цвета. В этом же кургане, с противоположной стороны, было обнаружено погребение — трупоположение под каменным закладом, окруженное кромлехом, которое было атрибутировано культуре Ноуа. Однако, по мнению Е.Н. Савы, такая каменная конструкция, а также «елочный» орнамент сосуда из этого погребения представляют собой единичное явление в ареале Ноуа, что и позволяет Т.И. Демченко предположить, что находка «единецкого» кубка имеет отношение к этому погребению[139].

Два аналогичных, по мнению Т.И. Демченко, погребения (одно с трупосожжением, другое — ингумация) были обнаружены в кургане 6 у с. Коржеуцы, еще одно — в кургане 5 у с. Бурлэнешть. Примечательно, что и Т.И. Демченко, и О.Г. Левицкий полагают необходимым объединять все эти погребения в одну группу. Однако, если Т.И. Демченко связывает их с Единецкой культурой, то О.Г. Левицкий считает, что они относятся к Западно-Подольской группе эпохи позднего гальштата[140].

Здесь примечателен сам факт того, что керамика Единецкой культуры может быть атрибутирована памятникам железного века Карпато-Поднестровья. Аналогична ситуация с могильником Костешть VIII. Как отмечает Т.И. Демченко,

---

[139] Демченко Т.И. К вопросу о круге памятников Единецкой культурной группы // Tyrageţia. 2008. № III (XVIII), 1. С. 189–202. С. 197–198.
[140] Там же.

в свое время В.А. Дергачев первоначально отнес его к раннему железному веку и только потом сопоставил с Единецкой культурой. Сегодня же большинство специалистов (в т.ч. Я. Махник, М. ван дер Линден) относят его к Единецкой культуре, но тот же О.Г. Левицкий связывает его с Западно-Подольской группой[141].

Кто в итоге прав — вопрос сложный, тем более что В.А. Дергачев и в более поздней работе говорил лишь о возможной принадлежности могильника Костешть VIII Единецкой культуре[142].

Характеризуя керамический комплекс тех памятников севера Республики Молдова (они занимают Единецкий и Рышканский районы), которые, как он полагает, относятся к Западно-Подольской группе (далее — ЗПГ), О.Г. Левицкий[143] практически для всех типов не находит аналогий не только в ЗПГ, но и вообще в памятниках позднегальштатского времени[144].

Учитывая все эти факты, можно предположить, что хотя данная группа памятников и не может быть отнесена к Единецкой культуре, но и к ЗПГ ее относить нельзя. Ее датировка вряд ли выйдет за пределы раннего железного века, но можно полагать, что она удревнится. Впрочем, как справедливо заметила Т.И. Демченко, ситуация заслуживает отдельной работы.

Но важнее здесь все же другое: то, что и в раннем железном веке Карпато-Поднестровья мы видим памятники, обнаруживающие параллелизм с памятниками Единецкой культуры.

И здесь следует упомянуть еще об одном памятнике неординарного характера — кургане у с. Бранешть. О.Г. Левицкий отмечал, что в Пруто-Днестровском

---

[141] Демченко Т.И. К вопросу о круге памятников Единецкой культурной группы // Tyrageţia. 2008. № III (XVIII), 1. С. 189–202. С. 192.

[142] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 115.

[143] Leviţki O.G. Consideraţii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriului Moldovei // Revista arheologică. 1998. № II. P. 28–59. P. 28–59.

[144] Романчук А.А. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии // Stratum plus. 2011. № 2. С. 187–206.

междуречье аналогию ему представляют как раз курганы культуры Сахарна-Солончень, но, в отличие от них, в нем представлена керамика, орнаментированная каннелюрами. В поисках же внешних аналогий он обращал внимание на памятники локального варианта культуры Ватин в Западной Сербии — Белотич-Бела Црква-Добрача[145]. Хотя, по его мнению, разница в инвентаре и не позволяет рассматривать памятники этой группы как прямую аналогию кургану у с. Бранешть.

Это, в свою очередь, позволило М.Т. Кашуба при рассмотрении проблемы происхождения погребального обряда культуры Сахарна-Солончень предположить, что «…в сложении культур орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья, в первую очередь, Бабадага (а через него и Козии-Сахарны) определенную роль могли сыграть и раннегальштатские группы югославского Баната и, в частности, Белотич-Бела Црква-Добрача»[146].

То, что параллели погребальному обряду курганов Сахарна-Солончень и кургана у с. Бранешть и О.Г. Левицкий, и М.Т. Кашуба видят именно в группе Белотич-Бела Црква-Добрача, факт весьма примечательный. Однако то, как эти параллели пытается объяснить М.Т. Кашуба, на наш взгляд, не может быть принято. Ранее мы уже назвали подобный подход к поискам истоков погребального обряда Сахарна-Солончень «сооружением тришкина кафтана» и сегодня можем это только повторить с еще большим, как нам представляется, основанием.

Во-первых, Белотич-Бела Црква — культура раннего бронзового века (по центрально-европейской схеме, т.е. в абсолютных датах она датируется начиная с

---

[145] Левицкий О.Г. Курган у с. Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии // отв. ред. Н.А. Кетрару. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 137–149. С. 142–143.

[146] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 287.

середины III тыс. до н.э.[147]). Что же касается Белотич-Бела Црква-**Добрача** (выделено нами. — А.Р.), то, как совершенно правильно отметил О.Г. Левицкий, это памятники западно-сербского варианта культуры среднего и позднего бронзового века Ватина, и именно так он определяется М. Гарашанином[148]. Этот локальный вариант Ватина занимал всю западную горную часть Сербии, но в ее равнинную часть, в бассейн Савы — не проникал.

Культура раннего бронзового века Белотич-Бела Црква, по общему мнению, действительно является одним из ближайших родственников Единецкой культуры. Керамика ее, как правило, не орнаментирована.

Приходящий ей на смену, судя по погребальному обряду (как полагает М. Гарашанин), генетически с ней связанный, западно-сербский вариант культуры Ватина среднего и позднего бронзового века, представленный находками в Бела Црква, Белотич и Добрача, по облику керамики существенно отличается. Как указывает М. Гарашанин, «керамика этой группы в целом связана с группой Ватина, но хуже по качеству…»[149].

Между тем «перекинуть мостик к Сахарна-Солончень от Ватина еще трудней», чем от других предлагавшихся претендентов.

Действительно, характеризуя керамику культуры Ватина, М. Гарашанин пишет, что уже с самой ранней фазы, Панчево-Омолица, ее орнаментация состоит из «plastic ribs and incised garlands, spirals and volutes»[150], т.е. «пластических

---

[147] Maran I. Kulturwandel auf dem griechischen Festland und den Kykladen im späten 3. Jahrtausend v. Chr. Studien zu den kulturellen Verhältnissen in Südosteuropa und dem zentralen sowie östlichen Mittelmeerraum in der späten Kupfer- und frühen Bronzezeit. T. II. Bonn: Habelt, 1998. Taf. 82.

[148] Garasanin M. The Bronze Age in the Central Balkan Area // The Cambridge ancient history. Vol. 3. Part I: The prehistory of the Balkans; the Middle East and the Aegean World, tenth to eighth centuries B.C. 2nd edn. / J. Boardman, I. Edwards, N. Hammond, E. Sollberger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 169–186. P. 186.

[149] Garasanin M. The Bronze Age in the Central Balkan Area // The Cambridge ancient history. Vol. 3. Part I: The prehistory of the Balkans; the Middle East and the Aegean World, tenth to eighth centuries B.C. 2nd edn. / J. Boardman, I. Edwards, N. Hammond, E. Sollberger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 169–186. P. 184.

[150] Cavruc V. Legături între Moldova şi s-e Transilvaniei în bronzul mijlociu // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 58–76. P. 177.

нервюр», если переводить буквально (речь идет о разновидности каннелюр: в переводе на английский работы другого сербского археолога Д. Гарашанина, посвященной бронзовому веку Сербии, орнаментация керамики этой фазы определяется как “wide flutes”), а также резных гирлянд, спиралей и волют. На второй фазе, Ватина-Врсац, «двуручные сосуды приобретают барочный профиль, а их ручки — форму ansa lunata». И наконец на третьей, Иланджа-Белегиш фазе, орнаментация керамики характеризуется «группами каннелюр (grooved patterns) или мотивами в виде параллельных линий, гирлянд, спиралей и волют, выполненных в шнуровой технике»[151].

Как следует из приведенных в цитированных работах иллюстраций, вся керамика культуры Ватина, как и ее орнаментация, действительно имеют барочный, пышный характер[152]. Эта культура является ярким представителем мира «криволинейной геометрической орнаментации» (плюс нарастающая с течением времени популярность каннелюр). И никак не может быть сопоставлена не только с КРШК Карпато-Поднестровья, но даже с Бабадагом или другими группами КРШК Подунавья.

Что же касается форм и орнаментации керамики собственно западно-сербского варианта группы Ватина, то М. Гарашанин указывает, что для него также «типичны двуручные сосуды барочной профилировки», и пишет: «In addition to the rippled ornamentation there are incisions, parallel lines, garlands and grooved patterns»[153], таким образом хотя резной орнамент и представлен, он играет дополнительную роль по отношению к орнаментации поверхности керамики

[151] Garasanin M. The Bronze Age in the Central Balkan Area // The Cambridge ancient history. Vol. 3. Part I: The prehistory of the Balkans; the Middle East and the Aegean World, tenth to eighth centuries B.C. 2nd edn. / J. Boardman, I. Edwards, N. Hammond, E. Sollberger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 169–186. P. 177.
[152] Там же. P. 176. Fig. 30.
[153] Garasanin M. The Bronze Age in the Central Balkan Area // The Cambridge ancient history. Vol. 3. Part I: The prehistory of the Balkans; the Middle East and the Aegean World, tenth to eighth centuries B.C. 2nd edn. / J. Boardman, I. Edwards, N. Hammond, E. Sollberger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 169–186. P. 184.

рифлением и каннелюрам разного рода, в том числе образующим группы (grooved patterns).

Мотивы орнаментации, равно как и формы керамики западно-сербского варианта группы Ватина, абсолютно не похожи на таковые КРШК Карпато-Поднестровья.

В связи с этим напрашивается вывод: хотя погребальные обряды Сахарна-Солончень и Белотич-Бела Црква-Добрача сходны, это объясняется родством их достаточно отдаленных предков, а вовсе не переселением какой-то части носителей Белотич-Бела-Црква-Добрача в позднем бронзовом веке, тем более в раннем гальштате, а также в На В1 (время, по традиционному мнению сторонников «нижнедунайской» гипотезы, возникновения Сахарна-Солончень) — в Карпато-Поднестровье.

И курган у с. Бранешть, соответственно, уместнее объяснять наложением носителей культуры Кишинев-Корлатень на местный субстрат — родственный Сахарна-Солончень, восходящий к Единецкой культуре. Тем более, что село Бранешть расположено в Среднем Попрутье, в Рышканском районе современной Республики Молдова.

Таким образом, перечисленные доводы демонстрируют реальность предложенной модели «чересполосного сосуществования разных субтрадиций» по отношению к проблеме объяснения истоков КРШК Карпато-Поднестровья.

Эта модель и вовлечение в анализ ситуации такого нового «участника», как Единецкая культура, существенно способствуют увеличению возможностей уточнить генезис КРШК Карпато-Поднестровья и очевидно «работает» в пользу идеи местного карпато-поднестровского генезиса КРШК.

Таким образом, существует своя, на месте, традиция очень качественной, даже пролощенной керамики, которая восходит еще к первой половине II тыс. до н.э., равно как и традиция характерного и очень специфичного погребального обряда. Есть расположенный в непосредственном соседстве источник специфического орнаментального стиля. Очевидно взаимодействие этих двух

традиций, приведшее к формированию культуры Костиша, а также вклад двух традиций (Единецкой и Костиши) в генезис культуры Ноуа, в рамках которой происходит не только трансформация, но и сохранение, хоть и в измененной форме, этих двух традиций.

Как представляется, все вышеизложенное позволяет думать, что истоки КРШК Карпато-Поднестровья восходят к Единецкой культуре.

Однако вопросов, нуждающихся в решении и прояснении генезиса КРШК, еще очень много, поэтому предпринятые нами усилия следует рассмотреть как попытку сделать еще один шаг к продуктивной дискуссии.

1.3. Металлические изделия (бронзовые *топоры-кельты* и серпы) и «стрела времени» обществ резной и штампованной керамики Карпато-Поднестровья

Считаем целесообразным отдельно рассмотреть категорию изделий, которые были проанализированы в свете проблемы генезиса КРШК раннего гальштата Карпато-Поднестровья: металлические изделия раннего гальштата Карпато-Поднестровья и сопредельных территорий, бронзовые *топоры-кельты* и серпы[154].

Прежде всего обратим внимание на разновидность *топоров-кельтов*, которую традиционно определяют как «одноушковые *кельты* с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами». Поскольку основным признаком при определении этой разновидности *кельтов* Юго-Восточной Европы служит их орнаментация, то ниже будем именовать эту разновидность как «*кельты*, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами».

О.Г. Левицкий высказался в пользу того, что *кельты* с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными

[154] Романчук А.А. Металлические изделия (кельты и серпы) и генезис исторической общности КРШК эпохи раннего гальштата Карпато-Днестровского региона // МАСП. 2009. № 9. С. 54–67; Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (На А – На В1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212.

нервюрами, в Карпато-Поднестровье соотносятся с культурой Кишинев-Корлатень, относящейся к культурной общности так называемого «каннелированного гальштата»[155]. Однако существует ряд работ, в которых исследователи пытаются связать распространение этого типа *кельтов* в Карпато-Дунайском регионе в эпоху раннего гальштата с продвижением носителей КРШК с Нижнего Дуная на север: В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев и Е. Ушурелу[156], а также М.Т. Кашуба.

В.А. Дергачев, рассматривая металлические изделия Карпато-Дунайского региона и Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы — раннего гальштата, в целом обошел вниманием те типы бронзовых *кельтов* и серпов, которые можно было бы связать с культурами Сахарна-Солончень и Козия, но отметил, что «сугубо предварительно, по данным металлических изделий истоки этих культурных групп (Сахарна-Солончень и Козия. — А.Р.) обнаруживаются в памятниках центральных районов Северной Болгарии, в носителях Вырбицкого очага металлообработки. Эти истоки выявляются по весьма ограниченной, но достаточно выразительной серии изделий <…> По ряду признаков они, вне сомнения, восходят к традициям Вырбицкого очага металлообработки, хотя и сочетают в себе ряд специфичных элементов, свойственных трансильванским

[155] Leviţki O.G. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi. Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 121–122.

[156] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997; Дергачев В.А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья // Stratum plus, 1999. № 2. С. 169–221; Дергачев В.А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Chişinău: S. n., 2010; Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219; Uşurelu E. Contribuţii noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistrean // Revista arheologică. 2005. № I (1). P. 72–76; Uşurelu E. Relaţiile culturale ale comunităţilor bronzul târziu din spaţiul Carpato-Nistrean. Autoref. tezei de doctor în ştiinţe istorice. Chişinău, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnaa.md/files/theses/2006/5241/eugen_usurelu_abstract.pdf (дата обращения: 22.11.2020).

традициям»[157]. В качестве примера он называет одноушковые *кельты*, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами. Орнаментация этих *кельтов* восходит, по его мнению, к Вырбицкому очагу, а наличие ушка связывает их с трансильванской традицией.

Заметим, что на этом основании, а также потому, что эти типы изделий представлены и в Трансильвании, В.А. Дергачев предположил, что движение носителей КРШК шло с Нижнего Дуная не напрямик, вдоль Карпат, а через Юго-Восточную Трансильванию.

В более поздних работах В.А. Дергачев снова повторил этот тезис. По его мнению, *кельты*, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, на территории Болгарии следует атрибутировать “Schtempelverzirten Keramik (nach B. Hänsel)”[158], т.е. КРШК.

Идеи В.А. Дергачева были развиты и продолжены Е. Ушурелу. В своей докторской диссертации Е. Ушурелу указывает, что на Нижнем Дунае *кельты*, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, соотносятся с ареалом Радовану, Сихляну, Тэмэоань, Бабадаг I-II и Северо-Болгарской группы КРШК[159]. В начале же На В1 они проникают в Карпато-Поднестровье вместе с носителями «культуры Козия-Сахарна».

Итак, таковы основные тезисы гипотезы о связи *топоров-кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, с культурно-исторической общностью КРШК.

---

[157] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 58.

[158] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 168.

[159] Uşurelu E. Relaţiile culturale ale comunităţilor bronzul târziu din spaţiul Carpato-Nistrean. Autoref. tezei de doctor în ştiinţe istorice. Chişinău, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnaa.md/files/theses/2006/5241/eugen_usurelu_abstract.pdf (дата обращения: 22.11.2020). P. 21.

Эта гипотеза, однако, не учитывает ряда фактов, не согласующихся с ней. По нашему мнению[160], *кельты*, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье были принесены представителями каннелированного гальштата — культурой Кишинев-Корлатень.

Позднее мы попытались аргументировать этот тезис еще раз на новом уровне, дополняя и уточняя сказанное ранее. Представим здесь эту аргументацию в достаточно полном для уяснения виде.

Традиция орнаментации *топоров-кельтов* вертикальными линиями-нервюрами восходит к Вырбицкому очагу металлообработки. Она была массово характерна для территории Болгарии еще в позднем бронзовом веке[161]; в связи с датировкой клада Овча Могила, где уже присутствуют *кельты*, орнаментированные вертикальными линиями, предлагается возникновение этой традиции уже в Br C2[162]. И, как показывает картографирование В.А. Дергачева[163], именно на территории Болгарии наблюдается максимальная концентрация *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами.

Возникает вопрос: кто, какие археологические культуры, реально были носителями традиций Вырбицкого очага металлообработки в эпоху раннего гальштата? И принимали ли эти культуры (или одна из них) участие в формировании культур Сахарна-Солончень и Козия?

Что касается первого из этих вопросов, то ответ на него достаточно непрост. Как отмечает I. Czyborra: “Für den nordbulgarischen Raum sah Hänsel keine Möglichkeiten einer Gruppenbildung, weder für die frühe, noch für die klassische Phase

---

[160] Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307; Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (Ha A – Ha B1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212.

[161] Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. С. 189–203.

[162] Krauß R. Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter // Interpretationsraum Bronzezeit / B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan (Hrsg.). Bonn: Habelt, 2005. P. 199–210. P. 199–210.

[163] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. Taf. 123.

der stempelverzierten Keramik, zu sporadisch war der Fundstoff"[164]. Так, «для территории Северной Болгарии Б. Хензель не видел никакой возможности выделить какие-либо культурные группы Штампованной керамики (КРШК. — А.Р.) — в силу спорадичности находок».

Возможно, именно поэтому в более поздней, совместной с В.С. Бочкаревым, работе В.А. Дергачева — фундаментальном труде, посвященном бронзовым серпам Восточной Европы поздней бронзы — по поводу серпов типа Вырбица указывается: «К сожалению, ничего конкретного нельзя сказать о возможной культурной принадлежности серпов этого варианта»[165].

Однако В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев смогли путем картографирования очертить достаточно четко ареалы изделий как Вырбицкого очага металлопроизводства, действовавшего и в эпоху раннего гальштата, так и другого нижнедунайского (более раннего) — Дичевского очага эпохи поздней бронзы.

Следует отметить, что автором самих понятий Вырбицкого и Дичевского очагов металлообработки является Е.Н. Черных[166], и многие характеристики этих очагов (в том числе пространственные), были установлены им же. Вместе с тем В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев как подтвердили ряд выводов Е.Н. Черныха, опираясь на гораздо более обширную источниковую базу, так и предложили ряд уточнений. В частности, они приходят к существенно важной идее о том, что Дичевский очаг металлообработки закончил свое функционирование раньше Вырбицкого.

Как размещались в пространстве Вырбицкий и Дичевский очаги металлообработки?

---

[164] Czyborra I. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit. 2005. P. 9 [Электронный ресурс]. URL: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra (дата обращения: 10.05.2019).

[165] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 274.

[166] Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. С. 250.

Как отмечают В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев, «серпы варианта Дичево и в количественном отношении, и по плотности местонахождений концентрируются преимущественно в Низовьях правого и левого берега Дуная, где они отчетливо соотносятся с ареалом поздних фаз культуры Тей и ареалом культуры Кослоджень»[167]. При этом происхождение и производство серпов типа Дичево, по их мнению, следует связывать с ареалом и носителями «главным образом культуры Кослоджень», т.е. Мунтения и Добруджа — вот ареал очага Дичево.

Что же касается серпов типа Вырбица, распространявшихся в На А1, то по сравнению с серпами типа Дичево «их ареал явно смещен к западу»[168]. Местом их производства авторы полагают треугольник Вырбица-Градешница-Русе в Северной Болгарии. По мнению исследователей, «подобное заключение полностью согласуется и с общей тенденцией пространственной эволюции Дичевского очага металлопроизводства, который на этапе перехода к раннему гальштату смещается несколько на запад — из Нижнего Подунавья и Добруджи — в центральные районы северной части современной Болгарии».

Действительно, этот вывод полностью подтверждается и привлечением к анализу *кельтов* типа Вырбица[169].

Стоит отметить, что к аналогичным выводам о пространственном соотношении Вырбицкого и Дичевского очагов металлообработки пришел Е.Н. Черных.

Помимо уточнения географических рамок Вырбицкого очага, существенное значение имеет и уточнение его временных рамок, точнее верхней хронологической границы.

Как отмечал Е.Н. Черных, «…дичевский и вырбицкий очаги прекратили свою деятельность не позднее XII века до н.э.»[170]; «позднее На А1 <…> эти очаги уже

---

[167] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 273.

[168] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 274.

[169] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 167–169. Taf. 123.

не существуют». Также автор отмечал: «Примерно с XI века до н.э. на территории Северо-Восточных Балкан великолепно налаженное производство многочисленных кельтов, серпов, наконечников копий и других категорий бронзовых изделий угасает едва ли не полностью. Теперь уже не может быть и речи о выделении в исследуемом районе особых очагов металлургии и металлообработки со своими характерными формами и сплавами. Материалы последующего времени настолько ничтожны, что мы вправе поставить вопрос о практически полном прекращении здесь металлообрабатывающего производства»[171].

За истекшее время не появилось новых находок, позволивших бы пересмотреть данный вывод Е.Н. Черныха. Как отмечал Е. Ушурелу, «…не отрицая возможного развития и в На А2, следует констатировать, что к его концу эпицентр производства кельтов с арковидными и трапециевидными фасками, украшенными вертикальными нервюрами, смещается на северо-восток Сербии и юго-запад Румынии».

Так, раннегальштатские группы с территории Северо-Западной Болгарии, которые возникают не раньше На А2, являются достаточно сомнительными претендентами на роль носителей традиций Вырбицкого очага металлообработки, тем более группы, относящиеся к На В1.

Заметим, что это уже имеет существенное значение. На наш взгляд, ранний горизонт культуры Сахарна-Солончень (горизонт Солончень-Хлиная — Климауць де Жос) возникает уже в На А1, т.е., если пытаться, следуя устаревшей точке зрения, относить возникновение культур Сахарна-Солончень и Козия к концу На В1 или даже его второй половине, то в логической цепочке подобных рассуждений существует неразрешимое противоречие: либо Сахарна-Солончень и Козия возникают намного раньше, чем авторы полагают, либо никакие

---

[170] Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. С. 259.

[171] Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. С. 260.

североболгарские группы *Schtempelverzirten Keramik* не смогли бы передать им традиции Вырбицкого очага металлообработки, поскольку сами эти традиции на территории Северо-Западной Болгарии к этому времени уже угасли.

Обозначим те археологические культуры, которые соответствуют обозначенным временным и географическим рамкам.

Для позднего бронзового века это, как отмечал и В.А. Дергачев, культура Зимнича-Пловдив[172]: так ее обычно именуют румынские исследователи, западные же предпочитают другое название — группа Черковна (Cerkovna-group).

Ряд исследователей сомневаются в справедливости выделения данной культуры, как бы она ни именовалась. По их мнению, в качестве основания для выделения культуры Черковна (Зимнича-Пловдив) использовались керамические формы, которые характерны для всей территории Болгарии в эту эпоху[173].

Еще больше вопросов возникает относительно культурной ситуации в Северо-Западной Болгарии после завершения существования культуры Зимнича-Пловдив-Черковна. Как следует из сравнительно недавно опубликованных работ, Северо-Западная Болгария все еще остается для этой эпохи достаточно «темным пятном», источники для анализа достаточно скудны.

Тем не менее определенные шаги в этом направлении уже сделаны. В результате было предложено выделение культуры Зимнича-Новград[174]. Именно Зимнича-Новград, очевидно, и занимала основную часть территории Северо-Западной Болгарии в период На А – На В1.

Кроме того, помимо Зимнича-Новград, следует упомянуть культурную группу Хинова-Мала Врбица. Она занимала зону Железных Ворот на Дунае,

---

[172] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 50.

[173] Стоянов Т., Ников К. Спасителни сондажни проучвания на обекти от ранножелязната епоха в землището на с. Рогозиново, Харманлийско // Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. Специалност археология. 2003. № 2. С. 7–92. С. 34.

[174] Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. 1995. № 16. P. 99–137. P. 135.

распространяясь и на часть территории Северо-Западной Болгарии. К тому же *топоры-кельты*, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, распространяются и в ареале группы Хинова-Мала Врбица.

В меньшей степени заслуживает внимания в данном контексте культурная группа Сборяново. Во-первых, она относится уже к Классической Фазе КРШК Болгарии[175], т.е. датируется, начиная с X в. до н.э. Во-вторых, занимала она район современного Разграда (скорее Северо-Восточная Болгария). Но, заметим, группа Сборяново непосредственно граничила с ареалом распространения на территории Болгарии *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами. И, кроме того, именно Сборяново была ранее упомянута М.Т. Кашуба в связи с проблемой происхождения погребального обряда культуры Сахарна-Солончень. Действительно, погребальный обряд Сборяново, равно как и Зимнича-Новград, — ингумация.

Как отметил Н. Борофка в орнаментации керамики Сборяново используются так называемые «букели» — большие, полые изнутри выступы-рога. Эта черта, будучи влиянием со стороны культуры Гава, является архаичной и характерна для ранней фазы Гава (группы Грэничешть) и даже пред-гавских комплексов. Так, возможно, что Сборяново все же возникает раньше, чем это традиционно полагают, опираясь, прежде всего, на развитый характер штампованной орнаментации керамики этой группы. В этой связи включим Сборяново в круг наших научных интересов.

Итак, для того чтобы решить вопрос о появлении в Карпато-Поднестровье *кельтов*, украшенных вертикальными линиями-нервюрами, необходимо выяснить, возможно ли, чтобы вышеназванные культуры вместе или одна из них могли стать предками культур Сахарна-Солончень и Козия?

Что касается группы Хинова-Мала Врбица, то здесь очевидно, что она относится к культурам «каннелированного гальштата» и по своим

[175] Czyborra I. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit. 2005. P. 123. Abb. 69 [Электронный ресурс]. URL: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra (дата обращения: 10.05.2009).

характеристикам резко отличается от любой культуры Резной и Штампованной Керамики.

Культура Зимнича-Новград же полагается «радикально отличным образованием в сравнении с прочими культурными группами» («группами каннелированного гальштата»)[176], прежде всего благодаря своему погребальному обряду.

Тем не менее для Зимнича-Новград базовый тип орнаментации керамики — это каннелюры в виде аркад и зигзагов. А базовый керамический тип — это черпаки усечено-конической и «полусферической» формы[177]. По словам А. Александреску, «канелюры являются постоянным видом орнаментации» для черпаков Зимнича-Новград. Согласно же М. Гумэ, черпаки Зимнича-Новград аналогичны черпакам из Vajuga — памятника, который относится ко второй стадии развитии группы Хинова-Мала Врбица.

В связи с этим представляется, что Зимнича-Новград при всем ее своеобразии — это тоже культура каннелированного гальштата. Сама А. Александреску сопоставляла керамику Зимнича-Новград прежде всего с такими культурами каннелированного гальштата, как Выртоп, Мери, Сусани[178].

Между тем позволим себе напомнить: в Сахарна-Солончень каннелюр практически отсутствует, а в Козия очень редок. Уже поэтому, не говоря о прочих характерных особенностях керамического ансамбля Зимнича-Новград (прежде всего черпаках типа Хинова-Мала Врбица), невозможно предположить участие Зимнича-Новград в генезисе Сахарна-Солончень, равно как и Козия.

Относительно Сборяново все более очевидно.

---

[176] Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. 1995. № 16. P. 99–137. P. 109.

[177] Alexandrescu A.D. Sepulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman) // Dacia. 1978. № 22. P. 115–124. P. 117–119; Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. 1995. № 16. P. 99–137. P. 131.

[178] Alexandrescu A.D. Sepulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman) // Dacia. 1978. № 22. P. 115–124. P. 119.

Хотя Сборяново традиционно определяется как часть культурной общности КРШК, каннелюр является одним из основных, если не доминирующим типом орнаментации керамики Сборяново[179]. Основным керамическим типом Сборяново является так называемый «кантарос» — двуручные сосуды, как и Зимнича-Пловдив. Тип «кантарос» не имеет аналогий ни в Сахарна-Солончень, ни в Козия.

В этой ситуации нам остается проверить возможность того, что традиция *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, попадает в Карпато-Поднестровье в результате импульса со стороны Зимнича-Пловдив. Разумеется, нет необходимости даже обсуждать вопрос о непосредственном участии Зимнича-Пловдив в формировании Сахарна-Солончень и Козия — слишком велика разница в их материальной культуре, в первую очередь в формах и орнаментации керамики. Но, возможно, традиции Вырбицкого очага металлообработки были восприняты ранними группами КРШК. Затем опосредованно они были транслированы ими носителям Сахарна-Солончень и Козия.

Отмечается, что с поселения Радовану культуры Кослоджень на Нижнем Дунае происходит находка литейной формы *кельта*, орнаментированного вертикальными линиями-нервюрами[180]. «Аспект Радовану» (или «поздняя фаза Кослоджень», как обозначают его многие исследователи) предлагается традиционно в качестве предка общности КРШК как на Нижнем Дунае, так и в Карпато-Поднестровье (включая такие группы, как Балта, Холеркань-Ханска, Тэмэоань), поэтому находка литейной формы в Радовану используется как доказательство того, что ранние группы КРШК унаследовали традиции Вырбицкого очага металлопроизводства.

---

[179] Гоцев Ал., Шалганова Т. Керамический комплекс «Камен Рид», Северо-Восточная Болгария и ранний железный век восточнобалканского культурного круга // Niculiţă I. T (red. resp.). Tracii şi lumea circumpontică. Chişinău: Reclama. 2004. С. 60–61. P. 173.

[180] Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219. P. 216.

Обращаясь к литейной форме с поселения Радовану, заметим, что она, очевидно, свидетельствует об определенных связях Радовану и Вырбицкого очага металлопроизводства. Влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану послужило С. Моринцу основанием для обозначения Радовану в качестве фазы «Кослоджень III» или «поздней Кослоджень»[181].

Действительно, Радовану, как и другое поселение Кослоджень — Кэсчиоареле, демонстрирует заметное влияние со стороны Зимнича-Пловдив[182]. Оно проявляется в значительном присутствии характерных для Зимнича-Пловдив «кантарос» и ряда других типов керамики на этих поселениях. Более того, Н. Палинкаш полагает, что Кэсчиоареле является поселением Зимнича-Пловдив. И «можно ожидать, что и Радовану следует относить к культуре Зимнича-Пловдив»[183].

Таким образом, влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану очевидно. Но не менее очевидно, что керамический ансамбль Зимнича-Пловдив (с такими базовыми типами, как «кантарос» и «аскос») существенно отличается от керамического ансамбля ранних групп КРШК.

Каковы на самом деле взаимоотношения Радовану и ранних групп КРШК?

Исследования последних десятилетий принесли значительное количество свидетельств того, что культура Кослоджень существовала вплоть до На А2 и была частично синхронна даже культуре Бабадаг[184]. Полагаем, что это требует проверки устоявшихся представлений о направлении культурных влияний.

---

[181] Dobrinescu I.C. Noi puncte de vedere privind cronologia bronzului târziu şi a începutului epocii fierului în Dobrogea // Studii de Preistorie. 2005. № 2. P. 203–206; Alexandrescu A.D. Sepulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman) // Dacia. 1978. № 22. P. 115–124.

[182] Palincaş N. Ceramica Zimnicea-Plovdiv de la Căscioarele // SCIVA. 1997. № 48 (3). P. 237–254. P. 252.

[183] Palincaş N. Ceramica Zimnicea-Plovdiv de la Căscioarele // SCIVA. 1997. № 48 (3). P. 237–254. P. 252.

[184] Dobrinescu I.C. Noi puncte de vedere privind cronologia bronzului târziu şi a începutului epocii fierului în Dobrogea // Studii de Preistorie. 2005. № 2. P. 203–206; Dobrinescu I.C. Bronzul tîrziu şi începutui epocii fierului în sectorul inferior al Dunării de Jos. PhD diss. Thesis. Constanţa, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.univ-ovidius.ro/stiri-si-noutati/downloads/rezumat-dobrinescu.pdf (дата обращения: 10.05.2009).

Так, мы должны иметь в виду, что керамика Кослоджень, как правило, не-орнаментирована. «Балканские элементы» («кантарос» и «аскос») в керамическом ансамбле Кослоджень «отличаются от своих прототипов отсутствием орнаментации»[185]. Более того, «кантарос» Зимнича-Пловдив в основном не орнаментированы. Последнее верно и для других керамических типов Зимнича-Пловдив.

В тех же случаях, когда керамика Зимнича-Пловдив все же орнаментирована резным орнаментом[186], он зачастую существенно отличается от достаточно простого, бедного и скромного стиля орнаментации ранних групп КРШК.

Думаем, здесь стоит напомнить о том, что в Южной Болгарии еще в Alada-Phase (по И. Чиборра) появляются и штампованная орнаментация керамики (зубчатый штамп, или так называемый «псевдошнуровой орнамент»), и «клетчатая штриховка»[187]. В следующем периоде, Frühphase, к этому добавляется еще и S-видный штамп[188]. Начало Alada-Phase относится еще к XII в. до н.э.[189]

Это важно отметить потому, что и «кантарос» и «аскос» в культурах позднего бронзового и раннего железного века на Нижнем Дунае представляют собой результат влияния с юга. Для ранних же групп КРШК Карпато-Поднестровья (Балта, Холеркань-Ханска, Сихляну) все это нехарактерно: ни зубчатый штамп, ни «клетчатая штриховка», ни тем более S-видный штамп.

---

[185] Dobrinescu I.C. Bronzul tîrziu şi începutui epocii fierului în sectorul inferior al Dunării de Jos. PhD diss. Thesis. Constanţa, 2008. P. 15 [Электронный ресурс]. URL: http://www.univ-ovidius.ro/stiri-si-noutati/downloads/rezumat-dobrinescu.pdf (дата обращения: 10.05.2009).

[186] Krauß R. Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter // Interpretationsraum Bronzezeit / B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan (Hrsg.). Bonn: Habelt, 2005. P. 199–210. P. 3–26.

[187] Czyborra I. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit. 2005. P. 109 [Электронный ресурс]. URL: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra (дата обращения: 10.05.2009).

[188] Ailincăi S.-C. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dobrudja // Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area / F. Cogâltan, C. Cordoș (ed.). Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 201–236. P. 113.

[189] Czyborra I. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit. 2005. P. 123 [Электронный ресурс]. URL: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra (дата обращения: 10.05.2009).

Напротив, мотивы резной орнаментации, характерные для ранних групп КРШК (в том числе в виде косозаштрихованных треугольников), появляются в Северном Причерноморье еще на ряде поселений культуры Сабатиновка[190]. Хоть и сравнительно редкие, эти свидетельства не становятся от этого менее важными.

Здесь следует также отметить, что в культуре Кослоджень мотивы резной орнаментации, помимо Радовану, отмечены на таких поселениях, как Ульму, Доробанцу, Султана. Именно для этих поселений Кослоджень отмечается сильное влияние культуры Сабатиновка: «Керамика некоторых поселений Кослоджень в Мунтении (Ульму, Доробанцу, Султана) имеет четкие аналогии в культуре Сабатиновка»[191].

Мотивы резной орнаментации как в Радовану, так и в Ульму, Доробанцу и Султана (на всех этих поселениях они тоже очень редки и явно представляют собой периферийный элемент) лишь частично совпадают с мотивами резной орнаментации, характерными для ранних групп КРШК и представленными также на керамике некоторых поселений Сабатиновки.

Помимо резной орнаментации следует указать и на черпаки с возвышающейся ручкой. Они редки в культуре Кослоджень и полагаются спецификой так называемой фазы «Сабатиновка-Кослоджень» (т.е. тех же Ульму, Доробанцу и Султана) и результатом влияния из Северного Причерноморья. При этом К. Добринеску объясняет присутствие таких черпаков на ряде поздних поселений Кослоджень тем, что имела место своего рода «консервация» традиций фазы «Сабатиновка-Кослоджень» на периферии ареала культуры Кослоджень.

Заметим, что и первооткрыватели культуры Кослоджень считали черпаки с возвышающейся ручкой и выступом на перегибе ручки очень редкими в этой

---

[190] Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев: Наукова думка, 1985. С. 73–75.

[191] Irimia M. Descoperiri din bronzul târziu pe territorial Dobrogei şi unele probleme privind cultura Coslogeni // Thraco-Dacica. 2001. № 22 (1–2). P. 183–196. P. 184.

культуре. Аналогии им С. Моринц и Н. Анджелеску видели именно в культуре Сабатиновка[192].

Действительно, И.Т. Черняков привел целый ряд памятников Сабатиновки, где представлены черпаки с выступами на перегибе ручки[193]. В Белозерской же культуре «по сравнению с сабатиновским временем количество черпаков резко сократилось»[194]. В.П. Ванчугов считал черпаки более характерными для группы Балта, чем для Белозерской культуры.

Интересно обратиться к работам Я. Личардуса и соавт., в которых обрисовывается значительное влияние со стороны Северного Причерноморья, а именно культурного блока Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень на памятники поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии. При этом Я. Личардус и его коллеги полагают, что имела место даже миграция носителей Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень в северо-восточную часть Эгеиды. Рассматривая эпоху поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии, они пишут: «…выделяются две линии развития этой территории. Первая связана с фазой Асеновец, с характерными сосудами, украшенными прочерченным и накольчатым орнаментом, а также типичными ручками “Wishbone”. Вторая линия связана с фазой Пловдив-Черковна, в которой прочерченный орнамент сочетается с пластически орнаментированными сосудами и формами, характерными для комплекса Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа. Первая, более ранняя фаза, по времени соответствует существованию Кастанас IV, Трое VI — поздней и Трое VIIa, вторая же, в свою очередь, соответствует завершающей стадии Кастанас IV, Кастанас V и Трое VIIb»[195].

---

[192] Morintz S., Angelescu N. O nouă cultură a epocii bronyului în România. Cultura de tip Coslogeni // SCIV. 1970. № 21 (3). P. 373–416. P. 407.

[193] Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев: Наукова думка, 1985. С. 69–83.

[194] Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 36.

[195] Lichardus J., Iliev I., Christov Ch. Die Spätbronzezeitlichen „Steinstößel Zepter“ in Südostbulgarien und die Frage der nordpontischen Verbindungen zur Ägäis // Eurasia Antiqua. 1999. № 5. P. 95–110; Lichardus J., Echt R., Iliev I., Christov Ch. Die Spätbronzezeit an der Unteren Tundza

Следует отметить, что аналогии северопричерноморским формам керамики Пловдив-Черковна авторы видят именно в «младшей», поздней фазе Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень.

Таким образом, нам представляется, что те элементы керамического ансамбля Радовану, которые используются как свидетельство участия аспекта Радовану в генезисе КРШК, при современном состоянии вещей уместнее объяснять как результат влияния со стороны КРШК на Радовану. Или же это может быть влияние с третьей стороны (как это уже было отмечено для бронзовых ножей).

Уместно в этой связи указать, что ряд керамических типов группы Балта, которые ранее считались свидетельством влияния с Нижнего Дуная, на деле появляются в группе Балта в результате воздействия со Среднего Дуная, из культур «каннелированного гальштата»[196]. Это влияние со Среднего Дуная на культуры Северного Причерноморья началось еще в позднесабатиновское время, и ряд «гальштатских типов» культуры Белозерка был унаследован ею из Сабатиновки и поздней Ноуа. Равно как еще к сабатиновскому времени восходит и традиция домостроительства населения группы Балта[197].

Возвращаясь к металлическим изделиям, мы должны вспомнить и очень важный вывод Е.Н. Черныха: о тотальном прекращении традиций металлообработки на Северо-Востоке Балкан с началом На А2.

Еще четче это звучит у В.А. Дергачева. «…что принципиально важно, с “исчезновением” культуры Кослоджень и распространением на ее месте культуры Пре-Бабадаг или Бабадаг I, в Низовьях Дуная полностью утрачиваются

---

und die ostägäischen Verbindungen in Südostbulgarien. Mit Beiträgen W.-R. Thiele und J. C. Becker // Eurasia Antiqua. 2003. № 8. P. 133–184. P. 184.

[196] Leviţki O.G. Tradiţii hallstatiene în producţia ceramicii culturii Belozerka // Thraco-Dacica. 2000. № 21. P. 177–209. P. 182.

[197] Vancugov V.P. Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur // Eurasia Antiqua. 1996. № 2. P. 287–310. P. 290.

выработанные здесь на протяжении позднего периода бронзы местные традиции металлопроизводства»[198].

Из этого следует, что носители Пре-Бабадага и ранних групп КРШК на Нижнем Дунае не только не унаследовали традиции Кослоджень в металлообработке, но и, видимо, стали причиной этого разрыва традиции. Считать после этого Радовану или иные «поздние проявления Кослоджень» предком ранних групп КРШК кажется странным.

Что касается собственно проникновения металлических изделий Вырбицкого и Дичевского очагов в Карпато-Поднестровье и Северное Причерноморье, то, как следует из анализа В.А. Дергачева, для эпохи поздней бронзы, для блока культур Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа характерна «достаточно свободная циркуляция типов изделий»[199]. Например, серпы типа Дичево и *кельты* типа Ойнак из Дичевского очага металлообработки проникают на восток вплоть до Днепра. И наоборот, северопричерноморские типы *кельтов* и серпов в эпоху поздней бронзы проникают даже в ареал культуры Зимнича-Пловдив.

С переходом к раннему железному веку картина связей Нижнего Подунавья и Северного Причерноморья резко меняется. Происходит «почти полное прекращение связей»[200], если судить по металлическим изделиям. Как следует из карт В.А. Дергачева, ни северопричерноморские типы не проникают на Нижний Дунай, ни, наоборот, нижнедунайские — в Северное Причерноморье.

Тем не менее, обращаясь к территориальному распределению некоторых северопричерноморских *кельтов* периода На А – На В1, наблюдается очень любопытные закономерности. Так, В.А. Дергачев по поводу типа Кардашинка пишет, что его ареал соотносится в целом с ареалом Белозерской культуры. При

---

[198] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 50.

[199] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 37.

[200] Там же. С. 16.

этом литейные формы концентрируются в Нижнем Поднепровье (где его изготавливали), а готовые изделия — в Киевском Поднепровье и в западной части Белозерской культуры[201].

Как следует из карт В.А. Дергачева, кельты типа Кардашинка образуют три четких пространственных кластера. Первый — это Киевское Поднепровье, второй — Нижнее Поднепровье. И, наконец, это очень компактный кластер на Нижнем Днестре («вариант В» типа Кардашинка, по В.А. Дергачеву). Именно этот третий кластер («на правом берегу Днестра»[202]) представляет для нас наибольший интерес. Он расположен на пересечении ареалов памятников Белозерской культуры и памятников одной из ранних групп КРШК — группы Холеркань-Ханска.

Более того, сравнивая эту картину с территориальным распределением памятников Белозерской культуры в Карпато-Днестровском регионе (памятники «варианта Тудорово»), мы видим, что подавляющее большинство памятников варианта Тудорово Белозерской культуры концентрируются в районах, прилегающих к Нижнему Дунаю, между Нижним Дунаем и рекой Сарата[203]. Другая группа памятников варианта Тудорово располагается ближе к Днестровскому лиману. И лишь шесть поселений и могильник варианта Тудорово совпадают с Нижнеднестровским кластером *кельтов* типа Кардашинка.

Но из этих шести такие, как Калфа, Кошница, Погребя 3 и Погребя 5 характеризуются наличием керамики Холеркань-Ханска. В более поздней работе О.Г. Левицкий также относил эти памятники к числу памятников Холеркань-Ханска[204].

---

[201] Там же. С. 13.

[202] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 118.

[203] Vancugov V.P. Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur // Eurasia Antiqua. 1996. № 2. P. 287–310. P. 289. Ab. 2.

[204] Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 180.

Отметим, что памятники Холеркань-Ханска ранее относились к числу памятников Белозерской культуры. И аналогичная точка зрения существовала по поводу группы Балта.

Наблюдения позволяют сделать вывод, что Нижнеднестровский кластер *кельтов* типа Кардашинка совпадает именно с ареалом группы Холеркань-Ханска[205].

Вдобавок к *кельтам* Кардашинка другой северопричерноморский тип кельтов — Завадовка, также представлен в ареале Холеркань-Ханска[206].

Литейная форма типа Кардашинка («вариант А», по В.А. Дергачеву) была обнаружена на левом берегу Днестра (Красный Маяк) — по направлению к группе Балта. Важно отметить, что Красный Маяк — мастерская, «которая определенно относится к <…> Северо-Молдавскому очагу» металлообработки, который располагался на восточной периферии культуры Ноуа и помимо ноуасских изделий изготавливал вещи, относящиеся к культуре Сабатиновка[207]. Причем этот центр металлообработки действовал «в течение XIII–XII вв. и, возможно, в самом начале XI в. до н.э.», т.е. На А1 и начало На А2 включительно.

Согласно В.П. Ванчугову, «Раннебелозерская культура существовала в течение XII — первой половины XI вв. до н.э.»; «Раннебелозерская культура должна синхронизироваться с поздней Ноуа и Кослоджень»[208]. В.П. Ванчугов

---

[205] Наша атрибуция нижнеднестровского кластера *топоров-кельтов* типа Кардашинка группе Холеркань-Ханска была совсем недавно поддержана (со ссылкой на: Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (На А – На В1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212) также В.Б. Панковским и К.В. Горбенко (подробнее см.: Панковский В.Б., Горбенко К.В. Клад бронзовых изделий из укрепленного поселения Дикий Сад // Stratum plus. 2019. № 2. С. 121–160. С. 153).

[206] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 14.

[207] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 47–48.

[208] Vancugov V.P. Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur // Eurasia Antiqua. 1996. № 2. P. 287–310. P. 302.

подразумевал и группу Балта; более того, он полагал, что группа Балта возникла раньше, чем вариант Тудорово.

В.А. Дергачев также полагает, что «*кельты* с лобным ушком типа Красный Маяк… появляются в рассматриваемой зоне, очевидно, в период Br D, но преобладающе характерны для периода На А1 – На В1, и территориально, за редкими исключениями, лимитированы ареалом белозерской культуры»[209].

Интересно, что не наблюдается поселений культуры Белозерка вокруг мастерской Красный Маяк[210], и Красный Маяк расположен ближе к ареалу группы Балта.

При этом в ареале Балта имеются находки *кельтов* и серпов северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов (в том числе и литейных форм), которые использовались и в На А1. Так, два серпа типа Хелештень, варианта Чут (по типологии В.А. Дергачева) были обнаружены в кладе Пужайково, район Балта[211]. Вариант Чут использовался в течение На А и отчасти На В1[212]. *Кельты* типа Мындрешть производились в мастерской Красный Маяк; этот тип представлен в кладе Курячьи Лозы (клад периода Br D, согласно В.А. Дергачеву), который также обнаружен в непосредственной близости к ареалу группы Балта[213]. Впрочем, есть еще ряд северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов металлических изделий, которые стоило бы проверить на возможную принадлежность и носителям группы Балта.

Так, можно утверждать, что представители группы Балта и Холеркань-Ханска производили и использовали некоторые северопричерноморские и

---

[209] Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 14.

[210] Petrescu-Dîmboviţa M. Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1977. P. 289.

[211] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 250.

[212] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 256.

[213] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. Taf. 100.

восточнокарпатско-трансильванские типы серпов и *кельтов, н*о даже не использовали никаких нижнедунайских типов *кельтов* и серпов.

Это наблюдение следует дополнить выводами, сделанными Е.Н. Черныхом. Он писал, что химический анализ металлических изделий типа Кардашинка показал, что их производители не использовали руду с Нижнего Дуная. Не обнаруживают эти изделия и какого-либо влияния с Нижнего Дуная в стиле и морфологии[214]. Последнее согласуется и с мнением В.А. Дергачева[215].

При этом «вопреки низкой продуктивности очага Кардашинка и очень слабым связям с западными соседями, мы наблюдаем проникновение *кельтов* типа Кардашинка на юго-запад, на территорию Северной Болгарии»[216]. В более поздней работе Е.Н. Черных трактует эти *кельты* (из Галиче, Малорада, Попгруево) как местные подражания продукции Кардашинского очага [112, с. 203]. В своей работе он пишет, что «ко времени, синхронному На А2 и На В <…> мы можем отнести лишь комплекс из двух неправильно отлитых *кельтов*, найденных в Попгруево (Коджа Олар); один из них является почти полной аналогией *кельтам* кардашинского очага в Северном Причерноморье»[217].

К этому следует добавить и находку *кельта* типа Кардашинка в западной Трансильвании[218]. Помимо того, некоторые северопричерноморские типы долот тоже свидетельствуют о влиянии из Северного Причерноморья на Нижний Дунай в течение На А.

Ряд других фактов, демонстрирующих влияние культуры Белозерка на Нижний Дунай, были обобщены О.Г. Левицким. Керамика Белозерки, в

---

[214] Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. С. 188.
[215] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 16.
[216] Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. С. 188.
[217] Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. С. 260.
[218] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. 31, с. 13]

частности, представлена на поселениях группы Тэмэоань[219]. И здесь же хотелось бы напомнить, что В.П. Ванчугов предполагал присутствие белозерской керамики и среди находок из Сихляну. Хотя, указывал он, достаточно скудный материал не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Вероятно, стоит отметить и тот факт, что влияние Белозерки сильнее чувствуется на группах общности КРШК, нежели на «каннелированном гальштате»[220].

Учитывая все вышесказанное, полагаем, что вырисовывающаяся картина не позволяет заподозрить ранние группы КРШК в качестве восприемников традиций металлообработки Вырбицкого очага. Представляется, что данная традиция возникает в Карпато-Поднестровье в результате влияния не вообще из Северо-Западной Болгарии, но из достаточно небольшого, территориально ограниченного региона — района Железных Ворот[221]. Заметим, что независимо от нас к этому же выводу пришел и Е. Ушурелу. Результаты анализа, как было указано выше, привели его к заключению, что именно на юго-восток Сербии и юго-запад Румынии с началом На А2 смещается эпицентр производства кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами.

Почему именно из региона Железных Ворот, а не вообще с территории Северо-Западной Болгарии — пусть и не с представителями Культур Резной и Штампованной Керамики?

Существенное значение здесь имеет, прежде всего, то обстоятельство, что в Карпато-Поднестровье распространяются не просто *кельты* с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, а именно их одноушковый вариант.

---

[219] Левицкий О.Г. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье — о диалоге миров // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / отв. ред. Н.А. Кетрару. Тирасполь: Типар, 2002. С. 180–205. С. 194.

[220] Там же. С. 201.

[221] Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (На А – На В1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212. С. 195–212.

Между тем, как следует из результатов картографирования В.А. Дергачева, *кельты* с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, распространялись на территории Юго-Восточной Европы в трех основных ареалах: центральная и западная часть Северной Болгарии, Карпато-Поднестровье и значительная масса находок в Трансильвании — в ареале культуры Гава[222]. Однако в Болгарии, за единичными исключениями, распространялся именно безушковый вариант. В Трансильвании же и Карпато-Поднестровье — одноушковый, т.е. тот вариант *кельтов* с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, который распространился в Карпато-Поднестровье — в Северо-Западной Болгарии практически отсутствует.

Заметим, что, как следует из результатов картографирования В.А. Дергачева, основным носителем одноушковых *кельтов* с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, вне Карпато-Поднестровья были именно представители «каннелированного гальштата» — именно к этой общности относится культура Гава.

Отметим, что, согласно В.А. Дергачеву, одноушковые *кельты* с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, — это результат синтеза традиций Вырбицкого очага и трансильванских традиций металлообработки[223]. Таким образом, вывод вполне коррелирует с результатами картографирования.

В этой ситуации, однако, следует учесть, что культурная общность «каннелированного гальштата», по общепринятому на сегодняшний день мнению, сложилась в результате непростых культурно-трансформационных и миграционных процессов, решающую роль в которых сыграли импульсы из региона Среднего Подунавья — региона, расположенного выше Железных Ворот.

---

[222] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 167–169. Taf. 123.

[223] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 168.

Это существенно важно, если учесть некоторые наблюдения и выводы, сделанные еще Е.Н. Черныхом. Рассматривая вообще одноушковые *кельты* с территории Болгарии (а не только орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами), он отмечал как их незначительное количество (23 экземпляра на тот момент), так и то, что они четко концентрируются «на Северо-Западе Болгарии — западнее реки Осым», поэтому, «по всей вероятности, в целом распространение в рассматриваемом районе этих *кельтов* обязано импортам или же, скорее всего, подражаниям продукции более северных или же северо-западных очагов металлообработки ПБВ»[224]. В своей работе, характеризуя в целом Вырбицкий очаг, он указывает, что теснее всего он был связан с Дичевским, но вторые по значимости связи Вырбицкого очага «простирались в северо-западном направлении, где локализовались еще не очерченные отчетливо очаги Среднедунайской равнины»[225].

Таким образом, можно полагать, что традиции одноушковых *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, возникают все же в результате синтеза среднедунайских и вырбицких традиций металлообработки.

Разумеется, этот синтез мог происходить и на территории Трансильвании, в ареале культуры Гава. Однако, как следует из картографирования Е. Ушурелу (который учел целый ряд находок, не попавших в поле зрения его предшественников), именно в районе Железных Ворот, наряду с Трансильванией и Карпато-Поднестровьем, вырисовывается третий, значительный кластер одноушковых *кельтов* с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами. Этот кластер очень точно соотносится с ареалом группы Хинова-Мала Врбица и (тесно связанной с ней и расположенной непосредственно к западу) группой Молдова Ноуэ-

[224] Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. С. 203.
[225] Там же. С. 253.

Либораждя, которые возникают под влиянием из Среднего Подунавья со стороны так называемой «поздней Кручень-Белегиш» в На А1[226].

По мнению румынских исследователей[227], группа Хинова-Мала Врбица приняла активное, если не решающее, участие в формировании культуры каннелированного гальштата Кишинев-Корлатень в Карпато-Поднестровье, поэтому, именно группа Хинова-Мала Врбица предложена в качестве локуса, где происходил сначала синтез вырбицких и среднедунайских традиций и откуда затем шла трансляция идеи одноушковых *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье[228].

Этот вывод вполне согласуется с тем, что, как убедительно показал М. Гумэ, исходя из ряда параметров, датировать группу Инсула Банулуй возможно лишь не ранее времени На В2/На В3[229].

Имея в виду хронологическую позицию Инсула Банулуй, если обратимся к проблеме трансляции традиций Вырбицкого очага металлообработки, то, очевидно, что Инсула Банулуй возникает намного позднее, чем эти традиции пресеклись. В связи с чем она явно не была тем локусом, в котором происходил синтез вырбицких и среднедунайских традиций.

Более того, очевидно, что нет другого претендента на роль локуса, где происходил синтез идеи одноушковых *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, кроме культур каннелированного гальштата: Хинова-Мала Врбица — Молдова Ноуэ-Либораждя и отчасти Зимнича-Новград. Очевидно, что и трансильванский кластер одноушковых *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, и связанный с

---

[226] Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. 1995. № 16. P. 99–137. P. 108.
[227] Там же. P. 109.
[228] Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (На А – На В1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212. С. 195–212.
[229] Gumă M. Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti: S.C. Melior Trading S.R.L., 1993. P. 208.

такой культурой каннелированного гальштата, как Гава — тоже никак не мог возникнуть под влиянием Инсула Банулуй. Этого (не говоря о принципиальном неродстве этих двух культур) не допускает датировка трансильванских комплексов, в которых впервые появляются *кельты* — в Северо-Западной Болгарии они датируются начиная с На А1[230]; в Трансильвании, Банате, юго-восточной Сербии и Воеводине они появляются тоже еще в На А1[231].

В этой связи нет и других претендентов, кроме носителей каннелированного гальштата, на то, чтобы принести традицию одноушковых *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье.

Однако определяющим фактором является ответ на вопрос: когда проникают одноушковые *кельты*, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье? Можно ли это установить?

Прежде всего, следует отметить, что два экземпляра одноушковых *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят из окрестностей села Ружиноаса (долина Сирета). И, согласно Е. Ушурелу, эти находки были «необоснованно атрибутированы кладу Ружиноаса»[232]. Клад Ружиноаса датируется На А1, происходит с поселения культуры Кишинев-Корлатень относится к культуре Кишинев-Корлатень.

Итак, вопрос заключается в том, включать или не включать эти находки в состав клада Ружиноаса?

---

[230] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 169; Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219. P. 214.

[231] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 168; Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219. P. 214–217.

[232] Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219. P. 214.

Отвечая на этот вопрос, следует отметить, во-первых, эти два одноушковых *топора-кельта*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят из того же урочища Дялул Фрэтештелор, что и клад Ружиноаса[233]. Во-вторых, именно на территории Дялул Фрэтештилор обнаруживается керамика культуры Кишинев-Корлатень[234], т.е., как и клад Ружиноаса, эти два одноушковых *кельта*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят с того же поселения культуры Кишинев-Корлатень. И вокруг Ружиноаса отсутствуют поселения культуры Козия[235].

В этой ситуации, как представляется, уже не столь важно, входили ли эти *кельты* в состав собственно клада Ружиноаса.

Отметим, что вообще пространственное распределение находок одноушковых *топоров-кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье хорошо соответствует как раз ареалу культуры Кишинев-Корлатень и не соответствует ареалам культур Сахарна-Солончень и Козия[236].

Так, лишь одна находка происходит из ареала Сахарна-Солончень (Матеуцы); всего четыре находки происходят из района максимальной концентрации поселений культуры Козия — междуречья Бырлада и Жижии (район плотно заселенный и во времена Кишинев-Корлатень). Тогда как регион между Прутом и Реутом, где практически отсутствуют поселения культур Козия или Сахарна-Солончень (но зато много поселений Кишинев-Корлатень), дал семь находок. Это около 30 % от их общего числа в Карпато-Поднестровье.

---

[233] Vatamanu I. Noi date referitoare la depozitul de la Ruginoasa, judeţul Neamţ // Memoria Antiqvitatis. 1985. № 9–11. P. 483–490. P. 483–490.
[234] Там же. P. 483, 485.
[235] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 256. Рис. III.
[236] Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. Taf. 123; Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219. P. 212. Fig. 1.

Всего четыре поселения культуры Козия имеются в долине Сирета[237]. А именно из долины Сирета происходят еще семь находок *кельтов* этого типа[238]. Во времена же Кишинев-Корлатень долина Сирета была достаточно плотно заселена[239].

Подобная картина пространственного распределения в Карпато-Поднестровье одноушковых *топоров-кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, уже однозначно свидетельствует в пользу Кишинев-Корлатень как носителя этой традиции в данном регионе.

Помимо самих *топоров-кельтов*, обосновано привлечение к анализу и серпов типа Вырбица — они тоже проникают в Карпато-Поднестровье[240], но весьма редки здесь, так же как и собственно в ареале Вырбицкого очага — причиной тому их сравнительно непродолжительное существование.

Серпы типа Вырбица датируются значительно уже одноушковых *кельтов*, орнаментированных вертикальными линиями, — преимущественно На А1[241]. В своей работе В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев указывают, что “The Vyrbica variant was mainly used during Ha A and partly Ha B periods”[242], т.е. «вариант Вырбица использовался преимущественно в На А, но отчасти — и в На В».

Однако серпы типа Вырбица появляются в Карпато-Поднестровье в достаточно четком культурном и хронологическом контексте. Два экземпляра происходят из клада Негрешть, и обломок серпа — с поселения культуры Ноуа[243]. Клад Негрешть тоже атрибутируется культуре Ноуа.

---

[237] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 256. Рис. III.

[238] Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219. P. 212. Fig. 1.

[239] Leviţki O.G. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi. Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 177. Fig. 1.

[240] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 272. Карта 31.

[241] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 274.

[242] Там же. С. 346.

[243] Там же. С. 268.

Возникает вопрос: серпы типа Вырбица и одноушковые *топоры-кельты*, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, проникают в Карпато-Поднестровье в разное время? Полагаем, что ключ к ответу может дать анализ состава клада Негрешть[244].

Согласно типологии *кельтов* и серпов В.А. Дергачева, клад Негрешть содержит два экземпляра *кельтов* типа Негрешть, три экземпляра *кельтов* типа Ружиноаса, два серпа типа Вырбица и один серп «типа Германешть, варианта Илишень».

Тип Негрешть *кельтов* был выделен В.А. Дергачевым[245]. Этот тип распространялся в кладах периода Br D в Карпато-Поднестровье, а в Трансильвании, за редким исключением, в кладах На А.

Впрочем, в Карпато-Поднестровье экземпляр *кельта* типа Негрешть был обнаружен и в кладе Жижия. Этот клад относят к На В1. В.А. Дергачев считает эту находку исключением из правила, и более поздним деривативом от типа Негрешть — с аналогиями в кладах На А из Олтении, Трансильвании и Мунтении[246]. Е. Ушурелу тоже указывает на аналогии этому *кельту* в кладе Пленица в Олтении (На А2), а также Козла и Петрошница в Банате (На А1-На А2)[247].

Как бы то ни было, представленность *кельтов* типа Негрешть в кладах На А1 в Трансильвании — вне сомнений.

---

[244] Petrescu-Dîmboviţa M. Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1977. P. 76.

[245] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 25; Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. P. 137–138. Taf. 109.

[246] Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. С. 25.

[247] Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219. P. 214.

Серпы варианта Илишень являются самым поздним из вариантов типа Германешть и доминируют в кладах периода На А1 в Карпато-Поднестровье[248].

Кельты типа Ружиноаса характерны главным образом для кладов периода Br D в Карпато-Поднестровье, но имеется одна находка и в кладе времени На А1 (клад Илишень). В Трансильвании же этот тип существует дольше — в течение На А и даже На В частично (30 кладов и более чем 90 экземпляров этого типа).

Два экземпляра серпов типа Вырбица, датирующегося На А1, также имеют большое значение. В своей монографии В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев подчеркивают, что, по сравнению с более ранними серпами типа Дичево, «малые серпы — вариант Вырбица, происходят только из кладов На А1»[249].

Таким образом, ученые склоняются к мнению о том, что и весь клад Негрешть датировать временем На А1, и что серпы и *кельты*, восходящие в конечном итоге к традициям Вырбицкого очага металлопроизводства, распространяются в Карпато-Поднестровье одновременно — в первой половине На А1, когда культуру Ноуа сменяет Кишинев-Корлатень.

В этом контексте важно указать, что серпы типа Вырбица представлены и в Центральной Трансильвании (в комплексах времени На А1), а также на территории Сербии (Добринци) и Венгрии (Polotabazsok)[250]. Серпы типа Вырбица демонстрируют тот же процесс синтеза вырбицких и среднедунайских традиций, что и одноушковые *топоры-кельты*, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами. Е.Н. Черных писал, что «местное производство малых серпов без кнопки возникло в Северной Болгарии под влиянием более северных очагов»; основные типологические аналогии им происходят из Среднего Подунавья, «Тиса, Сава, Драва, отчасти Трансильвания и далее на северо-

[248] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 226, 234–236.
[249] Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. С. 262.
[250] Там же. С. 274.

запад»[251]. При этом, отмечал он, в отличие от больших серпов (типа Дичево), малые серпы (типа Вырбица), тяготеют к западу Северной Болгарии — бассейну рек Вит и Осым, изготавливались они из бронзы химической группы X, по терминологии Е.Н. Черныха (большие серпы — из бронзы группы XI), что тоже сближает их со среднедунайскими очагами металлообработки.

Таким образом, представленные материалы наблюдений убедительно свидетельствуют в пользу того, что *кельты* и серпы, восходящие в конечном итоге к традициям Вырбицкого очага металлообработки, были принесены в Карпато-Днестровский регион из района Железных Ворот именно представителями «каннелированного гальштата» — предками культуры Кишинев-Корлатень. Представители же культур Резной и Штампованной Керамики не имели к этому никакого отношения. И никак, даже на уровне самых ранних групп, не восприняли металлургических традиций Вырбицкого очага. В то же время самые ранние группы культур КРШК (Балта и Холеркань-Ханска) демонстрируют очевидную преемственность с традициями северопричерноморских очагов металлообработки эпохи поздней бронзы, что вполне согласуется с предложенной нами ранее гипотезой о локальном карпато-поднестровском и северопричерноморском происхождении культурной общности КРШК Карпато-Поднестровья.

Впрочем, с точки зрения поставленной в данной работе цели для нас существенно лишь то, что «реуто-днестровская» гипотеза в достаточной степени разработана, чтобы на ее основе построить «стрелу времени» (как альтернативную «стреле времени» конкурирующей, «дунайской» гипотезы) и использовать ее затем для анализа культурно-исторической динамики.

---

[251] Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. С. 224.

Выводы по Главе 1

В данной главе предлагается и обосновывается необходимость рассмотрения Карпато-Днестровского региона как «культурного междумирья». Было показано, что динамика культурных трансформаций Карпатско-Днестровского «культурного междумирья» в эпоху раннего гальштата характеризуется значительной нестабильностью и высокой частотой кардинальных изменений культурной ситуации. Максимальные темпы и размах культурных трансформаций в регионе были характерны для самого начала эпохи раннего гальштата.

Высокая нестабильность и частота культурных трансформаций продолжает оставаться ярко выраженной чертой «культурного междумирья» Карпато-Поднестровья и в период XIX–XXI вв. н.э. Однако в период XIX–XXI вв. н.э. нестабильность и темпы культурных трансформаций были гораздо выше как раз на Периферии Карпато-Днестровского «культурного междумирья».

Предварительно в качестве важнейшей причины вышеуказанного изменения можно рассматривать резко возросшую степень взаимодействия «культурных миров» Европы — в результате чего в отношения прямой конкуренции на территории Карпато-Днестровского «культурного междумирья» вступают даже те «культурные миры», которые в более раннее время влияли на Карпато-Поднестровье лишь спорадически. Прежде всего речь должна идти о «центрально-европейском мире» (Польша, Австрия) — наследнике (или одном из наследников) «кельтского мира», а также мире «восточноевропейском» (Россия) и «средиземноморском» (Турция).

Далее, в этой же главе представлен сопоставительный анализ двух конкурирующих гипотез происхождения КРШК Карпато-Поднестровья — более ранней «нижнедунайской» («дунайской») и предложенной нами «реуто-днестровской» (обе названы по предполагаемому исходному региону генезиса

КРШК); детально аргументирована большая достоверность именно «реуто-днестровской» гипотезы происхождения КРШК.

В частности, сопоставив геометрическую орнаментацию керамики культур Сахарна-Солончень и Козия — ключевых культур КРШК Карпато-Поднестровья, с одной стороны, и орнаментацию керамики культур КРШК на Нижнем Дунае и в Болгарии — Бабадаг I-II, Пшеничево, Асеновец, Лонгоза I-II и Инсула Банулуй, с другой, нами была показана очень высокая степень различия геометрической орнаментации (в том числе на уровне базовых, культурно-определяющих мотивов орнаментации) керамики в этих двух областях КРШК. Столь высокая степень различий не допускает возможности происхождения КРШК Карпато-Поднестровья ни из одной из дунайских культур КРШК.

Во втором параграфе первой главы «реуто-днестровская» гипотеза происхождения КРШК Карпато-Поднестровья аргументируется на основе анализа отдельного, самостоятельного источника информации — металлических изделий (*топоров-кельтов* и серпов).

В результате анализа нами была доказана невозможность рассматрения группы КРШК в качестве восприемников традиций металлообработки Вырбицкого очага (как и Дичевского) на Нижнем Дунае. Продемонстрировано, что металлические изделия КРШК Карпато-Поднестровья представлены типами, относящимися к местной, карпато-поднестровской и северо-причерноморской металлургической традиции. В то время как на Нижнем Дунае именно с приходом носителей КРШК происходит резкая деградация местной (весьма развитой и богатой) металлургической традиции эпохи бронзы и прекращение деятельности Дичевского очага металлообработки.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА: АРХАИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

2.1. Проблема периодизации развития обществ резной и штампованной керамики Карпато-Днестровского региона: основные подходы и решения

Анализ социокультурной динамики предполагает в качестве предварительной процедуры дальнейшее уточнение «стрелы времени» и выход на периодизацию развития исследуемого общества. При этом, чем более дробная и многоступенчатая периодизация будет получена, тем больше возможностей возникнет для анализа культурно-исторической динамики.

В предыдущих работах по теме диссертации нами были предприняты попытки создать периодизацию как культуры Сахарна-Солончень (ключевой для КРШК как по продолжительности своего существования, так и применительно к вопросу происхождения КРШК, а также ряду других причин), так и всей культурно-исторической общности КРШК Карпато-Поднестровья. Сначала представляется целесообразным уточнить состояние дел и предлагавшиеся до этого подходы относительно изучаемой проблематики.

Итак, говоря о подходах к периодизации истории обществ КРШК Карпато-Днестровского региона, следует начать с культуры Сахарна-Солончень, поскольку ее памятники были открыты раньше памятников других групп, составляющих эту общность, и давали больше возможностей и поводов для выделения нескольких фаз развития (количество памятников и наличие визуально легко фиксируемой разницы между некоторыми из них).

История исследований культуры Сахарна-Солончень для Пруто-Днестровского междуречья начинается с 40-х годов XX столетия, хотя вопросы периодизации на первоначальном этапе исследований не поднимались. Проблема периодизации культуры Сахарна-Солончень была поставлена лишь к началу 80-х

гг. А.И. Мелюковой при анализе материалов и особенно керамических изделий поселения Цахнэуць[252].

Именно в этой работе А.И. Мелюкова поставила вопрос о выделении двух этапов развития Сахарна-Солончень, сравнив керамику поселения Цахнэуць с керамикой родственной культуры Бабадаг I и основываясь прежде всего на материалах городища Бабадаг в Добрудже, где ранний горизонт (XI в. до н.э.) характеризуется резной орнаментацией, а доля штампованного узора нарастает к позднему (VIII–VII вв. до н.э.), А.И. Мелюкова выделила две группы памятников:

– ранние: Цахнэуць, где и в керамическом комплексе преобладает резной, а также встречается прочерченный и пролощенный узоры;

– поздние: Сахарна и Солончень[253].

При этом она оговаривала, что разделение основано пока только на материалах сопоставления керамики поселения Цахнэуць с близкой ей керамикой с территории Румынии[254].

---

[252] Мелюкова А.И. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончень в Молдавии // КСИА. 1982. № 170. С. 3–12. С. 3.

[253] Там же. С. 7.

[254] Здесь надо добавить, что, безусловно, важнейшее значение для получения этих выводов А.И. Мелюковой имели те работы румынских исследователей (прежде всего С. Моринца, позже А. Ласло, К. Иконому, М. Брудиу), которые пытались решить проблемы хронологии и периодизации нижнедунайских общностей КРШК. В первую очередь, конечно, это касается исследований культуры Бабадаг и особенно ее эпонимного памятника, где, благодаря длительности его существования и наличию нескольких культурных слоев, и были выделены три этапа развития культуры Бабадаг. Именно хронология и периодизация Бабадага стала тем краеугольным камнем, на котором пытались в течение всей второй половины прошлого века (и продолжают по сей день) выстроить единую схему развития всех культур КРШК: как нижнедунайских, так и карпато-днестровских.

Однако рамки данной работы, концентрирующейся именно на карпато-днестровских группах КРШК, не требуют здесь детального обращения к тем наработкам, которые были получены по нижнедунайским группам КРШК в целом и Бабадагу в частности. Тем более, что в первой главе все эти наработки были достаточно подробно представлены в связи с проблемой происхождения общности КРШК — поскольку, как мы видели, решение проблемы происхождения во многом упирается в вопросы хронологии и периодизации.

В данном параграфе я буду апеллировать к данным по нижнедунайским группам лишь в меру необходимого, оставаясь в пределах задач, стоящих перед этой работой.

Аналогичное замечание касается памятников типа Тэмэоань, хронологические выкладки по которым к тому же будут весьма детально освещены и в следующем параграфе.

Новый радикальный прорыв в проблематике хронологии Сахарна-Солончень произошел к середине 80-х годов прошлого века и связан с очень важной статьей Г.И. Смирновой[255], посвященной основам хронологии памятников предскифского времени Юго-Запада СССР. Эта работа по сегодняшний день остается во многом «альфой и омегой» нашей хронологии данного региона в рассматриваемую эпоху, в том числе и для культуры Сахарна-Солончень.

Опираясь на хронологические наблюдения Г.И. Смирновой, позже М.Т. Кашуба предложила новую периодизационную схему развития Сахарна-Солончень. Решающий шаг в этом отношении был сделан М.Т. Кашуба в ее обобщающей монографии, имеющей исключительное значение для изучения памятников КРШК. В этой работе, основываясь на стратиграфических данных, типологии массового материала и вещевого инвентаря, М.Т. Кашуба выделила две фазы бытования этой культуры: раннюю и позднюю[256].

Таким образом, М.Т. Кашуба фактически поддержала и дополнительно аргументировала гипотезу А.И. Мелюковой (а в последние годы — и О.Г. Левицкого) о выделении в культуре Сахарна-Солончень двух хронологических горизонтов.

Ранний этап она обозначила поселением Солончень-Хлиная, в сахарнянском контексте которого в наибольшей концентрации были представлены формы и орнаментация типа Холеркань. Начало «горизонта Сахарна» (в ее терминологии) М.Т. Кашуба предложила датировать второй половиной — концом X в. до н.э., объясняя это наличием древностей Холеркань. Более поздние памятники, отмечала она (продолжая в данном случае идеи А.И. Мелюковой и Г.И. Смирновой), будут содержать меньшее количество керамики с прочерченным и пролощенным узором; в них будут преобладать поздние мотивы резного и штампованного орнамента.

---

[255] Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. №4. С. 33–55.

[256] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 351.

Надо заметить, что к этому времени большинство исследователей (в частности и О.Г. Левицкий, В.П. Ванчугов, М.Т. Кашуба) сошлись во мнении о том, что предшественником сахарна-солончeнских древностей являются памятники типа Ханска и памятники типа Балта, «отмечая их значительный вклад в виде прочерченного и пролощенного орнамента»[257]. В.П. Ванчугов уже в начале 80-х годов прошлого века датировал Балтскую группу памятников XI–IX вв. до н.э.

Особое значение М.Т. Кашуба придает следующим наблюдениям: «на посуде ранних памятников преобладает ленточное построение узора (в Солончень-Хлиная его в два с половиной — три раза больше), на керамике более развитых — соотношение «ленточного» и «розеточного» узоров равное (Сахарна Маре), но на сосудах поздних местонахождений “розеточный” узор весомо преобладает (Алчедар III)»[258].

Наиболее древними (второй половины X в. до н.э.) М.Т. Кашуба предложила считать курганы III и IV могильника Цэглэу, курган III могильника Гура Хлубоака. К захоронениям же рубежа X–IX вв. до н.э. она отнесла каменные ящики VI, VII, IX могильника Алчедар и «такое же сооружение №1 могильника Климэуций де Жос».

В категорию ранних памятников исследователь также отнесла поселения Цахнэуць и Солончень-Хлиная.

Ранние сахарнянские памятники М.Т. Кашуба, вслед за Г.И. Смирновой, датировала бронзовыми пластинчатыми браслетами с рифлением и железными двухпетельчатыми фибулами из могильника Цыглэу. Датировка же позднего этапа определялась М.Т. Кашуба по звеньям бронзовых удил с D-образным окончанием из поселения Сахарна Маре, роговому муфтовому псалию и

[257] Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 38; Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 340.

[258] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 309–310.

бронзовой булавке с многоспиральной головкой из Хлинжень II — Ла Шанц, которые принадлежали первой половине – середине VIII в. до н.э.

Также эти поселения попали в разряд поздних из-за отсутствия в их материалах «холерканского субстрата» и по причине наличия керамических типов культуры Басарабь-Шолдэнешть. Датировала она их IX — серединой VIII вв. до н.э.

К поздним (рубеж IX–VIII — первая половина VIII вв. до н.э.) М.Т. Кашуба отнесла и погребения №1 могильника Цэглэу, погребение №2 кургана IV могильника Гура Хлубоака, а также каменный ящик II могильника Алчедар и грунтовое захоронение №1 могильника Пояна. Конечная дата бытования культуры Сахарна-Солончень, по мнению исследователя — около середины VIII в. до н.э., является и временем ее смены на культуру Басарабь-Шолдэнешть на территории лесостепи Пруто-Днестровского междуречья[259].

Таким образом, в монографии М.Т. Кашуба была представлена достаточно развернутая и детальная концепция эволюции памятников Сахарна-Солончень, в рамках которой она дала весьма дробное распределение по хронологической оси отдельных памятников. Самым существенным выводом является тот, что М.Т. Кашуба, несмотря на свои вышеизложенные хронологические выкладки, в итоге останавливается на концепции двух основных этапов развития Сахарна-Солончень (фактически лишь развивая и уточняя концепцию А.И. Мелюковой). При этом она исходит из представления о сравнительно малой продолжительности существования Сахарна-Солончень (парадоксальным образом не замечая противоречия с отмечаемой ей самой хронологической дробностью памятников Сахарна-Солончень).

Следующим новым этапом разработки периодизации и относительной хронологии Сахарна-Солончень и общности КРШК в целом стала монография диссертанта «Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного

[259] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 351–352.

гальштата» (была подготовлена к печати в 2001 году)[260]. В ней мы не только предложили новую гипотезу происхождения культуры Сахарна-Солончень и вообще КРШК, так называемую «реуто-днестровскую», но и существеннейшее внимание уделили проблеме периодизации Сахарна-Солончень.

Не дублируя представленные выводы и их аргументацию о датировке начала Сахарна-Солончень (хотя вопрос периодизации неразрывно связан с вопросами хронологии; при рассмотрении периодизации это вынуждает регулярно возвращаться к проблемам хронологии), укажем, что в монографии было предложено «выделить «дофибульную стадию» погребений культуры Сахарна-Солончень. Например, погребения могильника Климауць де Жос» [69, с. 30].

Учитывая опыт наблюдений М.Т. Кашуба о развитии орнаментации Сахарна-Солончень, «…существует возможность выделить не два хронологических горизонта культуры Сахарна-Солончень, а минимум три, и сама М.Т. Кашуба де-факто это делает <…>. Минимум, поскольку в том же Алчедаре III (позднейшем поселении культуры, по М.Т. Кашуба) тоже можно выделить два строительных горизонта, и соответственно — два этапа развития»[261].

Наконец, по итогам своего анализа считаем целесообразным разделить развитие культуры Сахарна-Солончень на четыре этапа («по меньшей мере»)[262]. Вывод этот был уточнен и конкретизирован в заключительной части монографии.

Отметим, «…что современные представления об эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень позволяют относить погребения с фибулами и браслетами к достаточно развитому этапу этой культуры. И постулировать наличие «дофибульной стадии» культуры Сахарна-Солончень. Чтобы подтвердить этот вывод, мы продемонстрировали, что и на основании вещей массового пользования наблюдается синхронность культуры Сахарна-Солончень с культурами, которые считались заведомо более ранними. Такими,

---

[260] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117.
[261] Там же. С. 30.
[262] Там же. С. 67.

как белогрудовская (в первую очередь, миски с отогнутым наружу краем и тюльпановидные сосуды «без проколов под краем»), Кишинев-Корлатень и белозерская (ряд керамических типов), Гава-Голиграды (орнамент «гавская волна», прежде всего). Рассматривая вопрос о синхронности позднего Чернолесья и культуры Сахарна-Солончень, мы пришли к выводу, что по орнаментационному ансамблю позднее Чернолесье может быть сопоставлено только с самым поздним памятником культуры Сахарны-Солончень — поселением Алчедар III. Большая же часть времени существования позднего Чернолесья (по крайней мере, в Среднем Поднестровье), на наш взгляд, приходится на эпоху после финала культуры Сахарна-Солончень. На эту мысль наводит как то, что для позднего Чернолесья Среднего Поднестровья постсахарнянского времени можно выделить еще два этапа развития, так и обилие в этих памятниках постчернолесских типов и полное отсутствие в керамике белогрудовских пережитков (хотя они присутствуют даже в закрытых комплексах второго строительного горизонта поселения Алчедар III)»[263].

В заключительном выводе монографии 2003 г. уже были четко и развернуто сформулированы и аргументированы те ключевые представления о периодизации и Сахарна-Солончень и всей общности КРШК, которые затем развивались, конкретизировались и дополнительно аргументировались на протяжении последующих двадцати лет.

Так, последний вывод о значительно большей продолжительности существования культуры Чернолесье, нежели Сахарна-Солончень, позже был существенно развит и аргументирован в ряде работ. Отметим здесь лишь одну из последних по времени написания и наиболее детализирующую этот вопрос. В работе отмечено: «Что же касается синхронизации поздней Сахарны-Солончень и позднего Чернолесья Среднего Днестра, предлагаемого М.Н. Дараган, то она может быть принята, на наш взгляд, только до момента появления «фруктовниц»

[263] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 111–112.

в Чернолесской культуре Среднего Днестра. Отсутствие «фруктовниц» в культуре Сахарна-Солончень дает нам датировку времени ее исчезновения. Идея по поводу синхронизации Жаботина (в традиционном понимании, а не фазы Жаботин I, в терминологии М.Н. Дараган) и хотя бы самой поздней фазы культуры Сахарна-Солончень представляется мне сомнительной. Между ними должен существовать более или менее значительный хронологический разрыв»[264].

Анализируя проблему выделения этапов развития Сахарна-Солончень, обратимся к заключительной части монографии 2003 года: «Анализ распределения фигурных и кольчатых штампов на поселениях культур Сахарна-Солончень и Козия привел нас к мысли, что в развитии культуры Сахарна-Солончень можно выделить четыре хронологических горизонта. Первый — горизонт с исключительно резной орнаментацией керамики. Т.е. вообще не знающий как кольчатых штампов, так и фигурных (ранний горизонт поселения Солончень-Хлиная). Второй — не знающий сложных кольчатых штампов, а также не знающий фигурных (поселение Сахарна Маре и второй горизонт Солончень-Хлиная). Третий — не знающий фигурных штампов, но знающий сложные кольчатые (с крестом внутри, с точкой, тройной). Он соответствует времени существования культуры Козия. Четвертый соответствует появлению в культуре Сахарна-Солончень, под влиянием с Дуная, S-видного штампа, и, в меньшей степени, других фигурных. А также сложных кольчатых. Это время исчезновения культуры Козия. В культуре Сахарна-Солончень этот этап представлен поселениями Алчедар III и Матеуць Ла Башнэ (поздней фазой)»[265].

Итак, автором диссертационного исследования было представлено обоснование необходимости выделения четырех этапов развития Сахарна-Солончень.

---

[264] Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307. С. 304.

[265] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 111–112.

Однако, следует заметить, что, хотя с монографией ряд исследователей ознакомились еще задолго до ее публикации (в частности, с нашего разрешения редакция журнала “Stratum plus” предоставила такую возможность М.Т. Кашуба еще в 2001 году), выводы ее, в частности тезис о четырех этапах развития Сахарна-Солончень, поначалу получили незначительное отражение в историографии, но к 2007 году ситуация изменилась.

Так, М.Т. Кашуба в своей работе, посвященной древнейшим фибулам Северного Причерноморья (в ней она выдвигает предположение о том, что смычковые фибулы попали в Северное Причерноморье из Северной Италии, как и пластинчатые браслеты с рифлением, которые она теперь интерпретирует как «бронзовые пластинчатые кольца с рифлением»), ставит вопрос об удревнении Сахарна-Солончень[266].

Учитывая особенности североиталийских параллелей (здесь значимы ближайшие территориальные параллели, каковыми являются браслеты и фибулы группы Хинова), следует отметить, что они ничего не прибавляют в плане хронологии. Их датировка М.Т. Кашуба полностью соответствует традиционным представлениям по этому вопросу, в частности, как они были сформулированы еще Г. И. Смирновой[267].

В этой связи согласие на необходимость удревнения Сахарна-Солончень никак не мотивировано хронологическими выкладками М.Т. Кошуба и представляет собой просто попытку примирить традиционную гипотезу происхождения Сахарна-Солончень с высказанными нами аргументами. Однако, частичное согласие на удревнение здесь не спасает традиционную гипотезу, а лишь рождает новые и непреодолимые противоречия.

---

[266] Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Tzpologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittelß, Südß und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. 2009. № 14. P. 193–232. P. 230.

[267] Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. №4. С. 33–55. С. 47.

Между тем М.Т. Кашуба в совместной с М.Н. Дараган статье (где они датируют культуру Сахарна-Солончень уже периодом от конца XI до самого начала VIII в. до н.э.) разделяют развитие Сахарна-Солончень на четыре этапа: Сахарна I — конец XI – середина Хв до н.э., Сахарна IIa — середина X – вторая четверть / середина IX в до н.э., Сахарна IIb / поздняя Сахарна — середина – конец IX в. до н.э. Сахарна-Шолданешть / Шолданешть 1 — рубеж IX – XIII вв. – первая четверть VIII в. до н.э.[268]

Принципиальное значение имеет тот факт, что предложенная нами идея выделения четырех этапов развития Сахарна-Солончень (соответственно, значительная продолжительности существования) получила признание в историографии.

Продолжая и развивая имеющиеся наработки по периодизации Сахарна-Солончень, позднее, сначала в магистерской диссертации[269], а затем — в новой монографии[270], была предложена более общая периодизационная схема развития КРШК Карпато-Днестровского региона в целом, а не только Сахарна-Солончень. Итак, для КРШК в целом можно выделить пять фаз развития. Данная периодизационная схема будет изложена ниже, здесь же считаем целесообразным дать ее краткий обзор.

Целесообразно разделить, во-первых, развитие КРШК на две большие фазы: РШ I и РШ II. Репером между ними служит появление культуры Козия на территории, до этого занятой культурой Кишинев-Корлатень[271].

---

[268] Дараган М.Н., Кашуба М.Т. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista arheologică. 2008. № IV (2). С. 40–73. С. 47.

[269] Романчук А.А. Демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата в Карпато-Днестровском регионе (12 – первая половина 8 вв. до н.э.) : дисс. … магистра антропологии. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2008.

[270] Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011.

[271] Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011. С. 89; Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-

Во-вторых, в свою очередь фаза РШ I распадается на две субфазы. Временем их разделения стал «импульс со стороны каннелированного гальштата, который привел к возникновению Кишинев-Корлатень и Белозерской культуры»[272]. Заметим, что появление Кишинев-Корлатень О.Г. Левицкий относил ко второй половине XII в. до н.э., т.е. ко второй половине На А2, что дает нам хронологический ориентир для начал фазы РШ Ib.

Фаза РШ II, по предложенной нами периодизационной схеме, в свою очередь тоже распадается на субфазы, но уже на три: фазы РШ IIа, РШ IIб и РШ IIс. Рубеж между РШ IIа и РШ IIб мы предложили отнести к началу На В2/В3. Фаза же РШ IIс (в отношении правомерности выделения которой, точнее ее интерпретации, нами были высказаны определенные сомнения) фактически маркирует собой уже постсахарнянские, пережиточные феномены, так или иначе отражающие контакты с культурой Басарабь-Шолданешть.

Здесь также надо отметить, что культура Сахарна-Солончень заканчивает свое существование значительно раньше, чем поздняя чернолесская культура Среднего Днестра (Чернолесье II), т.е. фаза РШ II (вторая стадия эволюции КРШК) и вместе с ней Сахарна-Солончень «заканчиваются около середины VIII до Р.Х.»[273].

Как видно из периодизации эволюции КРШК, которая в наиболее последовательном виде представлена эволюцией Сахарна-Солончень, также выделяются не менее четырех фаз развития.

Днестровского региона (XII – начало VIII вв. до Р.Х.) и магистральные тренды социальной эволюции // Stratum plus. 2011. № 3. С. 215–231. С. 217.

[272] Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011. С. 84–85.

[273] Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (XII – начало VIII вв. до Р.Х.) и магистральные тренды социальной эволюции // Stratum plus. 2011. № 3. С. 215–231. С. 227.

Наконец, завершая историографический обзор, остановимся на нашей с А.Д. Якимовской попытке предложить вариант периодизации Сахарна-Солончень по материалам погребальных комплексов этой культуры[274].

Действительно, все предыдущие периодизационные схемы КРШК Карпато-Поднестровья фактически не задействовали погребальные комплексы КРШК (и прежде всего Сахарна-Солончень) как единое и самостоятельное целое, тем более не пытались применить корреляционный анализ к ним.

Заметим, что относительная хронология (ключевыми инструментами в ее создании служат как раз корреляционный анализ и типология), с точки зрения западноевропейской школы археологии, — альфа и омега археологического исследования. Если советская (а во многом и постсоветская) традиция стремилась побыстрее выйти на абсолютные даты тех или иных археологических памятников, то западноевропейские археологи считали это второй задачей. И нередко ограничивались созданием относительной хронологии памятников, считая свою цель достигнутой.

Применение корреляционного анализа требует некоторых условий, важнейшим из которых можно считать наличие достаточно обширной выборки закрытых комплексов, богатых находками.

Из всех групп и культур КРШК фактически лишь Сахарна-Солончень (лишь в определенной мере — группа Балта, хотя количество погребений группы Балта в несколько раз меньше) находится не в идеальном, но все же достаточно благоприятном для применения корреляционного анализа положении.

Отметим также, что существовала настоятельная необходимость попытаться разработать относительную хронологию Сахарна-Солончень (что в силу

---

[274] Романчук А.А., Якимовская А.Д. Корреляционный анализ погребальных комплексов культуры Сахарна-Солончень // История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 128–145; Романчук А.А., Якимовская А.Д. Относительная хронология культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов) // Кадырбаевские чтения-2014 : материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мегапринт, 2014. С. 165–169.

ключевого положения данной культуры в рамках КРШК Карпато-Поднестровья означало бы создание системы относительной хронологии для всей этой культурно-исторической общности в целом) на основе ее погребальных комплексов.

В результате проделанной совместно с А.Д. Якимовской работы были получены следующие основные результаты.

Как показал корреляционный анализ, погребальные комплексы Сахарна-Солончень однозначно распадаются на три четких кластера, характеризующихся устойчивым и своеобразным сочетанием свойственных им признаков[275]. Можно с уверенностью полагать, что территориальные различия не являются основной причиной выявившихся кластеров[276].

Выявившиеся кластеры погребений не могут быть объяснены и половозрастной разницей. Погребения женщины и ребенка вместе представлены в первом и третьем кластерах; женщины — во всех трех кластерах; мужские погребения — во втором и третьем; парные погребения мужчин и женщин — также во втором и третьем кластерах; чисто детские — только в третьем. Как видим, ни один из кластеров не ассоциируется жестко лишь с одним каким-либо полом или возрастом. Наблюдающая диспропорция в представленности полов и возрастов в разных кластерах объясняется тем, что для многих погребений скелеты не сохранились, а потому пол и возраст погребенных невозможно определить. Данная особенность чаще других проявляется в первом кластере.

Наконец, нет объяснения разницы между кластерами и социальным положением погребенных. По престижности инвентаря и трудовым затратам на

---

[275] Романчук А.А., Якимовская А.Д. Корреляционный анализ погребальных комплексов культуры Сахарна-Солончень // История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 128–145. Таб. 1.

[276] Впрочем, некоторая локальная специфика все же улавливается (несмотря на то, что вся территория культуры Сахарна-Солончень — 70 на 30 километров: т.е., даже по длинной оси ее можно пройти за день). В частности, признак «размещение каменного ящика в яме» жестко увязывается с северными могильниками — Алчедар и Климэуць де Жос (в Пояне, третьем северном могильнике, погребения — грунтовые).

сооружение погребальных конструкций все погребения достаточно близки (разные варианты спектра равномерно представлены во всех трех кластерах) — и практически все могут рассматриваться как «элитарные». Говоря об их «элитарности», следует иметь в виду, что в социальном отношении общество Сахарна-Солончень вряд ли характеризовалось значительным расслоением. И хотя детальное рассмотрение проблемы социальной атрибуции погребений Сахарна-Солончень не входило в задачи нашей работы, но погребенных в них людей стоит определять таким, несколько аморфным термином, как «родовая знать».

Таким образом, следует, что выявившиеся кластеры погребений необходимо интерпретировать как три хронологические фазы эволюции культуры Сахарна-Солончень

Данный вывод подтверждается анализом собственного вещевого инвентаря, характерного для каждого из кластеров.

Как следует из этого анализа, в первом кластере собрались все ранние хроноиндикаторы, т.е. вещи, имеющие более раннюю датировку. В частности, в первом кластере мы видим черпаки типа Климэуць де Жос — они еще В.П. Ванчуговым были определены как наиболее архаичный тип черпаков КРШК[277], что было поддержано другими исследователями[278]. Для погребений первого кластера (Алчедар VI, Алчедар VII, Алчедар IX и Климэуць де Жос I)

[277] Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 38.

[278] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 31, 75, 100; Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 109; Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices” SRL., 2008. P. 33–39; Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011. С. 15.

М.Т. Кашуба отмечает, что их «инвентарь имеет хорошие позднебелозерские и холерканские аналогии»[279], что имеет хронологическое значение.

Примечательно, что в первом кластере в основном концентрируются погребения в каменных ящиках. Согласно «реуто-днестровской» гипотезе этот признак унаследован Сахарна-Солончень от предковых для нее культур Костиша и Единецкая[280].

Наконец, отметим, что именно для Климэуць де Жос характерна радиоуглеродная дата. Ранее она игнорировалась, как «слишком древняя» и противоречащая археологическим датировкам[281]. Однако эта дата полностью соответствует тем датировкам Сахарна-Солончень, которые следуют из «реуто-днестровской» гипотезы, как то: в некалиброванном виде радиоуглеродная дата образца — 1110±60до н.э., по одной из версий калибровки диапазон — от 1535 по 1115 до н.э., а по другой — с 1416 по 1263 до н.э.[282]

В третьем же кластере мы видим все те поздние хроноиндикаторы, которые традиционно использовались для завышения датировки Сахарна-Солончень: железные однокольчатые удила, тюльпановидные горшки, роговый трехдырчатый псалий, сложные композиции (резные параллельные линии, группы косых под углом и штрихованные треугольники в третьем кластере встречаются лишь в составе сложных композиций), восьмерковидные бронзовые бляшки и ряд других. Также в третьем кластере собрались и черпаки I типа варианта В (по М.Т. Кашуба), которые М.Т. Кашуба считает «наиболее поздними экземплярами

---

[279] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 351.

[280] Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011. С. 45.

[281] Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. 1995. № 16. P. 99–137. P. 32.

[282] László A. Dates radiocarbones et chronologie de la civilisation Noua-Sabatinovka-Coslogeni // Culture et civilisation au Bas Danube. X, Călăraşi. P. 23–41. P. 32.

Ітипа за счет их подобия более поздним шолданештским»[283], что показательно вне зависимости от того, насколько этот вариант черпаков действительно отражает влияние со стороны культуры Басарабь-Шолданешть.

В этом же кластере сосредоточились и другие признаки, которые тоже являются поздними для Сахарна-Солончень: каннелюр, фигурные (S- и W-видные) и кольчатые штампы, ориентация штрихованных треугольников вершиной вверх, зубчатый штамп, миски с загнутым внутрь краем и ряд других.

Наконец, в третьем же кластере обнаружены вещи, которые, по традиционной точке зрения, дают нижнюю дату Сахарна-Солончень: железные двухпетельчатые смычковые фибулы, бронзовые пластинчатые браслеты, железные ножи. Однако, как теперь очевидно и как предполагалось ранее, говоря о необходимости выделения своего рода «дофибульной стадии» (исходя из того значения, которое придавалось железным смычковым фибулам в датировке начала Сахарна-Солончень традиционной точкой зрения) культуры Сахарна-Солончень[284], все эти хроноиндикаторы указывают лишь на третью, самую позднюю по данной схеме, фазу развития Сахарна-Солончень. Сама же культура началась намного раньше.

Таким образом, корреляционный анализ 2014 года показал, что в культуре Сахарна-Солончень и по данным погребальных комплексов следует выделять не менее трех фаз развития. Это свидетельствует о значительной продолжительности существования культуры Сахарна-Солончень, как и предлагалось «реуто-днестровской» гипотезой. Третья фаза данной периодизации, исходя из результатов проделанного ранее анализа[285], может быть датирована временем конца Ha A2 — Ha B2 (т.е. примерно конца XI – IX вв. до н.э.).

В перспективе, возможно, удастся разделить погребения третьей фазы на две ступени. В пользу такой возможности свидетельствует не только то, что в

---

[283] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 301.

[284] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 111.

[285] Там же. С. 21–55.

относящихся к третьей фазе (но разных) комплексах представлены как вещи относительно ранние (типа железных фибул, ножей и пластинчатых браслетов), так и относительно поздние (типа железных удил и рогового трехдырчатого псалия). Но даже между двумя такими, явно поздними в рамках третьей фазы комплексами, как Цыглэу VI №1 (где как раз представлены железные удила и упомянутый выше псалий) и Гура Хлубоака VI, можно уловить хронологическую разницу.

Все это свидетельствует о значительной временной продолжительности третьей (по данным погребальных комплексов) фазы эволюции Сахарна-Солончень.

Таким образом, данные погребальных памятников и применение к ним корреляционного анализа вносят весьма значимый вклад в проблематику периодизации и Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья в целом. Важнейшее значение имеет вывод о выделении не менее трех (а в перспективе — четырех) фаз развития Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья в целом и по данным погребальных памятников[286].

2.2. Поселенческо-демографическая динамика как социокультурная динамика: общества резной и штампованной керамики Карпато-Поднестровья

Переходя к вопросу о социокультурной динамике, начнем с того, что изучение социокультурной динамики предполагает достаточно обширный спектр возможных направлений исследования. Поскольку речь идет о характере тех изменений, которые происходят с обществом, необходимо изучать изменения социальной структуры, духовной или материальной культуры и прочее. Не говоря

[286] Что касается пятой фазы, то на тот момент мы с А.Д. Якимовской предполагали, что она по материалам погребальных комплексов не улавливается. Позднее нам удалось усовершенствовать предложенную в 2014 году периодизацию, и выделить пятую фазу развития Сахарна-Солончень и на основании данных погребений. Этот усовершенствованный вариант периодизации будет представлен ниже.

уже о том, чтобы изучать изменение стилей архитектуры, живописи, или техник вспашки и посева.

В таком понимании социокультурная динамика представляет собой нечто поистине безбрежное, трудно поддающееся исследованию как целое.

Однако среди всего этого многообразия параметров социокультурной динамики имеются ключевые параметры — «параметры порядка», если использовать термин синергетики. В свете изучения социокультурной динамики «параметры порядка» представляют наивысший интерес. Исследователь данных параметров позволяет представить социокультурную динамику в агрегированном виде и свести все вышеуказанное многообразие к ограниченному и поддающемуся обобщению предмету исследования.

Вопрос о том, что считать такими параметрами, «параметрами порядка» для истории человечества в целом и отдельных обществ в частности, возник перед людьми задолго до появления самого термина «параметр порядка». Речь идет если не о тысячелетиях, то о веках. Этот основной вопрос философии и теории истории можно считать и их вечным вопросом, поскольку однозначного и всеми принятого ответа на него пока так и не было предложено.

В ряде работ, начиная со статьи «Время человека»[287], автор данного исследования попытался обосновать довод, почему наиболее успешными представляются попытки тех подходов, которые так или иначе могут быть объединены в рамках такого сравнительно нового научного направления, которое получило название клиодинамики. Это направление ставит во главу угла два основных фактора: рост ЖОТ, принимая его за первичный фактор, и рост численности населения.

Наша позиция в рамках клиодинамического подхода стоит несколько обособленно, поскольку мы принимаем в качестве такого первичного, решающего фактора, в качестве основного «параметра порядка» рост численности населения.

---

[287] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438.

Однако вне зависимости от этого различия позиций для клиодинамики изучение темпов и характера изменений численности населения конкретных обществ и человечества в целом является вопросом наивысшего уровня значимости.

В этой связи именно на этом вопросе в данном исследовании концентрируется наше исследовательское внимание.

Также следует заметить, что для эпох, в которые не проводились переписи населения, и тем более для дописьменных эпох, этот вопрос представляет весьма сложную задачу. Действительно, как установить численность населения, опираясь исключительно на археологические данные?

КРШК относятся именно к этой категории обществ — вплоть до VI в. до н.э. у нас отсутствуют даже внешние письменные источники для Карпато-Днестровского региона, не говоря о внутренних.

В этой ситуации представляется целесообразным не пытаться устанавливать численность населения в абсолютных значениях. Хотя такие попытки и предпринимаются археологами достаточно часто — отталкиваясь от размеров типичного жилища, реконструируется типичная форма и размер семьи, а затем, учитывая размеры и планировку поселений, определяется примерное число жителей на одном поселении.

Однако для наших целей это представляется излишним. Гораздо лучше взять более бесспорную единицу измерения — поселение и говорить далее о поселенческой динамике. Разумеется, имея возможность трансформировать при необходимости полученные данные в показатели демографической динамики.

Возможность появляется за счет того, что для всех культур, входящих в КРШК, размеры поселений варьируют в одинаковом и очень узком диапазоне. Так, для культуры Сахарна-Солончень в среднем размер поселений составляет 2–4 га[288], хотя известны в ней и малые поселения — до 1–1,5 га, равно как и

[288] Leviţki O.G. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. 1994. № 15. P. 159–215. P. 180.

сравнительно большие, площадь которых доходит до 10–12 га[289]. Для культуры Козия М.Т. Кашуба не указывает, что ее поселения отличаются по размерам от поселений Сахарна-Солончень, поэтому будем принимать их как равные по размерам. Но вместе с тем следует отметить, что городище Покряка-Четэцуе культуры Козия имеет менее 2 га[290], а эпонимное поселение Козия, хотя А. Ласло не указывает его размеры, судя по фотографии и топографическому описанию[291], не превышает 2–3 га. В связи с этим, возможно, что в целом поселения Козии мельче, чем поселения Сахарна-Солончень. Однако считаем целесообразным исходить из их равенства.

Для группы Балта размер поселений также, как и в Сахарна-Солончень, колеблется от 0,5 до 15 га[292]. В Холеркань-Ханска типичный размер поселений — от 0,5 до 2 га[293].

Что касается группы Тэмэоань, то А. Ласло, равно как и О.Г. Левицкий, не приводит данных о размерах поселений, но в целом, судя по характеристике топографии поселений Тэмэоань, приводимой А. Ласло[294], они не превышают размеров поселений Холеркань-Ханска.

Таким образом, типичное поселение культур Сахарна-Солончень, Козия и Балта по своим размерам (и демографическому потенциалу) в среднем превышает в два раза, а иногда и в 5–8 раз, типичное поселение Холеркань-Ханска и Тэмэоань.

---

[289] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 260.

[290] Iconomu C. Cercetările arheologice din cetatea Pocreaca-Iaşi // Arheologia Moldovei. 1996. № XIX. P. 21–56. P. 21.

[291] Laszlo A. O aşezare halştattiană la Cozia (jud. Iaşi) // Arheologia Moldovei. 1972. № VII. P. 207–222. P. 207–208.

[292] Ванчугов В.П. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья / отв. ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1983. С. 88–101. С. 88.

[293] Leviţki O.G. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. 1994. № 15. P. 159–215. P. 180.

[294] Laszlo A. Grupul Tamaoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu in ceramica incizata din sudul Moldovei // Memoria Antiquitatis. 1986. № 12–14. P. 65–91. P. 66.

Обращаясь к Рымницеле и Сихляну, можно сказать, что хотя румынские исследователи не приводят данных по размерам этих поселений, но, судя по контексту описаний[295], речь идет об очень незначительных поселениях.

Что касается размеров жилищ, то исследователи полагают, что для всех культур КРШК они в целом аналогичны, а соответственно, можно сделать вывод, что аналогичны были формы и размеры семьи.

Учитывая все вышеизложенное, считаем, что демографическую динамику КРШК вполне можно представить как динамику поселений. Также следует принять во внимание, что демографический вес поселений Сахарна-Солончень, Балта и Козия значительно выше, чем демографический вес поселений Холеркань-Ханска и Тэмэоань.

Приступая к решению проблемы, отметим, что первоочередной задачей для выяснения поселенческой и демографической динамики КРШК является ответ на вопрос, как распределяются во времени поселения различных групп КРШК. Необходимо выделить своего рода хронологические горизонты — этапы развития КРШК — и выяснять динамику поселений с учетом их распределения по хронологическим горизонтам.

Такая работа была проделана нами ранее[296], считаем немаловажным представить ее основные результаты.

Итак, рассмотрим, каким количеством поселений характеризуются различные группы КРШК и на какие хронологические этапы можно разделить эволюцию КРШК.

---

[295] Harţuche N. Un nou aspect cultural de la sfîrşitul epocii bronzului la Dunărea de Jos // Pontica. 1972. № 5. P. 59–76. P. 62.

[296] Подробнее см.: Романчук А.А. Демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата в Карпато-Днестровском регионе (12 – первая половина 8 вв. до н.э.) : дисс. … магистра антропологии. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2008; Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (XII – начало VIII в. до Р.Х.) и магистральные тренды социальной эволюции // Stratum plus. 2011. № 3. С. 215–231; Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011.

Начнем с групп Сихляну-Рымницеле, Тэмэоань, Холеркань-Ханска и Балта, которые традиционно выделяют в ранний горизонт развития КРШК, а также ранних памятников культуры Сахарна-Солончень, которые, также относятся к раннему горизонту.

По данным, приведенным в работе О.Г. Левицкого, насчитывается пятнадцать памятников группы Балта, девять чистых Холеркань-Ханска и еще шесть поселений культуры Кишинев-Корлатень, где присутствует керамика Холеркань-Ханска[297]. В группе Тэмэоань, объединенных О.Г. Левицким с Вынэторь (что спорно, т.к. Вынэторь достаточно отличается), по его мнению — насчитывается семь памятников культуры.

Однако эти подсчеты нуждаются в уточнении, и прежде всего это касается Сихляну-Рымницеле (или, как его еще называют, Пре-Бабадаг) и Тэмэоань.

Что касается Сихляну, то О.Г. Левицкий к этой группе относил девять памятников (включая и Рымницеле, хотя правомернее рассматривать его отдельно). Однако, если обратиться непосредственно к использованной О.Г. Левицким в данном вопросе работе М. Брудиу, то, касательно Добруджи, он пишет только об «элементах Пре-Бабадага, которые присутствуют на всех поселениях фазы Бабадаг I»[298]. Это вовсе не поселения Сихляну, а поселения первой фазы Бабадага, на которых в качестве архаизирующей черты присутствуют элементы так называемого Пре-Бабадага, или Сихляну.

При этом исследователи согласны, что носители традиций Пре-Бабадага приходят в Добруджу с территорий к северу от Дуная. И происходит это уже непосредственно в процессе формирования культуры Бабадаг; ранее Добруджу занимают памятники культуры Кослоджень.

---

[297] Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 240.

[298] Brudiu M. Contribuţii la cunoaşterea genezei Hallstattului în sud-estul României // SCIVA. 1981. № 32 (4). P. 529–536. P. 531.

Данный факт уже имеет принципиальное значение: Добруджа была не областью формирования Сихляну, а колонизуемым районом.

С. Моринц, говоря об элементах Сихляну в Добрудже, писал только о «некоторых разрозненных проявлениях в окрестностях города Хиршова»[299].

Возвращаясь к высказыванию М. Брудиу об «элементах Сихляну на поселениях первой фазы Бабадага», заметим, что сама эта фаза выражена очень слабо. Как писал С. Моринц «первая фаза (культуры Бабадаг) была выделена на основании небольшого количества фрагментов с резным орнаментом в виде мотива “касательные к окружностям”»[300]; в Сихляну и в Рымницеле подобный мотив отсутствует. Далее, продолжал С. Моринц, «наши сведения о поселениях первой фазы весьма ограничены на сегодняшний день»[301]. «Имея в виду редкость местонахождений и незначительное количество материала — относительно более представленного только в Вынэторь и Бабадаге, — считаем, что первая фаза Бабадага была относительно короткой». Кратковременной считал фазу Бабадаг I и В.П. Ванчугов, приводя дополнительную аргументацию в пользу этого утверждения[302].

А. Ласло также указывал на необходимость «узнать получше содержание самой фазы Бабадаг I»[303].

Так, говоря о Сихляну, следует ограничиться лишь территорией к северу от Дуная, а к северу от Дуная имеем всего один памятник — сам Сихляну. Сюда часто включают и Рымницеле (поселение и могильник; поскольку они оставлены одними и теми же людьми, с точки зрения демографической динамики их следует рассматривать как один памятник). Итого — два памятника.

---

[299] Morintz S. Noi date şi probleme privind perioadele Hallstattiene timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. 1987. VIII, 1–2. P. 39–71. P. 54.
[300] Там же. P. 52.
[301] Там же. P. 67.
[302] Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990. С. 120.
[303] Laszlo A. Grupul Tamaoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu in ceramica incizata din sudul Moldovei // Memoria Antiquitatis. 1986. № 12–14. P. 65–91. P. 71.

Но, что касается собственно Сихляну, то ситуация с ним еще сложнее: по мнению А. Флореску и М. Флореску, «данный культурный аспект был идентифицирован на основании того, что в яме, вместе с керамикой других эпох и культур, нашли пару десятков фрагментов керамики» (И.В. Бруяко выразился в подобном духе: «полтора десятка черепков, хранящихся в Брэильском музее»).

По мнению упомянутых выше румынских исследователей, «аргументы, которые послужили основанием для выделения группы Сихляну, весьма скудны и сомнительны. Не вдаваясь в подробное обсуждение, мы должны выразить сомнение в том, что на юге Молдовы (румынской Молдовы. — А. Р.) существовал “аспект Сихляну”. Не исключая возможности своеобразия материальной культуры эпохи поздней бронзы в данном регионе, мы думаем, что на основании фрагментов, найденных в Сихляну, речь не может идти о существовании некоего культурного аспекта как такового. Кроме того, отсутствуют четкие хронологические реперы для датировки Сихляну, который, напомним, изначально предполагалось датировать даже временем после Ноуа»[304].

Как видим, и к северу от Дуная нужно доказывать существование аспекта Сихляну.

Группа Тэмэоань считается если и не производным Сихляну, то более поздним феноменом. Но количество ее памятников на самом деле тоже представляется завышенным О.Г. Левицким.

Прежде всего из памятников Тэмэоань следует элиминировать более поздние, типа Вынэторь, близкие и культурно и хронологически уже Бабадагу I. Они иногда принимаются даже за производные Бабадага I[305], и не могут рассматриваться в одном ряду с Тэмэоань.

---

[304] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 18.

[305] Morintz S. Noi date şi probleme privind perioadele Hallstattiene timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. 1987. VIII, 1–2. P. 39–71. P. 63; Ailincăi S.-C. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dobrudja // Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area / F. Cogâltan, C. Cordoș (ed.). Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 201–236. P. 202. Fig. 1.

А. Ласло относил к раннему горизонту Тэмэоань только собственно поселение Тэмэоань и могильник Фолтешть, а поселения Вынэторь и Кындешть, хоть и включает в Тэмэоань, но синхронизирует уже с Бабадагом I[306]. Так, А. Ласло писал, что «даже те немногие находки, которые сегодня можно атрибутировать группам с резной орнаментацией керамики на юге Молдовы, не представляют собой нечто единое. Даже сравнивая керамику двух наиболее изученных поселений, Тэмэонь и Вынэторь, мы видим наряду с общими элементами, и весьма значимые различия»[307].

Такую же позицию в отношении Вынэторь и Кындешть занимают М. Брудиу, К. Иконому и В.П. Ванчугов.

В связи с этим их необходимо выделить в отдельную группу Вынэторь-Кындешть.

Таким образом, объединяя списки О.Г. Левицкого (за вычетом Вынэторь и Кындешть) и М. Брудиу, как самые полные, обозначим шесть памятников группы Тэмэоань.

В отношении группы Балта также примем количество памятников, приведенное в сводке О.Г. Левицкого.

Что касается Сахарна-Солончень, то именно в Реуто-Днестровском междуречье (т.е. в зоне, где происходил генезис этой культуры) насчитывается сорок пять поселений этой культуры[308]. Плюс поселение Рашков-Млыны на левом берегу Днестра[309]. Однако, учитывая длительность существования Сахарна-Солончень — более трехсот лет, вопрос заключается в том, какие из этих поселений могут быть отнесены к хронологическому горизонту, соответствующему времени группы Балта, Холеркань-Ханска и Тэмэоань.

---

[306] Laszlo A. Grupul Tamaoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu in ceramica incizata din sudul Moldovei // Memoria Antiquitatis. 1986. № 12–14. P. 65–91. P. 72.

[307] Laszlo A. Grupul Tamaoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu in ceramica incizata din sudul Moldovei // Memoria Antiquitatis. 1986. № 12–14. P. 65–91. P. 71.

[308] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 63–67.

[309] Левинский А.Н., Романчук А.А. Памятник культуры Сахарна-Солончень на Левобережье Днестра (Рашков-Млыны) // Revista arheologică. 2006. № II (1–2). С. 328–333.

Итак, поселения Солончень-Хлиная, Цахнауцы, Сахарна Маре, Матеуць Ла Бащнэ, Хлижень Ла Шанц,Сахарна Микэ, Сахарна I, Валя Цыглэу, Рашков-Млыны, могильник Климэуць де Жос возникают в том хронологическом диапазоне, к которому относятся на сегодняшний день группы Балта, Тэмэоань и Холеркань-Ханска.

Таким образом, число ранних поселений культуры Сахарна-Солончень (горизонт Солончень-Хлиная), соответствующих времени существования групп Балта, Холеркань-Ханска и Тэмэоань, равняется десяти.

Учитывая же, что памятники группы Балта и горизонта Солончень-Хлиная и культурно чрезвычайно близки, и территориально образуют единый ареал, ранее предложено их сгруппировать в единый культурный феномен. Соответственно, совокупное количество памятников этого культурного феномена (Балта-Солончень-Хлиная) равняется двадцати пяти.

Итак, определенно количество памятников по группам, относящимся к раннему хронологическому горизонту КРШК. Соответственно, к группе Сихляну-Рымницеле можно отнести два памятника, Тэмэоань — шесть, Холеркань-Ханска — девять, Балта — Солончень-Хлиная — двадцать пять.

Однако, помимо этого необходимо уточнить также некоторые хронологические моменты, связанные с распределением памятников уже внутри этого хронологического горизонта, который можно разделить еще на два под-этапа.

Во-первых, Сихляну-Рымницеле раньше, чем Тэмэоань и Холеркань-Ханска.

Во-вторых, в более раннюю группу выделяется также группа Балта и часть ранних памятников культуры Сахарна-Солончень. Так, В.П. Ванчугов прямо настаивал на хронологическом приоритете группы Балта по сравнению с Холеркань-Ханска и Тэмэоань. По его мнению, группа Балта синхронна позднесабатиновским памятникам и Сихляну-Рымницеле.

Его вывод вполне убедителен, поскольку в группе Балта каннелюры практически отсутствуют. По словам В.П. Ванчугова, необходимо иметь в виду,

что в Белозерской культуре прочерченный орнамент почти всегда используется совместно с каннелированным. «Исключение — группа Балта, где каннелюр практически неизвестен»[310].

В.П. Ванчугов также считал, что «Балта и Холеркань-Ханска — разные группы, и культурно, и хронологически»[311], поскольку «в керамике поселения Ханск (ранее отнесенного к культуре Кишинев-Корлатень) преобладает каннелюрный орнамент при очень небольшом количестве весьма специфического прочерченного».

Можно полагать, что ко времени, когда в Белозерской культуре широко распространяется каннелюр, группа Балта уже прекращает свое существование. Иного объяснения не допускает тот факт, что собственно Белозерские памятники (или позднебелозерские) присутствуют в ареале группы Балта, причем чересполосно, когда поселения Балты и поселения позднебелозерского этапа расположены всего в нескольких километрах друг от друга.

Таким образом, в рамках раннего хронологического этапа[312] КРШК (**макроэтапа РШ I**) выделяется более ранний подэтап (обозначим его как **этап РШ Ia**) — это Сихляну и Рымницеле на Дунае и группа Балта на Днестре. Из числа ранних памятников культуры Сахарна-Солончень в **этап РШ Ia** на данный момент можно включить Солончень-Хлиная, Рашков-Млыны и Климэуць де Жос, притом что их значительно больше.

Соответственно, к этапу **РШ Ia** на Дунае относятся два памятника и на Днестре восемнадцать.

Второй подэтап раннего этапа развития КРШК (обозначим его как **этап РШ Ib**) включает в себя на Дунае памятники Тэмэоань (шесть), а на Днестре — памятники Холеркань-Ханска (девять, учитывая только чистые) и ранние

---

[310] Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39. С. 34.
[311] Там же. С. 36.
[312] Здесь и далее, понятия «этап», «фаза», «период» по отношению к предлагаемой нами периодизации КРШК используются как синонимичные и равнозначные.

памятники культуры Сахарна-Солончень (десять). Группа Балта к началу **этапа РШ Ib** заканчивает свое существование (может быть, только захватывая начало **РШ Ib**, о чем свидетельствует спорадическое проявление мотива «гирлянды» в ее орнаментации).

К **этапу РШ Ib** на Дунае относятся шесть памятников и на Днестре девятнадцать.

Если соотнести выделение этих двух этапов со шкалой Райнеке—Мюллер-Карпе, то начало **этапа РШ Ib** следует размещать где-то в начале периода На А2. И связаны были эти радикальные культурные трансформации в регионе (исчезновение группы Балта, гальштатизация и распространение каннелюра в Белозерской культуре, формирование Тэмэоань и Холеркань-Ханска) с приходом из Среднего Подунавья носителей каннелированного гальштата и возникновением на территории к востоку от Карпат культуры каннелированного гальштата Кишинев-Корлатень.

Итак, рубеж На А1 – На А2 есть наиболее вероятное время возникновения культуры Кишинев-Корлатень и начала тех масштабных изменений в Северо-Западном Причерноморье, которые знаменовали конец группы Балта и всего **этапа РШ Ia** в развитии КРШК и возникновение Холеркань-Ханска и Тэмэоань.

Отметим, что начало – середина На А2 — это наиболее вероятная дата для перехода от этапа **РШ Ia** к этапу **РШ Ib** в развитии КРШК. Продолжительность **этапа РШ Ia** составляет время, соответствующее концу Br D и всему НаА1, в абсолютных цифрах, согласно общепринятым представлениям о продолжительности периода НА А1 в сто лет, более ста лет, возможно, около ста пятидесяти (и больше, если учесть заход финала этого этапа в На А2).

Что касается верхней границы и продолжительности **этапа РШ Ib**, то представляется, что его достаточно четко маркируют два связанных события: конец культуры Кишинев-Корлатень и возникновение культуры Козия. Данный

процесс мог происходить около середины На В1, в абсолютных датах — около середины X в. до н.э.[313]

Соответственно, продолжительность **периода РШ Ib** также составила около ста лет.

Переходя ко второму **макроэтапу** развития КРШК — **РШ II**, отметим, что его тоже можно разделить на несколько подпериодов. **Период РШ II** разделяется на три подпериода: **РШ IIa, РШ IIb и РШ IIc.**

Основанием к этому служит прежде всего то, что культура Козия прекращает свое существование чуть раньше конца На В2\В3, в абсолютных датах — в конце IX в. до н.э. Культура Сахарна-Солончень продолжает какое-то время существовать и дальше[314]. Именно это событие и может быть принято в качестве рубежа, который маркирует конец периода **РШ IIa**.

Что касается продолжительности периода **РШ IIa** в абсолютных цифрах, то это зависит от того, как именно датировать финал Козии. Конец На В2\В3 в качестве этой даты принят конвенционально, поскольку после этого времени наблюдается появление среднегальштатской культуры Стойкань на территориях, занятых ранее Козией. Однако очень похоже, что Козия исчезла чуть раньше этого события.

Основанием для такого вывода служит распространение в керамике культуры Сахарна-Солончень такого типа, как тюльпановидный горшок — заимствование со стороны расположенной в более северных районах Среднего Днестра культуры Чернолесье II. В Козии этот тип отсутствует.

Тюльпановидные горшки культуры Сахарна-Солончень являются, важным хроноиндикатором, указывающим на контакты Сахарна-Солончень с Белогрудовской культурой, хотя обычно они признаются в культуре Сахарна-

---

[313] Мы указываем здесь абсолютную дату без учета поправок K. Pare, поскольку для нас эти поправки имеют значение только в тех случаях, когда нужно соотнести датировку, приведенную советскими или постсоветскими исследователями только в абсолютных датах, без привязки к шкале Райнеке — Мюллер-Карпе.

[314] Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. С. 350.

Солончень как влияние со стороны уже Чернолесской культуры (дочерней по отношению к Белогрудовке и более поздней, соответственно)[315].

Однако в Чернолесской культуре (Чернолесье II) тюльпановидные сосуды представлены исключительно с орнаментацией в виде сквозных проколов под венчиком. Это демонстрируется материалами и Григоровской, и Ленковецкой, и Непоротовской локальных групп поздней Чернолесской культуры Среднего Поднестровья. Иные типы кухонной керамики позднего Чернолесья, значительно уступающие в численности тюльпановидным сосудам, тоже украшались проколами под краем.

В противоположность этому, тюльпановидные сосуды в Белогрудовской культуре встречаются только без проколов под венчиком. По словам С.С. Березанской, только «для более поздней белогрудовской керамики характерны такие черты, как орнаментация расчлененным валиком, миски с загнутым внутрь краем, сквозные проколы и инкрустация белой пастой. Все эти особенности получают дальнейшее развитие в керамике более поздней Чернолесской культуры»[316].

Таким образом, проколы под краем — «фирменный» способ орнаментации кухонной керамики позднего Чернолесья. Это «стадиальное» явление, хронологический индикатор.

Между тем в культуре Сахарна-Солончень тюльпановидные сосуды обычно идут без проколов. И только «на экземплярах из более поздних памятников край венчика может быть снабжен проколами»[317].

В пользу раннего появления тюльпановидных сосудов в Сахарне-Солончень говорят их пропорции. В Сахарне-Солончень они представлены высокими, стройными формами вытянутых пропорций, с высокой шейкой и узким дном[318],

---

[315] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 46.
[316] Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. С. 87.
[317] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 295.
[318] Там же. С. 295.

что характерно для Белогрудовской культуры и раннего Чернолесья. В позднем Чернолесье, например, в Непоротовской группе, на уровне среднего горизонта поселения Непоротово (Л.И. Крушельницкая определяла этот слой как переходный от доскифского к скифскому времени), тюльпановидные сосуды приобретают более приземистое и широкое тулово, шейка укорачивается, валик сползает вниз, на корпус; появляются сосуды, украшенные двумя валиками, один из которых располагался непосредственно под венчиком[319].

Также на тюльпановидных сосудах Сахарна-Солончень встречается и такой, характерный именно для Белогрудовки способ орнаментации, как валик с несомкнутыми концами.

То, что только на поздних памятниках Сахарна-Солончень тюльпановидные горшки начинают встречаться с проколами под краем, коррелирует с резким увеличением доли тюльпановидных сосудов в керамическом ансамбле соответствующих поселений Сахарна-Солончень.

Так, в культуре Сахарна-Солончень на поселении Алчедар III выделяется два строительных горизонта, второй из которых маркируется в том числе и тем, что в закрытых комплексах этого горизонта количество тюльпановидных сосудов составляет до 50 % кухонной посуды[320]. Поселение Алчедар III, хоть и самое выразительное в этом отношении, не одиноко: в Матеуць Ла Башнэ доля тюльпановидных сосудов составляет 17,2 %, а в Хлинжень Ла Шанц — 18,4 %[321].

До 50 % — ни один другой тип керамики Сахарна-Солончень, ни на одном из поселений — подобной цифры не достигает. Поскольку в Козии тюльпановидных сосудов не обнаружено, учитывая их территориальную близость и несомненное родство (Козия является дочерней по отношению к Сахарне-Солончень культурой), этот факт нуждается в объяснении.

---

[319] Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117. С. 45; Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307.

[320] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 448–449.

[321] Там же. С. 435.

Представляется, что наиболее приемлемым объяснением служит то, что примерно в одно время с распространением тюльпановидгных горшков в Сахарна-Солончень (ее «тюльпанизацией»), культура Козия исчезает.

В связи с этим, полагаем, что начало второго горизонта Алчедара III и произошедшее одновременно с этим (возможно, позже) исчезновение Козии не могут далеко отстоять от начала На B2\B3, т.е. в традиционных абсолютных датах — от начала IX в. до н.э. Как представляется, максимум это событие могло произойти в середине IX в. до н.э.

Именно эту дату — середину IX в. до н.э., — думаем можно принять в качестве времени перехода от периода **РШ IIa** к **РШ IIb**.

Соответственно, продолжительность периода **РШ IIa** составляет около ста лет.

Период **РШ IIb** охватывает время от начала распространения тюльпановидных горшков в Сахарна-Солончень — до появления басарабьских влияний в культуре Сахарна-Солончень. Количество памятников, соответствующих ему, маркируется наличием на тех или иных поселениях Сахарна-Солончень чернолесских (с проколами под венчиком и более приземистых) тюльпановидных сосудов, а также наличием такого керамического типа, как черпаки типа IV. По М.Т. Кашуба, они в Алчедар III «обнаружены исключительно в комплексах второго периода бытования»[322] и являются результатом прямого или опосредованного (через позднечернолесские памятники Среднего Днестра) влияния с севера, со стороны Высоцкой культуры Верхнего и Среднего Днестра.

Переход к этапу **РШ IIc**, маркирующийся появлением на поселениях культуры Сахарна-Солончень керамики, характерной для среднегальштатской культуры Басарабь-Шолданешть, определяется после 800 г. до н.э. Начальная дата

[322] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 304, 314.

культуры Басарабь-Шолданешты на сегодняшний день установлена твердо и возможностей ее пересмотреть пока не предвидится[323].

Продолжительность периода **РШ IIb** ориентировочно составляет не более 70–80 лет, в крайнем случае — около ста лет.

Что касается верхней границы периода **РШ IIc** и завершения Сахарна-Солончень в целом, то это событие датировано серединой VIII века до н.э. Это определяется рядом хроноиндикаторов самой Сахарна-Солончень и хроноиндикаторами, определяющими начальную дату группы Шолданешть Пруто-Днестровского междуречья (группа Шолданешть — локальный вариант среднегальштатской культуры Басарабь-Шолданешть).

Исходя из современных представлений о начале культуры Басарабь, этапу **РШ IIc** можно отвести всего лишь около сорока лет. Хотя, учитывая ряд фактов, продолжительность периода **РШ IIc** была и того меньше[324].

Определив как количество фаз развития КРШК, так и продолжительность каждой из них, целесообразно перейти к анализу демографической динамики. Для этого необходимо определиться и уточнить количество поселений для каждого из выделенных периодов.

Решение данной задачи связано с определенными сложностями. Например, говоря о количестве поселений для каждой фазы, нужно считать, что это количество показывает ситуацию на конец фазы? Или же на начало?

К тому же некоторые изменения демографической динамики КРШК представляли собой результат долговременных трендов. Другие же — результат очень быстрых и краткосрочных событий. Четкое различение первых и вторых для наших целей также абсолютно необходимо.

Важно учитывать, что в ситуации дробления и разветвления линии развития КРШК не все население предшествующей фазы участвовало в создании

---

[323] Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв до н.э.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. С. 58.

[324] Романчук А.А. Фруктовницы и хронология раннебасарабьского времени на Среднем Днестре // Древнее Причерноморье / ред. И.В. Немченко. Одесса: Фридман А.С., 2008. С. 320–324.

демографического потенциала следующей, в связи с этим необходимо определять своего рода «боковые побеги», не принимавшие участия в дальнейшем демографическом развитии КРШК.

Останавливаясь на этих вопросах, отметим, что количество поселений для каждой фазы необходимо учитывать как существующие уже на начало фазы, даже если не все из них возникли именно в самом начале этой фазы.

Основанием для этого является такой параметр, как «культурный слой». Для того чтобы на поселении мог сформироваться достаточно заметный культурный слой, оно должно было существовать сколь-нибудь продолжительное время. Более того, археология знает, что непродолжительные стоянки вообще практически неуловимы для археологов.

Если, к примеру, отмечаются поселения группы Балта, и на них фиксируется культурный слой до 0,6 метра[325], а в начале **РШ Ib** группа Балта исчезает, то необходимо принять, что все эти поселения существовали если и не с самого начала **периода РШ Ia**, то все же большую его часть.

Так, к началу **периода РШ Ia** следует относить три памятника культуры Сахарна-Солончень и пятнадцать группы Балта (итого — восемнадцать).

В начале **периода РШ Ib** возникают уже шесть памятников Тэмэоань, девять — Холеркань-Ханска, еще шесть (минус Алчедар III, возникший ближе к концу **периода РШ Ib**) памятников Сахарна-Солончень (всего девять), а также еще какое-то время существует группа Балта и в течение **фазы РШ Ia** возникают два поселения Сихляну-Рымницеле (итого — сорок один).

Изменение демографической динамики на протяжении **периода РШ Ia** (более ста лет, возможно, около ста пятидесяти; т.е. за четыре — шесть поколений, считая одно поколение за двадцать пять лет) соответствует возрастанию количества поселений с восемнадцати до сорока двух. Демографический потенциал типичного поселения Холеркань-Ханска и, видимо, Тэмэоань и

[325] Ванчугов В.П. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья / отв. ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1983. С. 88–101. С. 88.

Сихляну-Рымницеле существенно ниже, чем Балта и Сахарна-Солончень, как минимум вдвое.

Таким образом, демографический потенциал КРШК за эти сто — сто пятьдесят лет в течение **фазы РШ Ia** вырос более чем вдвое.

Хотя это очень высокий темп роста, он достаточно реален.

Если же попытаться измерить демографический рост КРШК, опираясь на «дунайскую» гипотезу, то придется принять, что из двух памятников Сихляну-Рымницеле за это время возникло сорок одно (или тридцать два, без учета ранних памятников Сахарна-Солончень) поселение, т.е. демографический потенциал КРШК должен был вырасти при таком допущении более чем в двадцать или в шестнадцать раз.

По логике «дунайской» гипотезы, к полученным результатам необходимо добавить и шесть поселений Пре-Бабадага в Добрудже, поскольку предполагается, что основали и их представители Сихляну-Рымницеле.

Переходя к **периоду РШ Ib**, отметим, что изменение демографической динамики для **периода РШ Ib** должно рассматриваться с учетом того, что группа Балта хоть и исчезает, но, вполне возможно, что ее носители отхлынули за Днестр, в ареал культуры Сахарна-Солончен, т.е. приняли участие в дальнейшем развитии Сахарна-Солончень и развитии всей общности КРШК Карпато-Днестровского региона.

Памятники же Холеркань-Ханска и Тэмэоань, наоборот, должны рассматриваться как «боковые побеги», их носители в дальнейшей эволюции КРШК Карпато-Днестровского региона участия не принимали. Их судьба — предмет отдельного исследования, но, в первом приближении, они могли принять участие в формировании культуры Бабадаг. Для Холеркань-Ханска также возможно, что они разделили участь носителей культуры Кишинев-Корлатень, поскольку они демонстрируют высокую степень и территориальной близости; равно как и степень интенсивности влияний Кишинев-Корлатень на Холеркань-Ханска.

В качестве стартовой цифры для **периода РШ Ib** представляется логичным принять девять памятников Сахарна-Солончень, плюс пятнадцать — группы Балта (итого — двадцать четыре). К концу же этого периода уже возникли все сорок пять поселений культуры Сахарна-Солончень, включая и Алчедар III.

Дмографический потенциал культуры Сахарна-Солончень вырос, согласно этим подсчетам, за период около ста лет чуть меньше, чем вдвое. Возможно, и больше за счет укрупнения поселений. Именно в течение фазы **РШ Ib** возникала очень высокая плотность поселений в ареале Сахарна-Солончень.

Переход к **фазе РШ IIa** знаменовался возникновением культуры Козия. Соответственно, совокупное количество памятников Сахарна-Солончень и Козии равняется ста двенадцати. Однако это пример одномоментного изменения и чисто поселенческой динамики. Демографического роста за этой поселенческой динамикой не было. Часть населения культуры Сахарна-Солончень мигрировала на освободившиеся после исчезновения Кишинев-Корлатень территории. При этом, видимо, часть поселений в ареале Сахарна-Солончень была оставлена жителями, например Солончень-Хлиная, Цахнауцы, Сахарна Маре. Основания для такого вывода дает тот факт, что отмечается их архаичный облик по процентному соотношению мотивов орнаментации, а также отсутствию некоторых поздних признаков. В ином случае, если бы они продолжали существовать, их отличия от остальных поселений Сахарна-Солончень не были бы замечены.

В данном случае необходимо учитывать демографическое изменение, соответствующее возникновению и развитию Козии, в **периоде РШ IIa**. Демографический рост, который проходил в течение этого периода, и позволил зафиксировать поселения Козии, создав на них достаточный культурный слой. Полагаем, что в качестве итоговой цифры количества поселений на конец **периода РШ IIa** может быть приятно сто девять поселений (минус Солончень-Хлиная, Сахарна Маре и Цахнауцы).

Соответственно, демографический потенциал КРШК Карпато-Днестровского региона в течение **периода РШ IIa** (около ста лет) вырос более чем в два раза.

Проанализируем **этап РШ IIb**.

Переход к **этапу РШ IIb** в демографической динамике соотносится с исчезновением Козии. Событие одномоментное. Однако, что произошло с населением Козии —вопрос, нуждающийся в рассмотрении. Возможно, часть его вернулась обратно в ареал Сахарна-Солончень. При этом исчезновение Козии в той или иной мере означало для Сахарна-Солончень депопуляцию.

В течение **периода РШ IIb** происходил новый демографический рост, достаточный для того, чтобы фиксировалось существование поселений культуры Сахарна-Солончень. Однако уловить его через поселенческую динамику не представляется возможным.

Последний этап — **период РШ IIc**.

Период РШ IIc характеризуется максимальным сокращением количества памятников. М.Т. Кашуба фиксирует всего на нескольких поселениях выделяемый ею так называемый «сахарнянско-басарабьский горизонт»[326]: Алчедар, Солончень-Хлиная, Матеуць Ла Башнэ и Хлинжень Ла Шанц.

Что касается количества памятников этого периода, то помимо Солончень-Хлиная, Хлинжень Ла Шанц, Алчедар, Матеуць Ла Башнэ, учитывая, что на упомянутых поселениях только раскопки показали (через обнаружение закрытых комплексов со смешанным материалом) наличие «сахарнянско-басарабьского горизонта», к числу памятников этого времени следует отнести все памятники Сахарна-Солончень, где зафиксирован слой Басарабь-Шолданешть, что составляет шесть поселений[327].

К ним следует добавить также поселение Сахарна Микэ, где, по мнению М.Т. Кашуба, фиксируются следы обитания и в первой половине VIII в. до н.э.

---

[326] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 144.

[327] Там же. С. 141. Рис. 1.

(итого — семь). Количество поселений периода РШ IIс очень незначительно. Возможно, раскопки смогут увеличить их число, но вряд ли существенно.

С чем связана такая депопуляция — вопрос очень интересный и требует отдельного и обстоятельного рассмотрения. Но представляется достаточно ясным, что причины его скорее экзогенные (воздействие какого-то враждебного внешнего фактора), чем эндогенные.

Таким образом, на протяжении всего периода существования культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона наблюдается демографический рост, который сопровождался на ранних фазах периодическими выплесками избытка населения вовне, а также на **фазе РШ IIа** крупномасштабной колонизацией территорий между Реутом и Карпатами. Процесс демографического и территориального роста был прерван в конце периода **РШ IIа** каким-то внешним фактором, что привело к резкому сокращению ареала и его ограничению вновь лишь территорией Реуто-Днестровского междуречья. Однако это резкое сокращение ареала не остановило дальнейший демографический рост. И только новое воздействие извне окончательно прервало линию развития культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона.

Исходя из этого, не представляется возможным подтвердить, что демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК должна описываться логистической кривой. Как известно, логистический рост характеризуется ускоряющимся ростом показателя в начале процесса, который сменяется замедлением темпов роста и завершается стабилизацией этого показателя на определенном уровне[328].

Если же говорить о том, имел ли демографический рост для культурно-исторической общности КРШК линейный или гиперболический характер, то прежде всего отметим, что проверить это утверждение позволяет поселенческая

[328] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 27.

динамика **периодов РШ Ia, РШ Ib и РШ IIa**. Для **периода РШ IIb**, хоть и предполагается демографический рост, но установить его через поселенческую динамику невозможно.

Для **фазы РШ Ia** демографический рост составил около 130 % за 150 лет. Исходя из допущения, что этот рост был равномерным, получается, что демографический рост составлял около 0,8 % в год. Учитывая, что поселения Холеркань-Ханска, Тэмэоань и Сихляну-Рымницеле в среднем вдвое меньше, чем поселения Балта и Сахарна-Солончень, то демографический рост был ниже поселенческого роста.

Для **фазы РШ Ib** демографический рост составил около 88 % за примерно сто лет. При том же допущении равномерности роста — около 0,88 % в год. Принимая во внимание размеры поселений Сахарна-Солончень, демографический рост **фазы РШ Ib** был выше, чем 0,88 % в год.

Наконец, для **фазы РШ IIa** демографический рост составил около 140 % за время примерно в те же сто лет, т.е. 1,4 % в год. Возможно, что часть этой динамики должна быть отнесена за счет предыдущего периода, кроме того, поселения Козии мельче, чем поселения культуры Сахарна-Солончень. Тем не менее явно демографический рост составлял для **фазы РШ IIa** более чем 1 % в год.

Наглядно поселенческо-демографическая динамика КРШК представлена на нижеприведенном графике (рис. 2).

Рисунок 2 — Поселенческо-демографическая динамика КРШК[329].

Подводя итоги анализа демографической динамики, отметим, что в течение первых трех фаз развития КРШК наблюдается ускорение темпов демографического роста, который имел гиперболический характер.

Констатировав полученный вывод, в следующей главе перейдем к его теоретическому осмыслению. И с этой целью обратимся к наработкам и выводам новой научной дисциплины — клиодинамики.

Прежде рассмотрим динамику в еще одной ключевой сфере материальной культуры общностей КРШК — динамику орнаментации керамики.

---

[329] Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (12–8 вв. до н.э.) // Математическая история и клиодинамика: теории, модели, данные : программа и тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2009.

2.3. Динамика орнаментации керамики как отражение социокультурной динамики: общества резной и штампованной керамики Карпато-Поднестровья

Итак, одним из наиболее подходящих и удачных для анализа социокультурной динамики архаических, дописьменных, обществ параметров из числа «параметров Шпенглера» является орнаментация керамики.

Ранее была проанализирована динамика орнаментации керамики наиболее значимой из культур КРШК Карпато-Поднестровья — культуры Сахарна-Солончень[330]. Она является фактически стержневой для общности КРШК Карпато-Поднестровья, в ее эволюции отражается эволюция КРШК региона в целом.

Отметим сначала, что исследования культурно-исторической динамики, которые предпринимаются последние десять – пятнадцать лет в рамках такого научного направления, как клиодинамика предполагают использование и математических, и вербальных моделей, оценивающих поведение и взаимодействие социально-политических, экономических факторов и роста численности населения. В этом отношении удалось добиться весьма значительных успехов, в том числе и в вопросах, имеющих глобальное значение. К их числу, в частности, следует отнести многочисленные работы[331], которые математически подтвердили установленный ранее (впервые на это обратил внимание Б.Ф. Поршнев) факт существования исторического ускорения для истории человечества в целом и продемонстрировали его связь с увеличивающимся ростом численности населения Земли.

---

[330] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127.

[331] Подробнее см.: Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007.

Применительно к эпохам и общностям, изучаемым археологией, клиодинамические модели обещают значительные перспективы в приращении полученных знаний и выявлении закономерностей. В частности, применительно к вопросу об историческом ускорении представляет несомненный интерес тот факт, что продолжительность периодов, на которые на сегодняшний день удалось подразделить эпоху гальштата, составляет около ста лет. Тогда как для сменяющего его латена, а затем римского времени, исследователям удалось достичь куда большей дробности, выделяя фазы развития, по продолжительности соответствующие интервалу в 20–30 лет[332] (ступень B2 римского времени — «длительная, столетняя», «внутреннему членению на фазы она поддается плохо»; очевидно, даже в более «быстрые времена» были периоды замедления), т.е. в понятиях демографии — практически длительность одного поколения.

Отметим, что клиодинамические работы, которые могли бы проследить динамику эволюции материальной культуры тех или иных изучаемых археологией обществ, на сегодняшний день отсутствуют. Предпринятые ранее попытки посвящены лишь «классическим» вопросам клиодинамики — анализу демографической и поселенческой динамики общности Культур Резной и Штампованной Керамики.

Весьма же примечательна работа М.Е. Ткачука «Археология свободы»[333], в которой он на основании наблюдений над эволюцией скифской и гетской культур пришел закономерности: возникающая археологическая культура характеризуется максимальным разнообразием и «неопознаваемостью» — неустоявшимся обликом характеризующего ее паттерна материальной культуры, тогда как в конце существования археологическую культуру характеризует значительное снижение разнообразия и стандартизация. Работа представляет собой скорее попытку теоретического обобщения впечатлений автора, без обращения к

[332] Щукин М. Б. На рубеже эр. Спб.: Фарн, 1994. С. 45–47.
[333] Ткачук М.Е. Археология свободы. Кишинев: Штиинца, 1996.

инструментам количественного анализа, которые формализовали бы и представили в поддающейся измерению форме.

Между тем динамика эволюции материальной культуры, в частности орнаментации керамики, может служить весьма ценным источником информации о культурно-исторических процессах той или иной эпохи и региона. Характер и темп изменений материальной культуры отражает темп и закономерности социальной эволюции носителей данного паттерна материальной культуры.

Исследование динамики любой культуры подразумевает в качестве неизбежного предварительного условия установление фаз развития, разработку периодизации этой культуры.

Впрочем, для Сахарна-Солончень характерно даже несколькими вариантами периодизации.

Таким образом, создается проблема выбора, поскольку в рамках одной работы охватить все варианты периодизации не представляется возможным. Впрочем, выбор на самом деле легче, чем кажется, поскольку, учитывая в том числе и соображения компактности (объема материала), для решения сформулированных выше задач подходит лишь вариант периодизации, предложенный в наших с А.Д. Якимовской предшествующих работах[334].

Однако и в данном случае необходимо сделать некоторые предварительные корректировки и уточнения.

Во-первых, «в перспективе, возможно, удастся разделить погребения третьей фазы на две ступени. В пользу такой возможности свидетельствует не только то, что в относящихся к третьей фазе (но разных) комплексах представлены как вещи относительно ранние (типа тех же железных фибул, ножей и пластинчатых

[334] Романчук А.А., Якимовская А.Д. Корреляционный анализ погребальных комплексов культуры Сахарна-Солончень // История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 128–145; Романчук А.А., Якимовская А.Д. Относительная хронология культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов) // Кадырбаевские чтения-2014 : материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мегапринт, 2014. С. 165–169.

браслетов), так и относительно поздние (типа железных удил и рогового трехдырчатого псалия). Но и то, что даже между двумя такими, явно поздними в рамках третьей фазы комплексами, как Цыглэу VI №1 (где как раз представлены железные удила и упомянутый выше псалий) и Гура Хлубоака VI, на наш взгляд, можно уловить хронологическую разницу»[335].

Фактически уже на том этапе исследования разделение третьей фазы еще на два периода очертилось достаточно явно — в виде ядра каждого из периодов: очевидно более ранние погребения с фибулами и пластинчатыми «браслетами», с одной стороны, и более поздние погребения с железными удилами, роговым псалием и каменными оселками, с другой. Вопрос заключался лишь в том, чтобы определить круг тех погребений, которые группируются вокруг каждого из этих «ядер».

В процессе подготовки исследования [336] необходимый анализ, опирающийся на параметры, основанные на мотивах орнаментации, был произведен и позволил очертить круг комплексов, атрибутируемых каждому из этих «ядер»[337], а также разделить бывшую фазу III на две новые.

Но помимо этого, выявилась необходимость выделить погребения Пояна 1, а также Цыглэу XIX в отдельную фазу — пятую.

Аргументацию в пользу такого выделения, как и описание нововыделившихся фаз III и IV, представим ниже.

Считаем целесообразным подчеркнуть, что по результатам уточненного анализа погребальных комплексов в развитии Сахарна-Солончень также выделяются именно пять фаз, т.е. наблюдается полное совпадение с выводами, полученными нами ранее иным методом с опорой, в первую очередь, на

---

[335] Романчук А.А., Якимовская А.Д. Относительная хронология культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов) // Кадырбаевские чтения-2014 : материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мегапринт, 2014. С. 165–169. С. 168.

[336] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127.

[337] Там же. С. 117–118. Таб. 4–5.

материалы поселений для Сахарна-Солончень и КРШК в целом. Надо полагать, что такое совпадение результатов является дополнительным подтверждением реальности именно пятифазовой периодизации развития Сахарна-Солончень.

Необходимо, однако, сделать еще некоторые уточнения предложенной нами с А.Д. Якимовской схемы.

Во-первых, это касается безынвентарных (по большей части эти находки были утеряны) погребений Сахарна-Солончень, которые вписаны в периодизационную схему, опираясь на анализ погребального обряда и конструкций. Привязка их в итоге оказалась далеко не бесспорна, и целесообразно будет их вывести из схемы. Не исключая, однако, возможности в дальнейшем все же уточнить их позицию в системе относительной хронологии погребений Сахарна-Солончень.

Во-вторых, представляется необходимым изменить фазовую атрибуцию еще трех комплексов: Алчедар II, Гура Хлубоака I и Цыглэу VII.

Алчедар II ранее был отнесен к фазе I, при этом не было учтено наличие ряда признаков, выбивающихся из хронологического портрета фазы I. Из данного комплекса происходит бронзовая бляшка с подквадратным ушком на обороте, которую М.Т. Кашуба ранее сопоставила с черногоровскими[338], а также каменный ящик из этого погребения располагался на уровне древнего горизонта, тогда как все прочие погребения фазы I характеризуются размещением каменного ящика в яме. Наконец, следует принять во внимание данные планиграфии: Алчедар II находится всего в 15 метрах к югу от Алчедар I и 20 метрах к востоку от Алчедар III, которые бесспорно относятся к фазе IV. Четвертый курган в этой микрогруппе был ограблен в древности, но ящик в нем тоже располагался на древней дневной поверхности.

В свете этих фактов думается, что правильнее будет отнести Алчедар II к фазе IV.

[338] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 328.

Сомнения вызвал комплекс Гура Хлубоака I. Ранее он был отнесен нами к фазе II, в том числе учитывая наличие в нем почти аналогичной бляшки с подквадратным ушком. Однако по совокупности признаков[339] этот комплекс следует отнести все же к фазе III.

Наконец, наоборот, комплекс Цыглэу VII (в котором есть каменный ящик, но установлен он на уровне древнего горизонта; нет кромлеха; насыпь кургана земляная; из комплекса происходит черпак достаточно архаичного облика, украшенный архаичным же типом простого орнамента — «поясок косых под углом»), видимо, следует отнести к фазе II.

Итак, в результате этих уточнений схема приобретает более стройный и закономерный вид, каждая фаза характеризуется единообразным портретом как погребального обряда, так и коррелирующего с ним набора инвентаря.

Фаза I[340] характеризуется архаичным обликом керамики, скудно или вообще не орнаментированной, и единообразным обликом погребального обряда: каменный ящик, располагавшийся исключительно в яме; погребения, за единственным исключением — бескурганные (или насыпь кургана была земляной и в силу незначительности размеров не сохранилась). Исключение — Алчедар VII, где очень крупный курган (16 метров диаметром) с каменным ящиком в яме характеризуется также наличием кромлеха и каменного панциря. Итак, отличия весьма серьезные, однако характер инвентаря все же не позволяет отделить этот комплекс от фазы I. Предположительно это позднейшее погребение фазы I.

Далее обратимся к фазе III[341]. Все относящиеся к фазе III комплексы — подкурганные; нет каменных ящиков; кромлех (и курганы) характерного диаметра (за одним исключением, от 4 до 5 метров; среднее — 4,8 метра), внутрикромлеховая яма (занимает все пространство внутри кромлеха) и каменный

---

[339] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 117. Таб. 4.
[340] Там же. С. 115. Таб. 1.
[341] Там же. С. 117. Таб. 4.

панцирь кургана представлены в шести из восьми комплексов; каменные перемычки — в четырех комплексах. Еще в двух случаях зафиксированы каменные ограды погребения и в одном — каменная площадка у ног и головы погребенного. Причем, что характерно, перемычки, оградки и каменная площадка идут и в тех погребениях, где нет либо кромлеха, либо каменного панциря, либо внутрикромлеховой ямы, т.е. происходит взаимное перекрывание признаков.

Таким образом, складывается весьма гомогенный облик погребальных сооружений фазы III, который при этом четко коррелирует с определенным набором инвентаря (фибулы и «пластинчатые браслеты») и мотивов орнаментации (налепы на венчике мисок — четыре случая; налепы на венчике пиксид — два случая; ряды вертикальных заштрихованных ромбов; кольчатый штамп; два случая сложного зонального орнамента).

В связи с темой выступов-налепов следует сказать, что фаза III — это фаза выступов-налепов. Помимо вышеупомянутых случаев, стоит отметить еще четыре на кухонной керамике, а также четыре гвоздевидных выступа-бутона на ручке черпака. Именно в погребениях этой фазы концентрируется большинство случаев[342] орнаментации керамики выступами-налепами (особенно мисок; еще два случая орнаментации мисок выступами-налепами — в фазе IV).

Для фазы IV[343] характерно, во-первых, угасание традиции внутрикромлеховых ям — всего один случай (Цыглэу VI), и при этом ее диаметр существенно, почти вдвое, меньше диаметра кромлеха. В этом же комплексе представлен и единственный для этой фазы случай оградки вокруг погребения. Кромлех наличествует всего в двух комплексах фазы (Цыглэу VI и Гура Хлубоака IV, но в последнем случае было сооружено два кромлеха, внутренний и внешний). Помимо этого, за единственным исключением (Гура Хлубоака IV) отсутствуют и каменные перемычки, зато существенно вырос диаметр курганов (во всех случаях

[342] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 123. Рис. 12.
[343] Там же. С. 118. Таб. 5.

— более шести метров; среднее — 8,5 метров). Сохраняется традиция каменных панцирей — в четырех случаях из семи. Наконец, представлены три каменных ящика — один в яме и два на древнем горизонте.

Характеризуя далее разделение фаз III и IV, обратим внимание, что в фазе III собрались погребения с фибулами и пластинчатыми браслетами \ височными кольцами (пластинчатые браслеты). В фазе IV — погребения с железными однокольчатыми удилами, роговым трехдырчатым псалием и каменными оселками. Помимо того, в фазе IV сконцентрировались все случаи использования зубчатого штампа (8 сосудов, или почти 40 % орнаментированной керамики фазы IV), все три случая использования S-видного штампа, а также случаи использования W-образного штампа и каннелюра (по одному). Также в фазе IV собрались три случая «сложных композиций»[344].

При переходе к фазе IV наблюдается также, в сравнении с предыдущей, увеличение доли кольчатого штампа (с двух случаев до пяти), появляется кольчатый штамп с крестом внутри (один случай), а также еще несколько любопытных, хоть и проявляющихся единично, мотивов орнаментации.

Полагаем, что в совокупности все эти признаки достаточно четко демонстрируют отличия фазы IV от предыдущей, третьей, и аргументируют необходимость их разделения.

Что касается необходимости выделения комплексов Пояна №1 и Цыглэу XIX в отдельную, пятую фазу, то начнем с того, что М.Т. Кашуба ранее предложила отнести Пояна №1 к числу позднейших в Сахарна-Солончень, и датировать этот комплекс первой половиной VIII в. до н.э.[345] Вывод этот представляется вполне обоснованным.

---

[344] На фазе III также представлены достаточно сложные композиции, которые, к тому же следует отнести к типу, который М.Т. Кашуба определила как зональные, с разделением на сектора (в частности орнаментация пиксид). Однако композиции из фазы IV, которые я обозначил как «сложный орнамент», выглядят более насыщенными различными мотивами и, я бы сказал, «хаотичными».

[345] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 402.

Вопрос, однако, в том, насколько оправданно предложение выделить этот комплекс в отдельную фазу?

Полагаем, что основанием для этого является резкий, радикальный характер отличий погребального обряда комплекса Пояна №1 от погребений всех предыдущих фаз — в особенности фазы IV. Суть этих отличий хорошо демонстрируется по ряду формализуемых параметров, прежде всего индексу трудозатрат[346]. Пояна №1 — грунтовое погребение, перекрытое каменным закладом, если для фазы IV индекс трудозатрат составляет 15,3 (максимальное значение), то для Пояна №1 — условный ноль (условный, поскольку определенные трудозатраты были осуществлены, но они не могут быть учтены ни одним из параметров, использованных для вычисления индекса трудозатрат предыдущих фаз).

Перемена, безусловно, разительная. Подобные радикальные изменения в материальной и духовной культуре отражают какие-то не менее радикальные (очевидно, кризисные) изменения вообще в социуме Сахарна-Солончень, связанные с внешними факторами.

Именно этими соображениями и обусловлена необходимость выделения комплекса Пояна №1 в отдельную фазу, даже если оно останется единичным комплексом фазы V.

Вопрос с Цыглэу XIX не менее сложный. Тоже грунтовое, перекрытое каменной плитой, оно сходно по обряду с Пояна №1. Однако, оно практически безынвентарное (за исключением биконического пряслица), что затрудняет уточнение его позиции в системе относительной хронологии и периодизации погребальных комплексов Сахарна-Солончень. Тем не менее считаем необходимым предположить, что Цыглэу XIX следует также включать именно в фазу V.

---

[346] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 116, 123. Таб. 3. Рис. 10.

В любом случае, поскольку Цыглэу XIX не содержит керамики, то его выделение в фазу V никаких следствий для наших расчетов иметь не будет.

Говоря же о фазе V в целом, отметим, что хотя ни количество комплексов, ни количество керамики, атрибутируемых этой фазе, не позволяет делать какие-либо статистически достоверные выводы, игнорировать рисуемые ею тенденции как единственно поддающиеся на сегодняшний день обнаружению, тоже вряд ли уместно. Тем более что, если верны выводы о характере (и его причинах) фазы V, то не приходится ожидать и сколь-нибудь существенного увеличения количества комплексов этой фазы, разве что в виде грунтовых погребений.

Наконец, самый сложный вопрос — фаза II. Именно к ней относилось большинство безынвентарных комплексов. Исключив их, получаем всего три комплекса, относящихся к данной фазе. Для них характерны курганы с земляной насыпью (их размеры не приводятся М.Т. Кашуба, очевидно, в силу незначительности; однако, исходя из прочей известной информации, а также того, что для Сахарна-Солончень характерны курганные насыпи диаметром «5–10 метров»[347], можно полагать, что они не меньше пяти метров в диаметре), отсутствие кромлехов, каменных панцирей, использование камня в конструкции кургана; наличие каменных ящиков (все три — на уровне древнего горизонта).

Однако керамики мало, и составить достаточно определенное представление о ее облике сложно.

Тем не менее полагаем, что реальность выделения фазы II сомнению не подлежит. Входящие в нее комплексы по погребальному обряду резко отличаются от облика любой из остальных четырех фаз. Очевиден также промежуточный, между фазами I и III, характер погребального обряда фазы II. Наконец, сама скудость инвентаря, орнаментации керамики этой фазы тоже сближает ее с фазой I.

Обобщая вышесказанное, представим итоговое распределение комплексов:

---

[347] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 279.

Фаза I: Алчедар V, Алчедар VI, Алчедар VIII, Алчедар IX, Алчедар VII, Климэуць де Жос I, Климэуць де Жос II, Климэуць де Жос IV, Климэуць де Жос III.

Фаза II: Цыглэу IX, Цыглэу XIII, Цыглэу VII.

Фаза III: Цыглэу III. Гура Хлубоака III, Цыглэу IV, Цыглэу I, Цыглэу V, Цыглэу II, Гура Хлубоака I, Цыглэу VIII.

Фаза IV: Цыглэу VI, Гура Хлубоака IV, Гура Хлубоака V, Гура Хлубоака VI, Алчедар I, Алчедар III, Алчедар II.

Фаза V: Пояна №1, Цыглэу XIX.

Не абсолютизируя полученную схему, полагаем возможным сформулировать некоторые закономерности относительно развития погребального обряда Сахарна-Солончень. По всей видимости, погребальный обряд этой культуры развивался от каменных ящиков в ямах через внутрикромлеховые ямы к преобладанию погребений на древнем горизонте; от каменных ящиков через кромлехи и каменные ограды вокруг погребений к отсутствию ограждения погребений; от земляных насыпей курганов к каменным панцирям.

Что касается соотнесения данной схемы с периодизацией раннего гальштата в целом, то основные соображения были изложены ранее. Здесь только уточняется вопрос о начале и завершении фазы III, а также фазы IV.

По-прежнему относя начало фазы III к Ha A2, полагаем, что она должна соответствовать Ha A2 в значительной его части, поскольку мы не можем отделить датировку ее начала от датировки начала Кишинэу-Корлатень и группы Хинова.

Что же касается завершения фазы III, то она также должна была охватывать достаточно значительную часть Ha B1. Насколько значительную — вопрос, требующий дальнейшего уточнения. Фаза IV, начинаясь в Ha B1, охватывает все протяжение Ha B2\B3.

Сделав эти необходимые пояснения, обратимся непосредственно к анализу динамики орнаментации, а также некоторых других проявлений материальной и

духовной культуры Сахарна-Солончень. Начнем с индекса трудозатрат, давая составляющие его индексы без комментариев.

Рисунок 3 — Динамика трудозатрат в течение развития культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов)[348].

Индекс трудозатрат, будучи достаточно высоким уже на фазе I, несколько снижается ко второй фазе (при резком снижении количества комплексов), затем демонстрирует резкий взрывной рост (в два с лишним раза) при переходе к фазе III. Далее рост замедляется — приращение трудозатрат к фазе IV весьма незначительно. Видимо, уже на фазе III общество Сахарна-Солончень практически достигло потолка своих экономических возможностей.

[348] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 123. Рис. 10.

Предположим, что динамика трудозатрат в ходе истории Сахарна-Солончень описывается близкой к логистической кривой и соответствует классическим моделям клиодинамики.

Особый интерес вызывает сопоставление с этим динамики эволюции орнаментации керамики Сахарна-Солончень.

Рисунок 4 — Динамика насыщенности керамикой погребений культуры Сахарна-Солончень[349].

Итак, обратимся к ключевому вопросу — анализу собственно динамики орнаментации. Начнем с того, что рассмотрим динамику насыщенности керамикой погребений Сахарна-Солончень[350]. Как можно видеть, она весьма точно повторяет динамику индекса трудозатрат: также за некоторым снижением

[349] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 123.
[350] Там же. С. 121. Рис. 2.

после первой фазы наблюдается резкий скачок (более чем в два раза) при переходе к фазе III — с последующим снижением значения индекса на фазе IV.

Сходную динамику демонстрирует имеющий ключевое значение параметр — индекс орнаментированности керамики (рассчитан как отношение количества орнаментированной керамики к общему числу керамики фазы). Принимая во внимание статистическую незначимость имеющихся в нашем распоряжении данных для фазы II (чем и объясняется столь высокий показатель, как и для фазы V), мы видим резкий рост к фазе III и практически полное замедление темпов роста к следующей фазе[351].

Рисунок 5 — Динамика орнаментированности керамики культуры Сахарна-Солончень[352].

[351] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 121. Рис. 3.
[352] Там же. С. 123.

Индекс количества мотивов выбивается из этого ряда, указывая на максимальные темпы роста при переходе от фазы I к фазе II и от фазы III к фазе IV. Однако индекс количества мотивов с учетом частоты их использования[353] (индекс частоты), представляя собой фактически калиброванный (более точно отражающий ситуацию) вариант предыдущего индекса, снова рисует нам картину резкого, почти трехкратного роста от фазы II к фазе III — с последующим замедлением.

Рисунок 6 — Динамика количества мотивов орнаментации с учетом частоты их использования[354].

Параллелизм уже трех индексов представляется неслучайным.

---

[353] Романчук А.А. Гальштатский горизонт Реуто-Днестровского междуречья с мисками-фруктовницами и проблема его датировки // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 156–160. С. 122. Рис. 5.

[354] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 121.

Индекс резной орнаментации[355] аналогично демонстрирует рост от 25 % (доля керамики, украшенной резным орнаментом) на фазе I до 69 % на фазе III и последующее снижение до 63 % на фазе IV, тогда как штампованный орнамент[356], возникнув на фазе III, к следующей фазе возрастает более чем шестикратно.

Подчеркнем, что объем имеющегося материала позволяет в данном случае делать статистически значимые выводы.

Соотношение случаев использования резной орнаментации и случаев использования штампованной[357] изменилось от пятикратного преимущества резной на фазе III до тридцатипроцентного преимущества штампованной на фазе IV.

Итак, считаем необходимым привести наиболее любопытные тенденции динамики орнаментации керамики Сахарна-Солончень.

Сопоставим эту динамику с культурно-исторической динамикой и динамикой орнаментации керамики КРШК Карпато-Поднестровья в целом.

Начнем с того, что первый из интересующих нас здесь вопросов — это, безусловно, вопрос о миграции носителей КРШК, результатом которой стало формирование памятников типа Холеркань-Ханска и Тэмэоань. Холеркань-Ханска и Тэмэоань наилучшим образом могут быть интерпретированы как результат раннего выплеска из «переполнившегося котла» — ареала Сахарна-Солончень — в направлении одного из тогдашних «центров цивилизации» региона — Нижнего Дуная (модель «варваров, алчущих благ цивилизации»).

Исходя из общего представления о синхронности, Холеркань-Ханска и Тэмэоань времени бытования Кишинэу-Корлэтень (большинство исследователей, от А.И. Мелюковой и А. Ласло до О.Г. Левицкого, считали весьма вероятным некоторый хронологический приоритет первых перед Кишинэу-Корлатень)

---

[355] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 123. Рис. 11.
[356] Там же. С. 124. Рис. 15.
[357] Там же. Рис. 16.

необходимо отнести время этой миграции к концу фазы I — фазе II. По всей видимости, именно эта миграция и является объяснением того падения численности погребальных комплексов Сахарна-Солончень, которые наблюдаем на фазе II, и синхронного снижения индекса трудозатрат.

Однако, в силу статистической незначимости имеющихся в нашем распоряжении материалов фазы II, не представляется возможным делать сколь-нибудь достоверные сопоставления с динамикой орнаментации. Тем не менее кажется вполне убедительным предположение, что параллельно с этими миграционными событиями происходил рост орнаментированности керамики Сахарна-Солончень. Также необходимо отметить, что очевидное и нарастающее с течением времени взаимодействие Холеркань-Ханска и Тэмэоань с нижнедунайскими традициями (результатом этого взаимодействия и синтеза стало формирование памятников типа Вынэторь) не нашло какого-либо отражения в орнаментации керамики Сахарна-Солончень.

Эта миграция произошла по модели «отрезанного ломтя». Отношения с материнской средой были достаточно ограниченными и вскоре вообще прекратились.

В данном контексте следует отметить, что миграция носителей Кишинэу-Корлатень и последующее существование этой культуры в Карпато-Поднестровье не оказали никакого негативного влияния на развитие Сахарна-Солончень. Напротив, начиная с фазы III наблюдается и резкий рост индекса трудозатрат и рост ряда ключевых индексов динамики орнаментации керамики Сахарна-Солончень.

Весьма важное в миграционной истории Карпато-Поднестровья событие — возникновение культуры Козия. Ранее детально объяснялось, почему, на наш взгляд, невозможно принять точку зрения М.Т. Кашуба об «единой культуре Козия-Сахарна». Думаем, нынешнее исследование добавило наглядности в этот вопрос.

Согласно общепринятым представлениям, культура Козия возникает в На В1. Даже если отнести это событие к середине На В1 (хотя она возникает раньше) и синхронизировать Козию с конечным этапом фазы III — началом фазы IV, возникает резкий диссонанс облика орнаментации керамики Сахарна-Солончень с обликом культуры Козия. Культура Козия характеризуется преимущественно штампованной орнаментацией керамики (на основе зубчатого штампа, а также кольчатых). Криволинейные штампы в ней отсутствуют.

Соответственно, орнаментация керамики Козии оказывается при таком сопоставлении весьма отличной как от орнаментации керамики фазы III (с практически подавляющим преимуществом резной орнаментации), так и фазы IV Сахарна-Солончень. Для фазы IV, даже оставляя в стороне криволинейные штампы, не наблюдается такого массированного преобладания зубчатого штампа и кольчатых, которое характерно для орнаментации Козии.

Все вышеизложенное приводит к мысли, что мы, по всей видимости, не представляем себе неких весьма существенных обстоятельств генезиса культуры Козия. И если ранее полагали Козию лишь производным Сахарна-Солончень на определенном этапе развития последней, то в свете этих фактов представляется правомерным поставить вопрос об участии в формировании Козии еще одного ключевого элемента.

Также, исходя из представшей перед нами картины получает новые подтверждения высказанное ранее предположение о том, что после исчезновения Козии какая-то часть ее носителей в виде обратной миграции вернулась в ареал Сахарна-Солончень, что и стало одним из значимых факторов роста популярности штампованной орнаментации (зубчатого штампа) в Сахарна-Солончень.

Применительно к проблеме динамики орнаментации керамики необходимо заметить, что формирование Козии не оказало никакого негативного эффекта на развитие Сахарна-Солончень. Именно на фазу III приходятся максимальные

темпы роста и индекса трудозатрат, а также ряда ключевых параметров орнаментации керамики.

Оказало ли, наоборот, формирование культуры Козия (или же какие-то связанные с этим процессом и\или предшествовавшие ему факторы, например отток избытка населения из ареала Сахарна-Солончень) позитивное влияние? Пока наилучшим вариантом будет ограничиться постановкой такого вопроса. Ответ на него смогут дать только дальнейшие исследования.

Обратимся к еще одному вопросу — к миграции, уводящей нас за пределы Карпато-Поднестровья. Отмечаем здесь проблему возникновения группы Инсула Банулуй.

Ранее мы высказали мысль о том, что генезис Инсула Банулуй произошел при активном участии носителей Козия[358]. Козия была не единственным участником этого процесса: облик орнаментации Инсула Банулуй демонстрирует очевидные и резкие отличия от облика Козии, свидетельствуя о весьма существенном участии нижнедунайских культурных элементов.

Данное событие представляет интерес в том отношении, что именно оно стало тем механизмом, который обеспечил появление в Сахарна-Солончень на фазе IV криволинейных штампов. Модель такого процесса хорошо известна и изучена на примере движения готов и других восточногерманских народов в Северное Причерноморье. В ходе этого движения возник эффект «обратного течения», когда инновации из Северного Причерноморья двигались в обратном направлении, навстречу миграционному потоку, достигая даже Скандинавии.

Аналогичным образом в ареал Сахарна-Солончень проникали и криволинейные штампы. Именно этим объясняется разрозненность, спорадичность и незначительность проявлений орнаментации керамики Сахарна-Солончень криволинейными штампами даже на фазе IV.

---

[358] Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011. С. 70. Прим. 8.

Таковы основные наблюдения и предложения, которые могут быть сформулированы на основе анализа динамики орнаментации керамики Сахарна-Солончень и последующего сопоставления с культурно-исторической динамикой раннего гальштата Карпато-Поднестровья в целом.

Обратимся к сопоставительному анализу орнаментации Сахарна-Солончень и КРШК Карпато-Поднестровья[359].

По результатам уточненного анализа погребальных комплексов в развитии Сахарна-Солончень выделяются пять фаз развития.

Для прочих культур КРШК Карпато-Днестровского региона подобных внутренних периодизаций пока создать не удалось (в силу меньшей продолжительности их существования), за исключением Тэмэоань, где усилиями А. Ласло и М. Брудиу стало возможным выделять ее более позднюю фазу Вынэторь (по эпонимному поселению). Однако, в результате длительной работы многих исследователей (А. Ласло, М. Брудиу, а также В.П. Ванчугова и О.Г. Левицкого, С. Моринца, П. Романа, Б. Хензеля, И. Харцуке и А.И. Мелюковой) удалось установить их взаимное хронологическое (отчасти и культурно-генетическое) соотношение.

Сегодня существует консенсус о том, что наиболее древние группы КРШК Карпато-Поднестровья — это Сихляну-Рымницеле и Балта, несколько позднее — Тэмэоань (с еще более поздней фазой Вынэторь) и Холеркань-Ханска, которые в принципе друг другу синхронны.

Культура Козия возникает позднее, когда Тэмэоань и Холеркань-Ханска уже прекращают свое существование, а позже возникает Сахарна-Солончень.

Однако, что касается Сахарна-Солончень, то традиционная точка зрения в своей оценке датировки не учитывала значительной длительности существования Сахарна-Солончень, исследователи ориентировались на материалы ее поздних фаз, отождествляя с их обликом культуру Сахарна-Солончень в целом. Из

[359] Романчук А.А. «Воля к барокко» и динамика орнаментации столовой керамики КРШК Карпато-Днестровского региона // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Том 4. №2 (14). С. 82–95.

представленной аргументации следует, что ранняя фаза Сахарна-Солончень, фаза Солончень-Хлиная, синхронна Балте и Сихляну-Рымницеле (и несколько древнее).

Итак, в дальнейшем анализе будем исходить из обоснованной ранее схемы развития КРШК, согласно которой у истоков КРШК Карпато-Поднестровья стоят памятники типа фазы Солончень-Хлиная культуры Сахарна-Солончень. Группа Балта представляет собой фактически их составную часть — ареалы Сахарна-Солончень и Балта смыкаются.

Группы Сихляну-Рымницеле, Тэмэоань и Холеркань-Ханска рассматриваются как результат ранних (на стадии Солончень-Хлиная) миграций из ареала Солончень-Хлиная в юго-западном направлении, в направлении Нижнего Дуная и последующего тесного взаимодействия с нижнедунайскими культурными общностями.

Культура Козия же возникает в результате еще более поздней миграции (на третьей фазе развития Сахарна-Солончень[360]) носителей Сахарна-Солончень в западном направлении.

Итак, очертив культурно-генетическое и хронологическое соотношение культур и культурных групп общности КРШК Карпато-Поднестровья, обратимся к анализу динамики орнаментации характерной для них керамики. Необходимо отметить, что на данном этапе исследования единственно методологически правильным подходом к такому анализу представляется вариант, исходящий из количественных показателей, характеризующих эту орнаментацию. Именно это позволяет перейти от ощущений и впечатлений, от же «буйства барокко» к твердой почве его научного анализа.

В качестве параметра, наиболее поддающегося количественной оценке, в данной случае предстает параметр «количество мотивов», т.е. количество более или менее определенно выделяемых элементарных паттернов узора и способов их

[360] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127.

организации в более сложные композиции. Несмотря на определенную долю субъективизма, которая очевидно будет влиять в данном случае на оценки исследователей, существует сложившийся консенсус, который позволяет в достаточной мере нивелировать фактор субъективизма, тем более, когда речь идет о статистике, составленной для всех групп одним и тем же исследователем, исходя из одних и тех же критериев.

В частности, для Сихляну-Рымницеле, Балта, Холеркань-Ханска и Тэмэоань обратимся к обобщающей рабое О.Г. Левицкого, которую и целесообразно принять для этих групп КРШК в качестве основного источника[361].

В работе О.Г. Левицкого приведены данные как по столовой керамике, так и по кухонной отдельно (что является очень большим плюсом). В данном исследовании сосредоточимся только на столовой керамике. Что же касается кухонной, то в целом для всех групп КРШК количество и набор мотивов и приемов орнаментации примерно одинаков. Так, для кухонной керамики[362] упомянутых выше ранних групп КРШК Карпато-Поднестровья отметим следующие показатели: Сихляну-Рымницеле — шесть мотивов (6); Тэмэоань (включая Вынэторь) — 7 мотивов; Холеркань-Ханска — 18 мотивов; Балта — 5 мотивов. В целом, эти показатели, 5–7 мотивов для орнаментации кухонной керамики, характерны и для культур Козия и Сахарна-Солончень[363], а также для Бабадаг[364].

Выбивается из ряда Холеркань-Ханска. Следует учитывать также характеристики орнаментации кухонной керамики КРШК в дальнейшем анализе. Специальное моделирование ее динамики не представляется необходимым.

---

[361] Iconomu C. Cercetările arheologice din cetatea Pocreaca-Iaşi // Arheologia Moldovei. 1996. № XIX. P. 21–56.

[362] Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 256. Pl. 15.

[363] Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. С. 296. Рис. XIV.

[364] Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices” SRL., 2008. P. 259–261. Tab. 1–3.

Переходя же к столовой керамике[365], укажем, что согласно приведенным О.Г. Левицким данным, для ее орнаментации характерны следующие показатели: группа Сихляну-Рымницеле — 17 мотивов; Тэмэоань (включая Вынэторь) — 29 мотивов; Холеркань-Ханска — 35 мотивов; Балта — 13 мотивов.

Необходимо уточнить, что в Сихляну-Рымницеле О.Г. Левицкий (вслед за некоторыми румынскими исследователями) включил отдельные, весьма немногочисленные находки фрагментов керамики с памятников культуры Бабадаг I (нижнедунайская культура КРШК; в своем генезисе связана с импульсами со стороны ранних групп КРШК Карпато-Поднестровья), атрибутируемые исследователями Сихляну-Рымницеле. Психологические мотивы такого подхода понятны: они призваны увеличить количество памятников Сихляну-Рымницеле, поскольку собственно Сихляну — это, по выражению А. Флореску, «два десятка черепков, найденных в неясном контексте».

Такое толкование Сихляну-Рымницеле представляется неоправданным. Если исходить из собственно Сихляну и Рымницеле, то количество мотивов орнаментации следовало бы резко уменьшить. А если учесть, что и Рымницеле есть нечто немного более позднее и все же отличное от Сихляну, то количество мотивов орнаментации столовой керамики Сихляну становится еще скуднее.

Впрочем, при дальнейшем анализе динамики орнаментации будем исходить из данных О. Г. Левицкого.

Что касается культур Козия и Сахарна-Солончень, то складывается неоднозначная ситуация. М.Т. Кашуба, со ссылкой на автореферат диссертации А. Ласло[366], указывает, что насчитывается пятьдесят три типа и варианта орнаментации и аксессуаров столовой керамики для культуры Козия[367]. Однако,

---

[365] Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256. P. 256. Pl. 17.

[366] László A. Hallstattul timpuriu şi mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi, 1985. P. 6–9.

[367] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 308.

обращение к самой работе А. Ласло[368] показывает, что в обоих местах, где он приводит результаты своих подсчетов, речь идет совокупно о столовой и кухонной керамике вместе.

Опираясь в анализе на опубликованные материалы Козия, можно полагать, что ориентация кухонной керамики Козия была все же не очень разнообразной и ограничивалась теми пятью мотивами, которые приведены в монографии М.Т. Кашуба[369].

В отношении столовой керамики Козия можно говорить о сорока восьми мотивах орнаментации.

Для Сахарна-Солончень нет готовых подсчетов. Однако, во-первых, имеется очевидный и общепризнанный факт, что орнаментация столовой керамики Сахарна-Солончень много сложнее и насыщеннее мотивами, нежели орнаментация культуры Козия. В частности, в Сахарна-Солончень представлены отсутствующие в Козия многочисленные мотивы (криволинейные штампы: S-видный, мотив «касательные к окружностям» и др.), представляющие собой влияния со стороны нижнедунайских культур КРШК (Бабадаг и Инсула Банулуй). Также можно отметить мотивы, являющиеся результатом влияния со стороны Белогрудовской, Чернолесской и Высоцкой культур, а также — в самом конце существования Сахарна-Солончень — со стороны культуры Басарабь-Шолданешть.

Во-вторых, можно получить более точные цифры, опираясь на опубликованные материалы, прежде всего на монографию М.Т. Кашуба. Из данных, приводимых М.Т. Кашуба в описании мотивов орнаментации[370], а также исходя из вообще опубликованных материалов, можно говорить о не менее чем

---

[368] László A. Hallstattul timpuriu şi mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi, 1985. P. 7, 13.
[369] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 296. Рис. XIV.
[370] Там же. С. 309–311.

восьмидесяти шести мотивах и композициях (составленных из отдельных мотивов более сложных фигурах) для столовой керамики.

Однако, в данном случае надо иметь в виду, что характеристика М.Т. Кашуба относится к фонду мотивов, использовавшихся для орнаментации столовой керамики на протяжении всего времени существования Сахарна-Солончень. При этом, с одной стороны, какие-то из мотивов, характерных для ранних фаз Сахарна-Солончень, позже выходили из употребления. В основном все мотивы, фиксируемые на ранних фазах Сахарна-Солончень, доживают до четвертой фазы ее существования.

С другой стороны, представляется ясным, что основная масса этого фонда мотивов возникает в орнаментации Сахарна-Солончень на поздних, третьей и особенно четвертой фазах[371], ее существования. На пятой же резко сокращается как количество комплексов, так и количество мотивов орнаментации столовой керамики.

Соответственно, если рассматривать распределение мотивов орнаментации керамики Сахарна-Солончень по фазам, то для первой фазы[372] представляется всего два мотива орнаментации столовой керамики и один — кухонной. Характерная особенность этой фазы (отчасти продолжающаяся и на второй) заключается в том, что значительное количество керамики вообще не орнаментировано.

Для фазы II насчитывается пять мотивов орнаментации столовой керамики и один — кухонной[373]. Для фазы III — пятнадцать мотивов орнаментации столовой керамики и три — кухонной[374]. Для фазы IV — двадцать два мотива

[371] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127.
[372] Там же. Таб. 1.
[373] Там же. Таб. 2.
[374] Там же. Таб. 4.

орнаментации столовой керамики и один — кухонной[375]. Наконец, для фазы V — два мотива орнаментации столовой керамики и три — кухонной[376].

Однако, принимая в расчет эти цифры, следует также иметь в виду, что это данные погребений. Часть мотивов орнаментации, фиксируемых по данным поселений Сахарна-Солончень, в погребениях отражения не нашла. Прежде всего это касается более редких мотивов — результатов внешних влияний со стороны нижнедунайских культур.

Помимо того, исходя из задач корреляционного анализа и размеров выборки, нет стремления к чрезмерно дробному выделению вариантов мотивов, наоборот, некоторые мотивы объединены в параметре «сложные композиции».

Представляется наилучшим вариантом отнести показатель в восемьдесят шесть мотивов орнаментации столовой керамики Сахарна-Солончень (с незначительной корректировкой в сторону уменьшения до восьмидесяти мотивов; точнее на данный момент указать не представляется возможным, но здесь важен сам порядок цифр, а он достаточно ясен) к четвертой фазе[377].

Итак, вот основные количественные показатели. Опираясь на них, приступим далее к моделированию динамики орнаментации.

Как представляется, наилучшим вариантом будет обобщение информации в виде двух графиков. В первом представим динамику орнаментации Сахарна-Солончень, исходя из материалов погребений этой культуры (рис. 6). Ранее она была показана в калиброванном (как отношение количества мотивов к количеству погребений фазы) виде[378], однако в данном случае представляется целесообразным (чтобы иметь сопоставимые данные) увидеть эту динамику как изменение количества мотивов.

---

[375] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. Таб. 5.
[376] Там же. Таб. 6.
[377] Там же.
[378] Там же. Таб. 3. Рис. 4.

Рисунок 7 — Динамика количества мотивов орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень (без учета частоты их использования)[379].

Как показывает график (рис. 7), наблюдается резкий, троекратный рост количества мотивов при переходе от фазы II к фазе III. Далее темпы роста существенно замедляются (для IV фазы целый ряд мотивов был обобщен в параметре «сложные композиции»; однако, картины это не изменит): прирост количества мотивов составил лишь порядка 50 % от предыдущего показателя. Такая динамика хорошо соответствует динамике ряда других параметров, в том

[379] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127. С. 121.

числе динамике такого ключевого параметра, как индекс трудозатрат при сооружении погребальных конструкций. Трудозатраты при переходе к фазе III возрастают более чем в два раза; при переходе к фазе IV прирост трудозатрат составил около 12 %.

Переход к V, заключительной фазе развития Сахарна-Солончень, сопровождался падением количества мотивов в десять раз — почти до нуля. Такая динамика полностью соответствует динамике прочих параметров, в том числе динамике индекса трудозатрат.

Разумеется, учет материалов поселений приведет к увеличению количества мотивов орнаментации заключительной фазы Сахарна-Солончень. Изменения будут не слишком значительными. И весьма существенно, что основная доля прироста количества мотивов будет связана с заимствованиями из фонда сменяющей Сахарна-Солончень новой, пришлой с Дуная (из района Железных Ворот) культуры Басарабь-Шолданешть. Собственный же фонд орнаментации Сахарна-Солончень на ее заключительной фазе существенно деградирует.

Остановившись на данных обстоятельствах в отношении Сахарна-Солончень, перейдем далее к общности КРШК Карпато-Поднестровья в целом (рис. 8). При моделировании динамики, игнорируя вопрос о родственных связях отдельных групп, необходимо рассмотреть их с точки зрения хронологической как этапы, своего рода хронологические срезы, развития КРШК в целом.

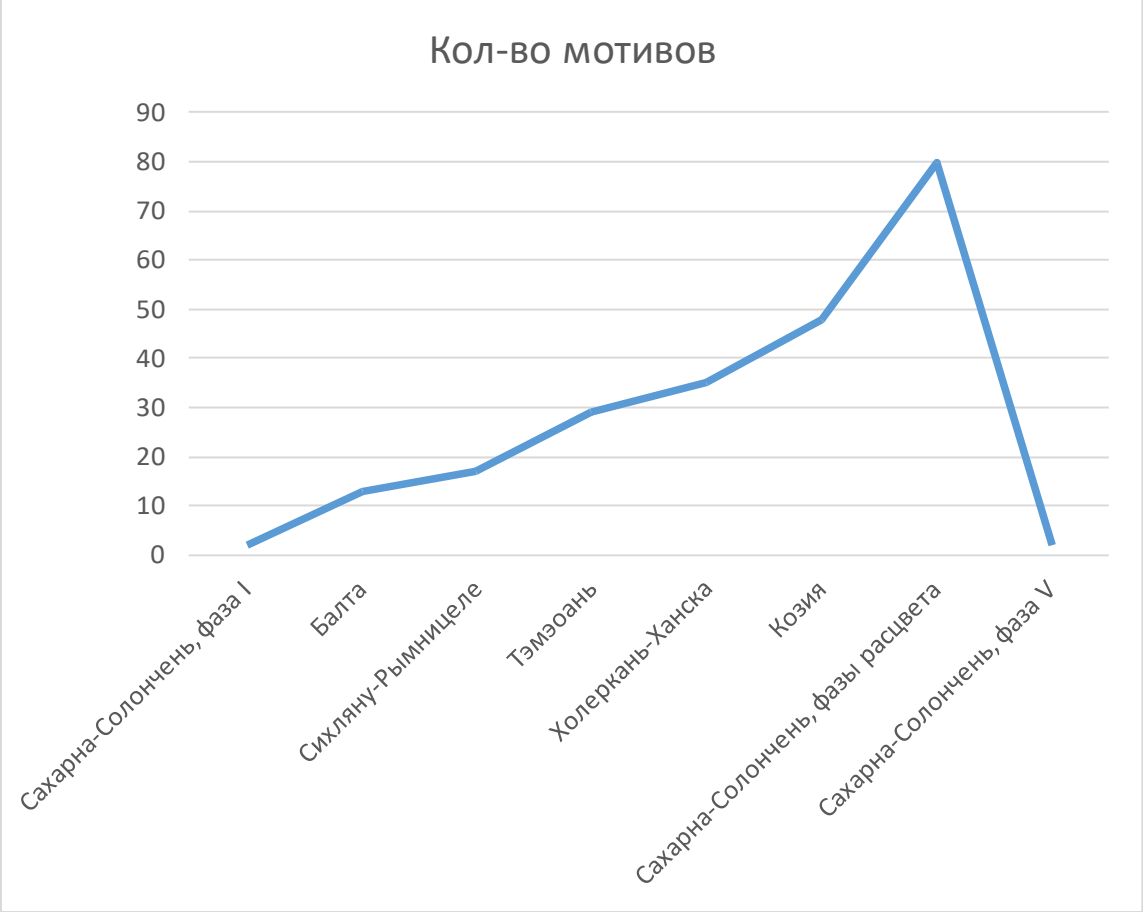

Рисунок 8 — Динамика количества мотивов орнаментации керамики КРШК Карпато-Поднестровья[380].

Отдельно можно выделить ранние группы КРШК, которые частично синхронны (при этом Сихляну-Рымницеле и Балта все же несколько древнее, а Тэмэоань и Холеркань-Ханска моложе), и возникающую позднее культуру Козия.

На графике хорошо выделяются два «плато», образуемые хронологически близкими группами. Первое образуют Балта и Сихляну-Рымницеле; близкие хронологически, они демонстрируют и сходные, достаточно низкие, показатели количества мотивов орнаментации. Причем, если рассматривать лишь собственно

[380] Романчук А.А. Демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата в Карпато-Днестровском регионе (12 – первая половина 8 в. до н.э.) : дисс. … магистра антропологии. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2008.

Сихляну и Рымницеле, то эти показатели будут еще ниже, и Сихляну-Рымницеле сблизится не с группой Балта, но скорее с фазой I Сахарна-Солончень[381].

Второе «плато» — группы Тэмэоань и Холеркань-Ханска. Прирост количества мотивов получается весьма существенный, практически в два раза. Такой рост соответствует увеличению, наблюдаемому при переходе к фазе II Сахарна-Солончень — именно с этой фазой Сахарна-Солончень данные группы КРШК в основном синхронны.

То, что показатели Холеркань-Ханска выше, чем у Тэмэоань, связано со сложным генезисом Холеркань-Ханска. Она испытывала сильнейшие влияния со стороны соседних культур Кишинев-Корлатень и Белозерка; в начальный период ее изучения эту группу пытались отнести к одной из этих двух культур.

Хронологически следующий этап в развитии КРШК связан с культурой Козия и фазой III в развитии Сахарна-Солончень. Количество мотивов орнаментации продолжает возрастать. Причем, если группа Холеркань-Ханска участия в генезисе Козия не принимала (как и Тэмэоань), а также учитывая изложенные выше причины девиации Холеркань-Ханска, то этот рост выглядит существенно выше, почти двукратным[382].

Этот тренд тоже соответствует рассмотренной выше динамике Сахарна-Солончень (рис. 7).

Наконец, тоже почти двукратный рост количества мотивов отмечается при сопоставлении Козия и Сахарна-Солончень на фазах расцвета (под которыми мы понимаются фазы III и IV).

Таким образом, моделирование динамики развития орнаментации КРШК Карпато-Поднестровья демонстрирует движение от мало-орнаментированной и

---

[381] Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127.

[382] Если исходить из более ранних подсчетов самого А. Ласло (подробнее см.: László A. Hallstattul timpuriu şi mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi, 1985. P. 7, 9, 13), где он указывает для Тэмэоань 23 мотива орнаментации (совокупно столовой и кухонной), а для Козия —53, то рост получается даже почти троекратным.

даже неорнаментированной керамики в начале развития этой общности ко все более насыщенной и разнообразной орнаментации. Процесс этот имел неравномерный характер, и наблюдаются периоды взрывного роста (прежде всего при переходе к третьей фазе развития Сахарна-Солончень) количества орнаментальных мотивов. Максимальные показатели этот параметр демонстрирует на предпоследней, IV фазе развития Сахарна-Солончень. На этой же фазе наблюдается и максимальная восприимчивость Сахарна-Солончень к внешним влияниям как со стороны нижнедунайских культур, так и северопричерноморских.

Следует также подчеркнуть, что с течением времени в Сахарна-Солончень площадь поверхности сосудов, покрытой орнаментом, увеличивается «многократно»[383]. Максимума этот процесс достигает на IV фазе развития Сахарна-Солончень.

Также для развития орнаментации КРШК характерен переход от открытых композиций, неограниченных (сверху или снизу) резными линиями к композициям закрытым, ограниченным линиями.

Итак, в развитии орнаментации КРШК с течением времени идет усложнение орнаментации, нарастание количества мотивов и наблюдается резко выраженная тенденция к тому, чтобы максимально заполнить орнаментируемую поверхность. Максимума все эти процессы достигают практически в конце существования КРШК Карпато-Поднестровья, на фазе IV Сахарна-Солончень.

На этой же фазе наблюдается максимальная инновативность в орнаментальном ансамбле Сахарна-Солончень и максимальная открытость к внешним влияния, особенно со стороны нижнедунайских культур КРШК. Последнее наблюдение вполне соответствует нашим ожиданиям от «фазы барокко».

---

[383] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 311.

Нельзя также сказать, что эта повышенная инновативность Сахарна-Солончень на фазе IV совпадает и с вымыванием из орнаментального фонда мотивов более ранних. Более ранние мотивы, иногда изменяясь и образуя новые комбинации, продолжают активно использоваться и далее.

На фазе IV Сахарна-Солончень в ней появляются и разнообразные «криволинейные» мотивы, как и следовало бы ожидать на «фазе барокко». Однако, весьма существенно, что эти «криволинейные» мотивы появляются в культуре Сахарна-Солончень не как результат ее собственного внутреннего развития, а как результат внешних влияний с Нижнего Дуная и Балкан (где культуры с характерной насыщенной и богатой криволинейной орнаментацией керамики типа Гырла Маре-Кырна-Жуто Брдо составляют доминирующий компонент культурного ландшафта еще с эпохи средней бронзы; можно было бы сказать, что, в полном соответствии с формулировкой известной работы Х. Ортега-и-Гассет[384], эти культуры действительно проявляют «волю к барокко»). Криволинейные мотивы достаточно редки в Сахарна-Солончень и составляют лишь периферийную часть ее орнаментального ансамбля.

Наконец, вопреки предположениям, следовавшим бы из концепции О. Шпенглера, фаза IV в развитии Сахарна-Солончень, «фаза барокко», представляет собой, несмотря на очевидное замедление темпов роста, не менее очевидную фазу расцвета этой культуры. Действительно, рост замедляется, но он продолжается и достигает своих максимальных значений (что особенно очевидно по индексу трудозатрат). Вряд ли можно охарактеризовать эту фазу как период упадка в развитии орнаментации керамики.

Заключительная, пятая, фаза развития Сахарна-Солончень (и КРШК Карпато-Поднестровья в целом) характеризуется упадком в развитии орнаментации. Однако, представляется очевидным, что причиной этого упадка были не

[384] Ортега-и-Гассет Х. Воля к барокко // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 151–155.

внутренние процессы в развитии культуры, а деструктивное внешнее влияние, инвазия носителей новых культур (прежде всего Басарабь-Шолданешть).

Выводы по Главе 2

Вторая глава исследования посвящена собственно анализу социокультурной динамики КРШК Карпато-Поднестровья — анализу поселенческо-демографической динамики и динамики орнаментации керамики.

Для решения этой задачи ключевое значение имеет разработка периодизации и относительной хронологии КРШК Карпато-Поднестровья.

Рассмотрев историографию основных попыток предложить варианты периодизации, подробно излагаем предложенную нами в 2008 году (и уточненную в 2011 году) пятиступенчатую периодизацию развития КРШК Карпато-Поднестровья, основанную на анализе материалов поселений. Как и высокая степень дробности, так и то, что эта периодизация основана на материалах поселений, делает ее оптимальным вариантом для анализа поселенческо-демографической динамики КРШК.

Итак, нами было предложено разделить, во-первых, развитие КРШК на две большие фазы: РШ I и РШ II. Репером между ними служит появление культуры Козия на территории, до этого занятой культурой Кишинев-Корлатень.

Фаза РШ I подразделяется на две субфазы. Временем их разделения стал импульс со стороны каннелированного гальштата, который привел к возникновению Кишинев-Корлатень и Белозерской культуры.

Фаза РШ II подразделяется на три субфазы: РШ IIа, РШ IIб и РШ IIс. Рубеж между РШ IIа и РШ IIб было предложено отнести к началу На B2/B3. Фаза же РШ IIс фактически маркирует собой уже постсахарнянские, пережиточные феномены, так или иначе отражающие контакты с культурой Басарабь-Шолданешть.

Анализ поселенческо-демографической динамики КРШК показал, что на притяжении всего периода существования культурно-исторической общности

КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона наблюдается демографический рост. Этот демографический рост сопровождался на ранних фазах периодическими выплесками избытка населения вовне, а также, на фазе РШ IIа, крупномасштабной колонизацией территорий между Реутом и Карпатами. Также, в течение первых трех фаз развития КРШК наблюдаем ускорение темпов демографического роста. Это предполагает, что демографический рост имел гиперболический характер.

Процесс демографического и территориального роста был прерван в конце периода РШ IIа каким-то внешним фактором, что привело к резкому сокращению ареала и его ограничению вновь лишь территорией Реуто-Днестровского междуречья. Однако это резкое сокращение ареала не остановило дальнейший демографический рост. Очевидно, что только новое воздействие извне окончательно прервало линию развития культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона.

В заключительном параграфе второй главы были представлены результаты анализа динамики орнаментации керамики наиболее значительной и значимой из культур КРШК Карпато-Поднестровья — культуры Сахарна-Солончень. Анализ этот опирался на материалы прежде всего погребальных памятников, и в его процессе удалось существенно уточнить предложенную автором ранее (совместно с А.Д. Якимовской) периодизацию развития Сахарна-Солончень.

Удалось показать, что и по материалам погребений развитие Сахарна-Солончень может быть разделено на те же пять фаз, что и по материалам поселений.

В заключительной части параграфа предпринимается сопоставление этих данных с динамикой эволюции орнаментации керамики КРШК Карпато-Поднестровья в целом.

Как показал анализ динамики развития орнаментации КРШК Карпато-Поднестровья, последняя демонстрирует движение от малоорнаментированной и даже неорнаментированной керамики в начале развития этой общности к все

более насыщенной и разнообразной орнаментации. Процесс этот имел неравномерный характер: наблюдаются периоды взрывного роста (прежде всего при переходе к третьей фазе развития Сахарна-Солончень) количества орнаментальных мотивов. Максимальные показатели этот параметр демонстрирует на предпоследней, IV фазе развития Сахарна-Солончень. При этом, что важно, на этой же фазе наблюдается и максимальная восприимчивость Сахарна-Солончень к внешним влияниям как со стороны нижнедунайских культур, так и северопричерноморских.

Наконец, фаза IV в развитии Сахарна-Солончень, «фаза барокко», представляет собой, несмотря на очевидное замедление темпов роста, не менее очевидную фазу расцвета этой культуры. Рост замедляется, но продолжается и достигает своих максимальных значений (что очевидно по индексу трудозатрат). Вряд ли можно охарактеризовать эту фазу как период упадка в развитии орнаментации керамики.

Заключительная, пятая, фаза развития Сахарна-Солончень (и КРШК Карпато-Поднестровья в целом) характеризуется упадком в развитии орнаментации. Однако, представляется достаточно очевидным, что причиной этого упадка были не внутренние процессы в развитии этой культуры, а деструктивное внешнее влияние, инвазия носителей новых культур (прежде всего Басарабь-Шолданешть).

ГЛАВА 3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА КАРПАТО-ПОДНЕСТРОВЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

3.1. Развитие материальной и духовной культуры Пруто-Днестровского междуречья в XIX – начале XXI века: Бессарабия, МССР и Республика Молдова

Анализ социокультурной динамики в Карпато-Днестровском регионе (Пруто-Днестровском междуречье) в XIX – начале XXI в. н.э. позволяет существенно обогатить и уточнить наше представление о тех закономерностях, которые характеризуют социокультурную динамику в культурных пограничьях.

Поскольку объектом исследования в данном случае являются общества современные (как хронологически, так и типологически) или близкие к ним, это, с одной стороны, облегчает стоящие перед исследованием задачи, с другой, наоборот, усложняет их.

Причина и облегчения, и усложнения задач фактически одна и та же. Это резкое приращение доступной для анализа информации в сравнении с обществами архаического типа, дописьменными.

Почему такое приращение информации облегчает работу, понятно без особых комментариев, почему усложняет — наверное, требует некоторых пояснений.

В самом сжатом виде эти пояснения сводятся к тому, что столь резкое приращение объема информации ставит исследователей в положение, когда «за деревьями трудно увидеть лес». Первоочередной задачей становится задача генерализации этой информации, выход на ограниченный круг важнейших параметров, «параметров порядка» (используя термин синергетики), которые, с одной стороны, будут достаточно просты и очевидны, чтобы можно было их использовать в квантитативном анализе, с другой же, будут адекватно отражать поведение анализируемой системы в целом.

При этом не следует забывать, что искомые параметры и проводимый на их основе анализ должны позволять получить данные, которые будут сопоставимы с данными, полученными в результате анализа социокультурной динамики архаических обществ.

Поиск таких параметров приводит к следующим результатам.

Во-первых, в качестве первого из ключевых параметров анализа, исходя из цели исследования и из клиодинамического подхода как такового, необходимо, следуя стандартной процедуре, избрать динамику численности населения.

Во-вторых, если для архаических обществ принимали во внимание динамику орнаментации керамики (как проявление социокультурной динамики из числа «параметров Шпенглера») и динамику строительства погребальных сооружений (динамику трудозатрат в престижно-сакральной сфере, сфере общественно-значимого потлачевидного престижного потребления), то в современных обществах керамика уже не играет той сакральной социокультурной роли, которую она имела в архаических обществах. Данные же по погребальным сооружениям отсутствуют в требующемся виде и полноте, делая их негодным для анализа объектом.

Для Бессарабии XIX века предлагаем в качестве адекватной и сопоставимой замены параметра, отражающего строительство в сакральной сфере и динамику трудозатрат в сфере общественно-значимого престижного потребления, использовать анализ динамики строительства каменных церквей, тем более что в этом отношении у нас имеются некоторые более ранние наработки[385]. Именно динамика строительства каменных церквей в Бессарабии XIX века позволяет получить любопытную и весьма информативную картину.

Для XX–XXI веков данный параметр уже недостаточно отражает динамику трудозатрат в сфере общественно-значимого престижного потребления — в силу как достижения процессом состояния, близкого к насыщению потребности

[385] Романчук А.А., Кроитор С.С. Святые — покровители церквей средневековой Молдовы (на территории Пруто-Днестровского междуречья) // Stratum plus. 2012. № 5. С. 237–258.

общества в церквях («одно село — одна церковь»; исключения составляли села, возникшие из слияния двух сел), так и (для МССР) политики советской власти в отношении церкви, в результате которой строительство новых церквей было попросту невозможно.

Для периода существования Молдавской ССР (МССР) и Республики Молдова необходимо искать иные параметры, о которых имеет смысл поговорить отдельно.

Начнем анализ с первого из предлагаемых нами параметров, рассмотрим период пребывания Бессарабии (как нередко именуется территория между Прутом и Днестром) в составе Российской империи и межвоенный период в составе Румынии.

Итак, начнем с представления динамики численности населения российской и румынской Бессарабии в целом.

Соответствующая информация представлена в монографии В.С. Зеленчука 1979 года[386], а также с некоторыми корректировками и дополнениями в более поздней работе И.В. Табак[387].

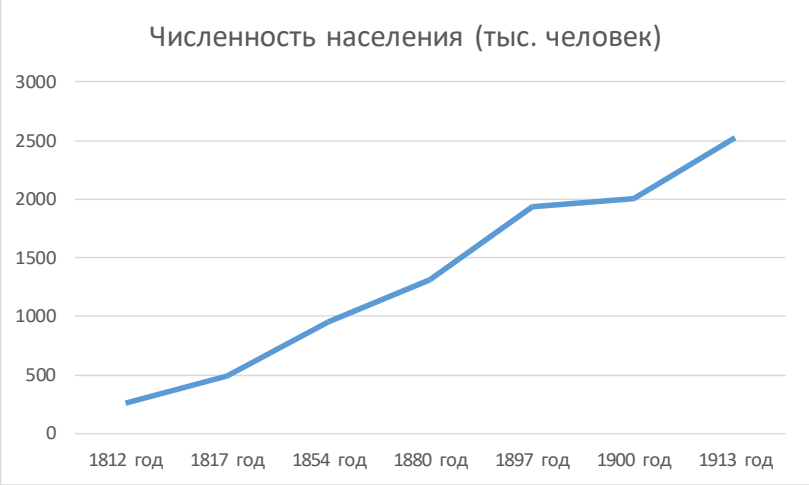

Рисунок 9 — Динамика численности Бессарабии в XIX – начале XX века[388].

[386] Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. С. 98.
[387] Табак И.В. Русское население Молдавии: численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 60.

Как следует из составленного на основании этих данных графика (рис. 9), население Бессарабии быстро росло в течение всего XIX века, но особенно интенсивным этот рост был в первой половине века, прежде всего в первые пять лет после вхождения Бессарабии в состав Российской империи, когда, согласно выводам В.С. Зеленчука, население Бессарабии выросло почти вдвое. Причиной чего автор считает как естественный прирост населения, так и особенно миграции[389].

Данный вывод В.С. Зеленчука требует определенной корректировки, основания для которой дают приводимые им же данные о динамике численности сел Бессарабии: по данным на 1812 год в Бессарабии насчитывалось 683 села[390], по переписи 1817 года — уже 1083 села[391], т.е. имел место рост количества сел почти в два раза за пять лет.

Однако, если обратиться к имеющимся данным по времени основания молдавских сел, то окажется, что большая часть из представленных показателей (1083 села) возникли ранее (намного раньше) 1812 года. Соответственно, в данном случае имеем дело с недостаточной точностью учета населения в 1812 году, что было связано с рядом факторов, в первую очередь с происходившими в результате русско-турецкой войны 1806–1812 годов временными внутренними (в пределах Молдавского княжества), но и не только внутренними, миграциями населения Бессарабии в поисках более безопасных мест, а также с тем, что население не стремилось попасть в поле зрения переписчиков.

---

[388] Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. С. 98; Табак И.В. Русское население Молдавии: численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 60.

[389] Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. С. 98.

[390] Там же.

[391] Там же. С. 99.

Тем не менее, даже принимая во внимание фактор недоучета, следует признать темпы роста численности населения Бессарабии в период 1812–1817 гг. весьма высокими. Основным источником этого роста была иммиграция.

Заслуживающим отдельного внимания фактом является то, что в первой половине XIX века численность населения Бессарабии особенно быстро возрастала в центральных и северных ее частях (Кишиневский и Хотинский уезды), и до 1812 года бывших наиболее населенными. Так, В.С. Зеленчук отмечает, что «если с 1812 по 1857 года население Бессарабии возросло в 3,7 раза, то в Хотинском уезде — в 11,5 раза»[392].

В.С. Зеленчук связывает этот факт с непосредственной близостью Хотинского уезда к Подольской губернии, откуда шел основной поток мигрантов.

Однако гораздо больший интерес представляет то, что данный пример наглядно демонстрирует степень недонаселенности даже самых населенных частей Бессарабии в 1812 году.

Другим значимым для нас фактом является то, что темпы роста населения в Бессарабии существенно превышали таковые в других районах Российской империи. Так, если с 1811 по 1863 гг. в большинстве районов Российской империи численность населения выросла в 1,07–1,96 раза, то в Новороссийском — в 2,78 раза. «Среди губерний Новороссийского района наивысший прирост наблюдался в Херсонской (в 3,59 раза) и в Бессарабской (в 3,42 раза), не считая Области войска Донского, где он был еще выше»[393].

Наивысшие темпы прироста населения в Российской империи XIX века демонстрировали новоосваиваемые, до того малонаселенные, области. Бессарабия выделяется даже среди них, занимая ведущее место[394].

Однако, этот «золотой век» роста численности населения Бессарабии был весьма недолог. Уже к середине XIX века Бессарабия начинает отставать от

---

[392] Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. С. 100.
[393] Там же. С. 101.
[394] Там же. С. 101–104.

других губерний Новороссийского района по темпам роста численности населения[395].

В конце XIX века фактически происходит стагнация роста населения.

Фиксируемая стагнация роста численности населения весьма выразительно сочетается с характерными тенденциями в сельском хозяйстве Бессарабии, очень четко обозначенными уже современниками.

Найлучшим образом иллюстрирует сложившуюся ситуацию сборник «Бессарабия», изданный в 1903 году: «Прошло то время, когда Бессарабская губерния не только считалась, но и в действительности была одною из богатейших житниц юга России. Казавшаяся, не более тридцати лет тому назад, почти неистощимою, почва губернии не могла до бесконечности давать счастливые урожаи, не получая обратно извлекаемых из нее растениями веществ. Установившаяся почти повсеместно, особенно в крайне малоземельных резешских имениях, своеобразная трехпольная система, — при которой земля в первый год засевается кукурузой, во второй — рожью, пшеницею, просом или ячменем, а затем один год остается «под паром» или обращается в выгон, чтобы после того снова быть засеянной кукурузой, — привела к сильному истощению почвы. К естественному удобрению земли прибегают крайне редко, ввиду недостаточности у крестьян рабочего скота; искусственные же удобрения известны лишь в крупных и притом образцовых хозяйствах. Частые засухи или ливни не вовремя, объясняемые истреблением значительной части лесов, — этих регуляторов выпадения атмосферных осадков, — нередко губят и уродившиеся уже хлеба и травы. <...> Все эти условия чаще и чаще приводят к неудовлетворительным сборам хлебов и трав в тех или других местностях губернии; иногда же, как, напр., в 1891–1892 гг., вызывают повсеместный неурожай, или, как в 1899 и 1900 годах, — в весьма обширных районах губернии.

[395] Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. С. 101–104.

В подобных случаях является необходимость приходить на помощь населению выдачею ссуд как на продовольствие, так и на обсеменение полей»[396].

Отметим, что, несмотря на столь печальную ситуацию в сельском хозяйстве, рост населения в Бессарабии в начале XX века не только не остановился, но даже некой стагнации снова ускорился.

Принимая во внимание очевидный временной лаг, можно сделать следующий вывод: рост численности населения шел синхронно с той, весьма плачевной ситуацией в сельском хозяйстве (в производстве пищи) Бессарабии, которая была на начало XX века описана П. Крушеваном.

Ситуация в Бессарабии начала прошлого века развивалась по той же модели, которая была рассмотрена в связи с феноменом так называемой Букеевской орды[397].

Обратимся к динамике строительства каменных церквей Бессарабии XV–XIX веков.

Рисунок 10 — Динамика строительства каменных и кирпичных церквей в Бессарабии в XV — начале XX вв.[398]

[396] Крушеван П.И. Бессарабская губерния в начале XX века : краткий статистический обзор // Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник / отв. ред. П.И. Крушеван. М.: Газета «Бессарабец», 1903. С. 39–70. С. 45–46.

[397] Романчук А.А. Модель Голдстоуна – Нефедова – Турчина и ее объяснительные возможности // Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов / ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2008. С. 144–149.

Следует отметить, что на начало XIX века основное количество церквей Бессарабии, порядка 95 %[399], были деревянными и в большинстве своем каркасно-плетневыми («хворостяными»), обмазанными глиной. Широкое строительство каменных церквей в Бессарабии разворачивается после 1812 года, с вхождением края в состав Российской империи.

Если на начало XIX века насчитывалось, по данным И. Халиппы, всего лишь 40 каменных и одна кирпичная церковь в Бессарабии[400], то затем происходит резкий скачок. К началу XX века количество каменных (781 единица) и кирпичных (37 единиц) церквей возрастает в двадцать раз и достигает 818 единиц[401].

Такой скачок в сфере общественно-значимого престижного потребления является индикатором резкого роста благосостояния населения края.

Вполне коррелирует с этим рост численности населения Бессарабии; за этот же период оно выросло очень резко (в 10 раз) и сопоставимо с темпами роста количества церквей.

Весьма интересно рассмотреть этот процесс более детально, прояснив, как именно в течение XIX века шел рост количества каменных церквей в Бессарабии.

В анализ были вовлечены только интегрированные данные по количеству церквей вообще в Бессарабии (без разделения на каменные и деревянные / каркасно-плетневые) на определенные, реперные даты в интервале

---

[398] Халиппа И.Н. Сведения о состоянии церквей Бессарабии 1812–1813 гг. [Электронный ресурс] // Труды Бесса рабской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Т. III. Кишинев. URL: http://oldchisinau.com/lib/files/SostoianieTserkveivBesarabii1812–1813gg-Halippa%28BGUAK1907%29.pdf (дата обращения: 03.10.2020); Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://drevo-info.ru/articles/11327.html (дата обращения: 15.06.2021).

[399] Халиппа И.Н. Сведения о состоянии церквей Бессарабии 1812–1813 гг. [Электронный ресурс] // Труды Бесса рабской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Т. III. Кишинев. URL: http://oldchisinau.com/lib/files/SostoianieTserkveivBesarabii1812–1813gg-Halippa%28BGUAK1907%29.pdf (дата обращения: 03.10.2020). С. 295.

[400] Там же. С. 295.

[401] Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://drevo-info.ru/articles/11327.html (дата обращения: 15.06.2021).64

XIX — первой половины XX веков (учитывая период румынской Бессарабии), приведенные в «Православной энциклопедии» по Кишиневской епархии[402].

Однако процесс строительства церквей в Бессарабии в течение XIX века представлял собой преимущественно процесс строительства каменных церквей и замещения ими церквей деревянных / каркасно-плетневых, что с определенными оговорками можно сопоставить с приведенными выше данными по каменным церквям Бессарабии.

Рисунок 11 — Динамика строительства церквей Бессарабии в XIX – первой половине XX века[403].

Итак, если на 1844 год насчитывалось 905 церквей в Бессарабии, то к следующей реперной дате, 1855 году, их количество увеличилось весьма незначительно — до 961 церкви. К 1882 году количество церквей Бессарабии составило 1026 единиц и к 1940 году (концу румынского периода в истории Бессарабии) ненамного больше всего лишь 1090 церквей.

---

[402] Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/1841177.html (дата обращения: 15.06.2021).

[403] Халиппа И.Н. Сведения о состоянии церквей Бессарабии 1812–1813 гг. [Электронный ресурс] // Труды Бесса рабской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Т. III. Кишинев. URL: http://oldchisinau.com/lib/files/SostoianieTserkveivBesarabii1812–1813gg-Halippa%28BGUAK1907%29.pdf (дата обращения: 03.10.2020); Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

Таким образом, наиболее высокими темпы роста количества церквей Бессарабии характеризуется первая половина XIX века. Уже к середине XIX в. темпы роста количества церквей резко замедляются и остаются крайне низкими на протяжении всей второй половины: происходит выход на плато насыщения.

Этот процесс вполне коррелирует с темпами роста численности населения Бессарабии, которые также существенно замедляются именно с середины XIX века.

В период пребывания Бессарабии под властью Румынии (1918–1940 гг.) строительство церквей, если исходить из простого сопоставления цифр на 1882 и 1940 гг., будет выглядеть весьма незначительным. Однако здесь как раз возникает ситуация, когда простое сопоставление будет некорректным. Согласно данным, приведенным в той же «Православной энциклопедии», за румынский период в Бессарабии было построено сто церквей и столько же восстановлено.

За два десятилетия румынского периода было в совокупности построено и восстановлено двести церквей: в среднем по две церкви в год. Что хоть весьма уступает темпам строительства церквей в Бессарабии в первой половине XIX века, все же является достаточно высоким показателем, более высоким, чем показатели второй половины XIX – начала XX веков.

Тем интереснее сопоставить темпы строительства церквей Бессарабии в румынский период и темпы роста численности населения за этот же период, поскольку в румынский период рост численности населения Бессарабии еще более замедляется (рис. 12).

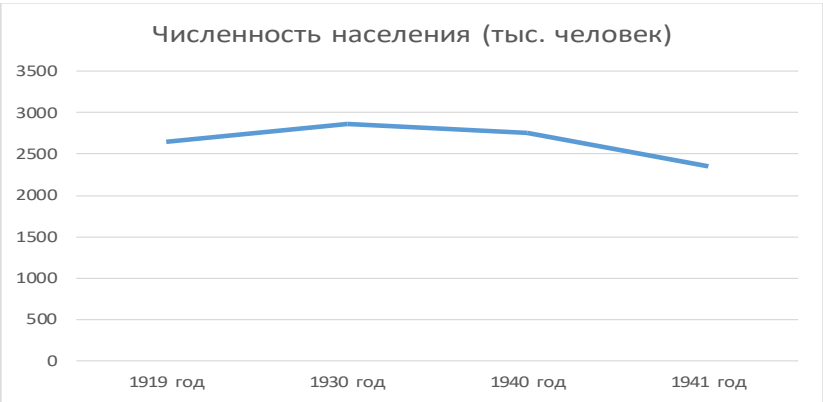

Рисунок 12 — Динамика численности населения Бессарабии под властью Румынии (1918–1940 гг.)[404].

Из графика (рис. 12) следует, что речь должна идти об отрицательной динамике численности населения Бессарабии в румынский период.

Однако, комментируя эту динамику (рис. 12), необходимо учитывать, что при образовании Молдавской ССР в 1940 году часть районов Бессарабии отошли Украинской ССР вместе с населением. Румынская же перепись августа 1941 года проводилась в условиях войны и связанных с ней гибелью и перемещениями населения.

Тем не менее, даже с учетом всех необходимых корректировок, можно говорить, что население Бессарабии в румынский период практически не росло.

Как следует из приводимых И.В. Табак данных, на 1919 год в Бессарабии насчитывалось 2642 тыс. человек; на 1930 год — 2864 тыс. человек[405]; и на 1941 год — 2357 тыс. человек[406].

Такие цифры вполне объяснимы, если учесть, что в 20–30 гг. XX века смертность в Бессарабии была выше, чем в Румынии, а в 1936 году смертность в Кишиневе на 40 % превысила рождаемость.

Наряду с высокой смертностью в этот период наблюдается массовая эмиграция — по масштабам большая, чем миграции первой половины XIX века. По расчетам В.С. Зеленчука, приведенным И.В. Табак, только с 1922 по 1930 год Бессарабию покинули 300 тыс. человек[407].

Таким образом, на фоне практической остановки роста численности населения Бессарабии в румынский период темпы строительства церквей в крае в

---

[404] Табак И.В. Русское население Молдавии: численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 66–75.

[405] Халиппа И.Н. Сведения о состоянии церквей Бессарабии 1812–1813 гг. [Электронный ресурс] // Труды Бесса рабской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Т. III. Кишинев. URL: http://oldchisinau.com/lib/files/SostoianieTserkveivBesarabii1812–1813gg-Halippa%28BGUAK1907%29.pdf (дата обращения: 03.10.2020). С. 67–68. Таб. 5.

[406] Там же. С. 75. Таб. 9.

[407] Там же. С. 66.

этот же период выглядят особенно диспропорциональными. Рассматривая строительство церквей как параметр, отражающий и аккумулирующий в себе динамику трудозатрат в сфере общественно-значимого престижного потребления данного общества, можно отметить, что, несмотря на серьезное ухудшение условий жизни населения (что приводило к высокой смертности и массовой эмиграции), динамика трудозатрат в сфере общественно-значимого престижного потребления в Бессарабии растет в румынский период весьма существенно и непропорционально экономическим возможностям общества.

Возможность подобных парадоксов обсуждалась ранее[408] при рассмотрении некоторых ключевых теоретических положений клиодинамики.

Обратимся к ситуации в МССР и Республике Молдова и начнем с динамики численности населения.

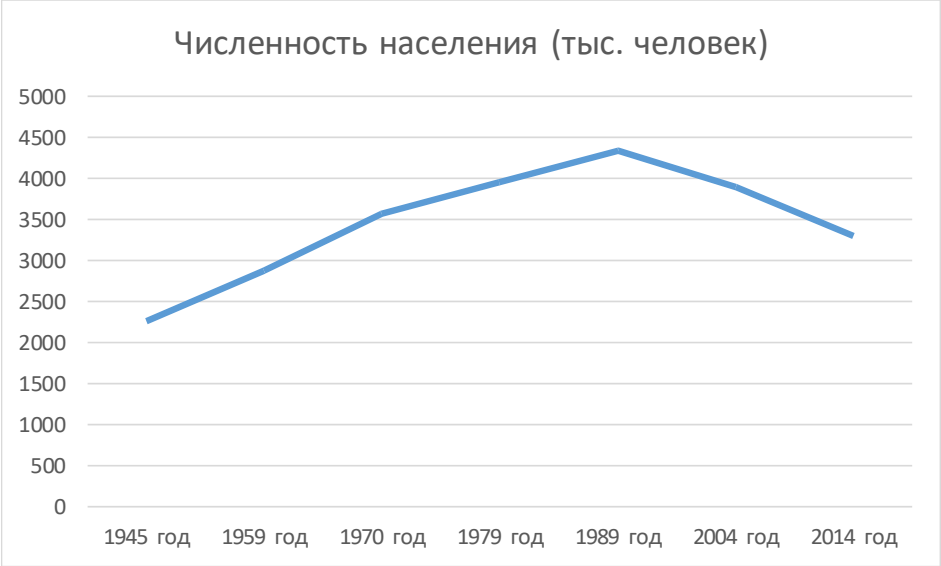

Рисунок 13 — Динамика численности населения МССР и Республика Молдова (1945–2014 гг.)[409].

[408] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438; Романчук А.А. Модель Голдстоуна – Нефедова – Турчина и ее объяснительные возможности // Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов / ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2008. С. 144–149.

Как можно видеть из приведенного графика (рис. 13), население МССР быстро росло в период с 1945 по 1975 г. В следующее двадцатилетие рост продолжался, хоть темпы его и замедлились.

Согласно данным всесоюзных переписей, приведенных И.В. Табак, в МССР на 1959 год насчитывалось 2885 тыс. человек; на 1970 год — 3569 тыс. человек; на 1979 год — 3949,7 тыс. человек[410].

С 1989 года начинается резкое и длительное снижение, продолжающееся и по сегодняшний день.

И хотя для временного отрезка после 1989 года необходимо учитывать демографические потери, которые пришлись на отделившиеся районы Приднестровья (где возникла непризнанная Приднестровская Молдавская Республика, ПМР), данная коррекция не меняет характера тренда: численность населения Республики Молдова в 90-е годы прошлого века перестала расти, а в первые десятилетия нынешнего даже снижалась

Так, на 1989 год численность населения МССР составляла 4335,6 тыс. человек. На 2004 год — только 3383,3 тыс. человек (без учета населения ПМР)[411]. Принимая во внимание, что население ПМР на 2014 год составило около 500 тыс. человек[412], можно составить картину реального снижения численности населения Республики Молдова в первое десятилетие ее существования.

---

[409] Табак И.В. Русское население Молдавии: численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев: Штиинца, 1990; Галущенко О.С. Численность украинского населения Республики Молдова и молдавского населения Украины в 1897–2014 гг. // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2019. № 3 (9). С. 101–120; Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

[410] Халиппа И.Н. Сведения о состоянии церквей Бессарабии 1812–1813 гг. [Электронный ресурс] // Труды Бесса рабской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Т. III. Кишинев. URL: http://oldchisinau.com/lib/files/SostoianieTserkveivBesarabii1812–1813gg-Halippa%28BGUAK1907%29.pdf (дата обращения: 03.10.2020).109, с. 87, таб. 14

[411] Галущенко О.С. Численность украинского населения Республики Молдова и молдавского населения Украины в 1897–2014 гг. // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2019. № 3 (9). С. 101–120. С. 118. Таб. 8.

[412] Там же.

На 2014 год численность населения Республики Молдова составила всего 2804,8 тыс. человек[413]. Хотя к переписи 2014 года существуют серьезные нарекания в плане точности и достоверности данных, однако, если пытаться корректировать ее результаты в сторону повышения, радикально ситуация не изменится.

Результаты переписи вполне коррелируют с теми выводами, к которым приходит автор диссертационного исследования на основании непосредственных впечатлений от окружающей действительности современной Республики Молдова. Молдавские села опустели, причем некоторые полностью. Значительная часть их населения, формально считаясь продолжающей проживать по месту прописки, фактически большую часть года пребывает на заработках за рубежом, иногда не приезжая годами. С учетом этого факта перепись 2014 года, скорее завысила численность реально проживающего на территории Республики Молдова населения, нежели занизила.

У любого жителя Республики Молдова найдутся среди знакомых хоть несколько человек (нередко — десятки), которые эмигрировали либо в Россию, либо в Европу.

Такая катастрофическая (официальные оценки властей Республики Молдова) ситуация с воспроизводством населения в стране имеет очевидные социально-экономические причины, наглядно отраженные в экономической статистике. Причиной масштабной эмиграции и снижения рождаемости служит длительное, серьезное и продолжающееся ухудшение экономического положения населения Республики Молдова.

Экономическая статистика весьма полно отражает это ухудшение, но для целей исследования вполне достаточно рассмотреть показатель, который ее интегрирует и адекватно отражает. Предлагаем обратиться к статистическим

[413] Там же.

данным по домостроительству[414] на протяжении рассматриваемого временного отрезка.

Рисунок 14 — Динамика домостроительства в МССР и Республике Молдова (1945–2014 гг.)[415].

Как можно видеть из приведенного графика (рис. 14), резкий рост в этой сфере наблюдается на отрезке 1945–1960 гг. Происходит фактически четырехкратный рост жилого фонда в МССР.

Затем следует десятилетие замедленного роста, практически стагнации в сфере домостроительства, и новый этап ускорения роста на отрезке 1970–1980 гг., хотя весьма уступающий по масштабам периоду 1945–1960-х гг.

1980 год стал как годом достижения максимальных показателей данного параметра, так и годом, с которого начинается падение объемов домостроительства в МССР.

Такая датировка вполне коррелирует с теми экономическими процессами, которые начались накануне и в эпоху Перестройки и завершились экономической катастрофой падения СССР.

---

[414] Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

[415] Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

Интересен факт, что если говорить о сфере потлачевидного престижного потребления, то в 80-е годы престижное потребление в МССР продолжает нарастать.

На данный момент нет адекватного параметра (соответствующих статистических данных) для изучаемого периода, которые позволили бы провести количественный анализ этого процесса и наглядно представить характер происходивших изменений.

Однако, если прибегнуть к анализу собственных наблюдений того времени (назвать их включенным наблюдением будет некорректно, однако можно было бы обозначить как *ретроспективное* включенное наблюдение), то весьма характерным процессом было сохранение (вопреки введению в эпоху развитой Перестройки талонов на некоторые продукты) жителями МССР в 80-е годы прошлого века весьма высоких расходов (даже их увеличение) на организацию свадеб, крестин, похорон, поминок и проводов в армию.

Именно в это время нередки сельские свадьбы, на которые приглашают по полтысячи гостей. На похоронах и поминках организуются весьма масштабные раздачи материальных благ, так что приходилось даже слышать осуждающие оценки со стороны людей старшего поколения, сравнивавших такие поминки и похороны со свадьбами.

Причин такого развития процессов престижного потребления в 80-е годы прошлого века было несколько. Прежде всего, это инерция общественного сознания, которое в предыдущие, весьма «тучные» 60–70-е гг., успело выработать определенные стандарты и ориентиры престижного потребления. Соответственно, в новое, уже достаточно голодное время, люди продолжали «затягивать пояса» и тратить на престижное потребление много больше, чем могли себе позволить.

Второй причиной можно считать то, что на руках у населения (как на сберкнижках, так и собственно на руках) к тому времени скопилось очень много необеспеченных потребительскими товарами денег. Не имея возможности тратить их естественным образом, на удовлетворение собственных насущных

потребностей, население имело возможность потратить их в различных потлачевидных ритуалах традиционной культуры.

Необходимо отметить, что и в сфере домостроительства в это время определенную часть строительства можно отнести к сфере престижного потребления. Дело в том, что часть сельского населения строила новые дома не для того, чтобы в них жить, а ради престижа.

Выстроив огромное, по меркам сельской Молдовы, здание, иногда и двухэтажное, семья нередко продолжала ютиться в стоящей рядом «кухне» — одно-двух, редко трехкомнатной постройке хозяйственно-подсобного характера. Большой новопостроенный дом открывался только по случаю больших праздников и приема гостей.

В распоряжении автора диссертации нет соответствующих статистических данных, которые позволили бы дать количественную оценку данному процессу и превратить его в поддающийся формальному измерению параметр. Вышеуказанную информацию можно использовать как определенный ориентир, индикатор существования отмеченных тенденций в данном обществе, но не как индикатор степени их проявленности и характерности[416].

В этой связи обратимся далее к анализу той части социокультурной динамики, которая не относится ни к клиодинамической триаде, ни даже к тетраде, но может рассматриваться как значимый индикатор происходящих в обществе изменений, т.е. к одному из параметров социокультурной динамики, которые следует атрибутировать группе, обозначенной нами как «параметры Шпенглера».

---

[416]Применительно к динамике домостроительства, обратим внимание на еще один весьма любопытный факт: начиная с периода 2001–2005 гг. фиксируется новый период роста в сфере домостроительства. И продолжается он вплоть до последней реперной даты — до 2014 года. Факт примечателен тем, что если до 2008 года в Республике Молдова при правительстве ПКРМ (Партии Коммунистов Республики Молдова) шло определенное и достаточно значительное улучшение как экономической ситуации, так и благосостояния граждан, то с 2008 года — начала мирового финансового кризиса, и особенно 2009 года, когда ПКРМ теряет власть, происходит резкое и весьма существенное ухудшение и в экономике, и в благосостоянии граждан. Тем не менее, сфера домостроительства, испытав в это период определенные проблемы, реагирует, как видим, парадоксальным образом — существенным ростом. Причины этого роста лежат на поверхности и объясняются в итоге притоком ресурсов извне.

Для архаических обществ в таком качестве используется анализ динамики орнаментации керамики. Для современных обществ орнаментация керамики подобной роли уже не играет и как индикатор использоваться не может.

Однако есть возможность увидеть эту часть социокультурной динамики в Республике Молдова за последние три десятилетия через такой, весьма любопытный параметр, как издание книг, газет и журналов. Соответствующие статистические данные представлены на сайте Национального бюро статистики Республики Молдова[417].

Начнем с динамики издания книг, определяющейся в количестве изданных наименований.

Рисунок 15 — Динамика издания книг и брошюр в Республике Молдова (1995–2020 гг.)[418].

Итак, как видим из приведенного графика (рис. 15), объем издания книг и брошюр непрерывно нарастал на отрезке с 1995 по 2006 гг. Затем последовал определенный спад, но уже с 2009 года начинается новый, хоть и не столь резкий

[417] Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).
[418] Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

подъем. К 2012 году объем издания книг и брошюр вновь выходит на уровень 2007 года, на котором, с незначительными изменениями, сохраняется вплоть до 2017 года. С 2017 следует новый спад, сменившийся относительным подъемом лишь в 2020 году.

В целом можно говорить, что с 2006 года динамика книгоиздательства в Республике Молдова выходит на плато, на котором находится вплоть до сегодняшнего дня.

Представим также динамику по журналам и газетам (рис. 16, 17).

Рисунок 16 — Динамика издания журналов в Республике Молдова (1995–2020 гг.), количество изданий)[419].

Как видим, динамика издания журналов (рис. 16), с определенными отличиями, но повторяет динамику издания книг. Максимальные значения по объему издания достигаются почти синхронно с динамикой книгоиздательства в 2007 году, но затем следует перманентный и нарастающий с течением времени спад с незначительным подъемом в 2014 году.

[419] Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

Рисунок 17 — Динамика издания газет в Республике Молдова (1995–2020 гг.)[420].

Издание газет (рис. 17) достигает пика в 2008 году, а затем идет резкий спад практически без подъемов. Уже с 2010 года объем изданий газет опускается ниже значения, зафиксированного на старте наблюдений, в 1995 году. А к 2020 году объем изданий газет в Республике Молдова был ниже стартового значения почти в два раза.

Стоит заметить, что аналогичные тенденции демонстрирует и динамика издания газет на румынском языке (рис. 18).

[420] Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

Рисунок 18 — Динамика издания газет на румынском языке в Республике Молдова (1995–2020 гг.)[421].

В представленной динамике происходят практически синхронные изменения на отрезке 2006–2008 гг.: проявляется общая тенденция к снижению издательской активности. Причины этого снижения — вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Однако, вне зависимости от его причин, крайне интересен тот рост, который издательская деятельность демонстрировала на отрезке 1995–2007 гг.

В условиях снижения численности населения, вызванной постигшей Республику Молдова после развала СССР экономической катастрофой, наблюдается нарастающая активность в сфере, которую нельзя отнести к насущно-необходимой — в издании книг, журналов и особенно газет[422].

---

[421] Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

[422]Причем стоит подчеркнуть, что экономических причин, по которым иностранные издатели стали бы переносить производство в Республику Молдова, нет. Наоборот, более высокая, в

Такую динамику следует связывать в том числе и с тем, что Республика Молдова располагается в «культурном междумирье». Соответственно, с той нарастающей, и все более ожесточенной политической борьбой, которая началась в Республике Молдова еще в 1980-е гг., и при активной поддержке извне (со стороны Румынии) динамика нарастала в последующие десятилетия.

Своеобразным апогеем этой борьбы стали события 7 апреля 2009 года, когда инспирируемые извне протестующие захватили президентуру и парламент Республики Молдова.

Тем не менее, констатируя вышеотмеченный факт социокультурной динамики Пруто-Днестровского междуречья в период существования Республики Молдова, вопрос о причинно-следственных связях в рамках данного феномена полагаем требующим дальнейшего осмысления.

Таким образом, подводя итоги главы, можно сказать, что изучение социокультурной динамики современных (и близких к ним типологически и хронологически) обществ Пруто-Днестровского междуречья позволяет установить ряд важных фактов, имеющих в том числе теоретическое значение для клиодинамики, равно как и теории и истории культуры в целом.

3.2. Циклы социальной эволюции: теоретическое осмысление

Обсуждение полученных результатов анализа социокультурной динамики архаических и современных обществ Карпато-Днестровского «культурного междумирья» и их теоретическое осмысление необходимо начать с более подробного представления той теоретической парадигмы, в рамках которой было реализовано наше исследование — клиодинамики.

сравнении со всеми соседними странами, стоимость производства энергии в Республике Молдова, побуждает издателей из Республики Молдова переносить свою деятельность в Российскую Федерацию, как, в частности, поступил владелец известного в России издательства «Нестор-История» С.Е. Эрлих (значительная, по крайней мере, часть российских научных публикаций, получающих государственные гранты на издание, выходит именно в этом издательстве).

Итак, клиодинамика, или историческая динамика — сравнительно новая, нарождающаяся научная дисциплина. Хотя в рамках подхода исторической динамики работает сегодня уже достаточно много исследователей. Отметим здесь лишь часть из них: А.В. Коротаева, П.В. Турчина, С.А. Нефедова, Н.С. Розова, Л.Е. Гринина, Л.И. Бородкина, С.Ю. Малкова, А.С. Малкова, Н.В. Митюкова. Сформировалось определенное научное сообщество, именующее себя клиодинамикой (термин П.В. Турчина), издаются сборники, объединяющие представителей этого научного направления (прежде всего альманах «История и математика»).

Впервые термин «историческая динамика» предложил П.В. Турчин[423]. Однако, назвав свою книгу «Историческая динамика: на пути к теоретической истории», самого определения понятия исторической динамики он фактически не дал, поскольку оно кажется весьма прозрачным. Тем не менее, такое определение должно присутствовать в работе, посвященной культурно-исторической динамике.

К тому же, при более пристальном внимании к этому вопросу задача оказывается уже и не такой простой.

В качестве отправной точки заметим, что П.В. Турчин предлагает определение динамики как «дисциплины, изучающей объекты, меняющиеся со временем»[424]. Однако при попытке применить это определение к историческим процессам, мы оказываемся в затруднении, поскольку история изначально позиционировала себя как дисциплину, изучающую именно объекты, меняющиеся со времене, т.е. не совсем понятно, чем историческая динамика отличается от истории.

Не снимает этого затруднения и тезис П.В. Турчина о том, что «основа динамики — это изучение механизмов, которые вызывают колебания и

---

[423] Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007.
[424] Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007. С. 39.

объясняют наблюдаемые траектории»[425]. История, пожалуй, если не со времен Геродота, то со времен Фукидида, своей главной задачей видит как раз выяснение причинно-следственных связей и объяснения причин исторических событий.

Исходя из тех задач, которые П.В. Турчин ставит в своей работе, и методов, которые он применяет для их решения, можно принять, что историческая динамика — это дисциплина, претендующая именно на постижение истории с помощью математических методов. Таким образом первый и важнейший шаг для перехода от истории к исторической динамике заключается в том, чтобы пытаться выявить количественные характеристики исторических процессов и выяснить изменения этих количественных характеристик во времени, что и составляет предмет исторической динамики.

Вопрос о теоретических основаниях исторической динамики имеет два уровня. На первом уровне, мировоззренческом или стратегическом, историческая динамика бесспорно вырастает из синергетической парадигмы и теории систем. Это следует из высказывания П.В. Турчина, согласно которому подход исторической динамики заключается в том, что «явление, как таковое, мысленно рассматривается как результат взаимодействия различных объектов. Это — динамический системный подход, в котором целое явление представляется как система, состоящая из нескольких взаимодействующих элементов (или подсистем, так как каждый элемент может быть представлен как подсистема более низкого уровня)»[426].

На втором уровне, тактическом, перед исторической динамикой встает важный вопрос, исходя из какой теории истории (или социологической теории) она будет как выявлять процессы, или динамические системы, так и объяснять их поведение. И этот вопрос тем сложнее, чем большее количество существующих подходов к теоретическому объяснению истории принимает во внимание исследователь. А количество их уже очень велико (Ю.И. Семенов, предлагая

[425] Там же.
[426] Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007. С. 39.

всего лишь краткий очерк наиболее важных из них, едва уложился в своей работе «Философия истории» (2003) в восемьсот страниц), и, что немаловажно, продолжает расти.

Сам П.В. Турчин, рассматривая территориальную динамику аграрных государств, использовал для этого на равных четыре социологические теории[427], а именно: геополитическую модель Р. Коллинза, теорию метаэтнического пограничья, этнокинетику и структурно-демографическую теорию (далее — СДТ).

Первые три могут рассматриваться как частные случаи структурно-демографической теории. И именно структурно-демографическая теория истории на сегодняшний день может считаться наиболее разработанной и непротиворечивой из всех существующих теорий истории.

Отметим также, что именно с точки зрения структурно-демографической теории подходят к объяснению исторических процессов практически все исследователи, работающие в русле подхода клиодинамики, в том числе и к объяснению демографической динамики[428].

В свою очередь, также полагаем, что именно структурно-демографическая теория является наиболее приемлемой теоретической базой для исторической динамики[429]. Стоит здесь отметить, что мы имеем в виду именно СДТ в том виде, в каком она существует на сегодняшний день, поскольку ее истоки могут быть возведены еще к идеям некоторых европейских мыслителей XVI века, предложивших считать рост численности населения причиной развития человечества. И с тех пор эта точка зрения в западной гуманитарной мысли не угасала и разделялась очень многими учеными и философами.

---

[427] Там же. С. 35.

[428] Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Восточная литература, 2006.

[429] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438.

При этом, разумеется, в рамках современного структурно-демографического подхода к объяснению исторических процессов позиции различных исследователей отличаются. И, безусловно, не в наших силах дать сколь-нибудь полное представление обо всем спектре этих позиций и уж тем более о тех или иных характерных нюансах.

Впрочем, задачи данного исследования и не предполагают подобной необходимости.

Полагаем принципиально важным уточнение вопроса о том, что является первопричиной исторического процесса. Большинство сторонников структурно-демографического подхода постулируют в качестве такой первопричины развития человечества рост ЖОТ, и в этом отношении структурно-демографическая теория истории с полным правом может быть признана развитием марксистской теории истории — своего рода ее переводом на новый научный язык[430].

Соглашаясь во многом с подходом и объяснениями СДТ, считаем необходимым уточнить некоторые моменты, касающиеся первопричин исторического процесса. Эти предложения были изложены нами в ряде работ[431].

Но для начала сформулируем основные представления современной СДТ.

Отталкиваясь от идеи неомальтузианской теории о том, что в традиционных обществах ограниченность ресурсов периодически приводила к перенаселению и

---

[430] Ортега-и-Гассет Х. Воля к барокко // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 151–155. С. 418.

[431] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438; Романчук А.А. Уравнение Лотки-Вольтерра и Homo Sapiens (некоторые размышления по поводу концепции «производственных революций» Л.Е. Гринина и А.В. Коротаева) // История и математика: концептуальное пространство и направления поиска / ред. П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2007. С. 183–202; Романчук А.А. Модель Голдстоуна – Нефедова – Турчина и ее объяснительные возможности // Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов / ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2008. С. 144–149; Романчук А.А. На старте антропогенеза: жесткая среда или поисковая активность? // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 2 (6). С. 19–32; Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результате опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 129–140; Романчук А.А., Медведева О.В. Глобальный демографический переход и его биологические параллели // Эволюция: междисциплинарный альманах / ред. А.В. Коротаев, А.В. Марков, Л.Е. Гринин. М.: URSS, 2009. С. 244–269.

кризисам, Дж. Голдстоун предположил, что рост населения вызывает кризис государства опосредованно[432], влияя на социальные учреждения, которые в свою очередь влияют на социальную стабильность. С.А. Нефедов и П.В. Турчин предложили как ряд математических моделей, построенных на основе когнитивной модели Дж. Голдстоуна, так и развили саму когнитивную модель «структурно-демографических циклов».

В качестве основного постулата концепции «структурно-демографических циклов» выступает тезис о том, что «основная сила, разрушающая государство — рост населения, ведущий к постепенному падению душевого дохода, пока в конечном итоге излишек сверх голодного существования становится недостаточным, чтобы удовлетворить правящий класс»[433]. Так, во главу угла когнитивной модели Голдстоуна-Нефедова-Турчина (далее — Г-Н-Т) ставится рост душевого дохода. П.В. Турчин формулирует очень четко: численность элиты растет, когда душевой доход больше, чем некая пороговая норма, необходимая для сохранения и воспроизводства одного аристократа[434]. Таким образом, структурно-демографические кризисы являются, по мнению указанных исследователей, в конечном итоге ресурсными кризисами.

Вполне разделяя идею, что первопричиной структурно-демографических кризисов был рост населения, полагаем, что тезис о том, что структурно-демографические кризисы были кризисами исчерпания ресурсов в условиях чрезмерной численности населения, заслуживает дальнейшего и более тщательного обсуждения.

Касаясь ранее этого вопроса в связи с объяснением династических циклов Китая как кризисов, обусловленных несоответствием численности населения и

---

[432] Нефедов С.А., Турчин П.В. Опыт моделирования демографически-структурных циклов // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства / ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 153–167. С. 173–174.

[433] Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007. С. 196.

[434] Там же. С. 189.

наличных жизнеобеспечивающих технологий, в первую очередь агротехники[435], мы задались вопросом: в какой мере периоды дестабилизации обусловлены достижением ресурсного предела, а выход в новый виток стабилизации — появлением новой жизнеобеспечивающей технологии[436]?

В этой связи заслуживают внимания весьма интересные сведения источника, синхронного как раз периоду симптомов кризиса Сун в XI веке (один из излюбленных клиодинамикой объектов исследования) — трактата сунского политического мыслителя Ли Гоу, который был создан в 1039 году.

Анализируя трактат Ли Гоу, З.Г. Лапина писала, что «основное препятствие для развития земледелия он (Ли Гоу. — А. Р.) видел в отрыве рабочих рук от земли… Массовый отлив работоспособного сельского населения был, по мнению Ли Гоу, основной причиной невозможности обработать не только уже освоенные, но и новые, целинные земли — потенциальный источник увеличения государственных поступлений»[437]. Причиной оттока сельского населения было массовое обезземеливание в результате концентрации земли у немногих собственников[438].

Так, источник рисует нам совсем другую картину причин кризиса, вовсе не в результате исчерпания фонда свободных земель.

Кроме того, очень интересны данные Ли Гоу о ситуации с предметами роскоши. «По наблюдению Ли Гоу, парадокс заключался в том, что драгоценных металлов добывалось, а шелковой пряжи производилось все больше, но их все равно было мало. Причину нехватки этих товаров автор трактата объяснял резким

---

[435] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 144.

[436] Романчук А.А. Модель Голдстоуна – Нефедова – Турчина и ее объяснительные возможности // Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов / ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2008. С. 144–149. С. 144–149.

[437] Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1985. С. 74.

[438] Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1985. С. 76.

возрастанием числа потребителей среди всех слоев населения. Кроме того, большая часть шелковой пряжи шла на изготовление предметов роскоши»[439].

Думаем, рост спроса на предметы роскоши тоже не соответствует картине продовольственного и шире — ресурсного кризиса.

Подтверждение этому следует из подмеченной еще Адамом Смитом закономерности. Он назвал ее «правило ножниц цен»: «чем дороже продаются городские товары, тем дешевле покупаются деревенские». Фактически же это означает, что для того, чтобы был спрос на «городские» товары, на ремесленные изделия (тем вернее, чем больше ремесленные изделия являются предметами роскоши), общество должно быть достаточно обеспечено «деревенскими» товарами, т.е. продовольствием в первую очередь[440]. Соответственно, и города могут расти только тогда, когда с обеспеченностью пищей данного общества все в порядке.

В связи с этим напрашивающийся вывод заключается в том, что кризис Сун имеет иную природу — это кризис социально-экономический и политический. Да, его симптомами были и имущественное расслоение, и обезземеливание крестьян, и маргинализация определенных групп населения. Но причиной этих симптомов были вовсе не ресурсные пределы. Причина в том, что любой социум и любая экономика — процессы неравновесные и стремящиеся к предельному усилению своей неравновесности.

Итак, это процесс, на который влияли, прежде всего, рост численности населения и факторы социально-психологические. И ключом к осознанию этих факторов является та, замеченная М. Моссом в его «Этюде о даре», потребность в «потлаче», которая во многом определяет поведение людей не только архаических обществ, но и вполне современных, даже западных.

Соответственно, второе соображение, вытекающее из вышесказанного, которое не учитывает модель Г-Н-Т, заключается в том, что норма дохода,

---

[439] Там же. С. 70.

[440] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438. С. 431.

необходимая для воспроизводства одного аристократа, в отличие от минимального пайка, необходимого для выживания животного, у каждого общества своя.

В связи с этим, когда Дж. Голдстоун приводит данные о широком обезземеливании крестьян в Англии в течение XVI–XVII вв., нужно задать вопрос: в какой мере это обезземеливание вызывалось увеличением численности населения и исчерпанием фонда свободных земель, а в какой — процессами социальной дифференциации и концентрации больших участков земли в руках небольшого количества собственников?

Разумеется, социум, как система, стремящаяся к усилению своей неравновесности, в том числе пытается в максимальной степени достичь и своих ресурсных пределов. Однако закономерность здесь, видимо, заключается в том, что в прошлом и вплоть до недавнего времени любая социальная система достигала пределов своей социально-политической прочности ранее, чем достигала своих ресурсных пределов.

В той связи весьма любопытен один прецедент — своего рода «естественный исторический эксперимент», как его назвал Э.С. Кульпин. Это случай с переселением Букеевской орды в начале XIX в. на территорию Рын-песков, в междуречье Волги и Урала[441]. Получив возможность беспрепятственно размножаться, этот социум использовал ее по максимуму. Через 20 лет у них уже было более 5 млн голов скота (рост в 25 раз), что вызвало экологический кризис (продолжающийся вплоть до наших дней) и падение поголовья скота в 2–3 раза.

Но интересно, что, несмотря на ресурсный кризис, население Букеевской орды продолжало расти и за 40 лет утроилось!

Абсолютно понятно, что такой тренд роста численности населения Букеевской орды был возможен лишь потому, что имел место приток ресурсов

[441] Кульпин Э.С. Евразия: пусковой механизм эволюции // Человек и природа: из прошлого в будущее / ред. Э.С. Кульпин. М.: ИВ РАН, 2006. С. 7–74. С. 13.

извне, который в определенной мере компенсировал ресурсный кризис в ареале самой Букеевской орды[442].

В предыдущей главе мы видели, что и российская Бессарабия в конце XIX–начале XX в. демонстрировала, пусть и не столь выраженный, но аналогичный парадокс.

Не пытаясь автоматически экстраполировать эти выводы на все без исключения структурно-демографические кризисы в истории человеческих обществ, следует склониться к мысли, что большая часть из них была не ресурсными кризисами, а социально-экономическими и политическими. Так, любой социум, оказывая давление на окружающую среду и ощущая на себе результаты своего давления, в еще большей мере и значительно быстрее чувствует тяжесть своего собственного усложнения и предшествующего ему увеличения численности населения.

Чрезвычайно интересно в этой связи, что, проанализировав политико-демографические циклы средневекового Египта, А.В. Коротаев пришел к выводу о том, что «политико-демографические коллапсы в средневековом Египте

---

[442] Пример Букеевской орды позволяет обратить внимание еще на одно хорошо известное, но, как кажется, не учитываемое клиодинамикой (особенно в связи с центральной для современной клиодинамики идеей о «выходе из мальтузианской ловушки в результате опережающего технологического роста»), обстоятельство (подробнее см.: Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результате опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 129–140. С. 132).

А именно то, что с самого начала человеческой истории (и даже ранее) человеческим обществам были хорошо известны такие искусственные регуляторы численности населения как, например, инфантицид и регламентируемый каннибализм. Классические примеры существования такого рода механизмов сознательного ограничения нежелательного, превышающей ресурсные возможности данного общества, роста численности населения, известны из этнографии Океании. А добровольные самоубийства стариков в голодные годы фиксируются еще шире (хорошо известный пример — Япония).

И поскольку нет никаких оснований полагать, что эти механизмы требовали некоего «изобретения» в каждом отдельном человеческом обществе, мы вынуждены, по всей видимости, согласиться, что те традиционные общества, которые избегали использования такого рода механизмов (по крайней мере, регулярного использования — и тем более их институционализации), не испытывали в этом необходимости. Т.е., если традиционные общества в своем большинстве и пребывали в «мальтузианской ловушке», то это, по всей видимости, было их, своего рода, осознанным выбором.

происходили на уровне заметно ниже потолка несущей способности земли»[443]. Полагаем, однако, что ни первая, ни вторая «ибн-халдуновские» математические модели П.В. Турчина[444], согласно которым «политико-демографические коллапсы происходят не из-за реального перенаселения, а вследствие перепроизводства элиты, которое может наблюдаться и в недонаселенной в целом стране (…в стране с населением, численность которого находится ниже уровня насыщения)», не объясняют в достаточной мере природу политико-демографических коллапсов. Эти модели не учитывают, что рост запросов элиты и, соответственно, темпы роста имущественного (также социального и политического) неравенства в данном обществе существенно превышают темпы роста собственно численности элиты.

В этой же связи очень продуктивно было бы задуматься над подмеченной П.В. Турчиным проблемой, сформулированной им в виде вопроса: почему индустриальные общества не подвержены действию модели Голдстоуна?

Ответ П.В. Турчина заключается в том, что «возможно, индустриальная экономика, или экономика, основанная на информационных технологиях, способна внедрять новые технологические достижения и тем самым идти впереди роста населения»[445].

Соответственно, обращаясь еще раз к вопросу о технологическом росте как условии роста численности населения, подчеркнем прежде всего, что следует различать технологический рост и рост производства пищи. Эти два процесса хоть и связанны друг с другом, но весьма относительно. И уж во всяком случае они не идентичны. При этом технологический рост зачастую не повышает количество пищи[446].

---

[443] Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Восточная литература, 2006. С. 26.
[444] Там же. С. 29.
[445] Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007. С. 182.
[446] Ортега-и-Гассет Х. Воля к барокко // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 151–155. С. 420.

Так, чрезмерное значение придается в этом вопросе железу. В наиболее развернутой форме этот тезис изложили А.В. Коротаев и Л.Е. Гринин: «Рост развитой государственности требовал соответствующего роста ранней государственности в тех местах, где она отсутствовала. Но эволюция последней задерживалась, в том числе из-за отсутствия нужных технологий, прежде всего железной металлургии <…>. Переход к развитой государственности не мог состояться и потому, что уровень ремесла и торговли был низким. Особенно важно отметить отсутствие полноценных денег. А еще <…> более важной причиной было отсутствие <…> новых технологий <…>, прежде всего металлургии железа»[447].

Уязвимее всего здесь как раз идея о ключевом значении железа. В Восточной Европе даже Киевская Русь возникла еще на деревянной сохе. Да и позже во многих местах Восточной Европы деревянная соха не теряла своего значения вплоть до XX века. В Болгарии деревянные пахотные орудия использовались в некоторых регионах до конца XIX века.

Соответственно, кажется достаточно очевидным, что и без железа переход к земледелию и широкая распашка произошли во многих регионах Земли и не зависели от типа почвы. Наличие или отсутствие железа здесь не играло роли[448].

Вне Европы же сразу приходят на ум инки — террасное земледелие в горах очень трудоемкое, но без железа, даже без бронзы и без многих других технологических ухищрений.

Продолжая, приведем пример дохеттской Малой Азии — без железа и отнюдь не в долинах великих рек наблюдаем появление обществ, которые вполне

---

[447] Коротаев А.В., Гринин Л.Е. Урбанизация и политическое развитие: сравнительный количественный анализ // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства / под ред. С.Ю. Малкова, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева. М.: КомКнига/ URSS, 2007. С. 102–141. С. 111–112.

[448] В своих работах (например, см.: Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438), мы приводили в этой связи, также данные по культуре Кукутень-Триполье (подробнее см.: Манзура И.В. Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // Stratum plus. 2006. № 2. С. 63–85).

соответствуют понятию государства. Более того, в начале II тыс. до н.э. отмечаем там такое интересное и очень сложное явление, как «карум Каниш» — торговый, религиозный и политический союз городов-государств Малой Азии и Северной Сирии. Еще раньше здесь же наблюдаем появление мощных каменных крепостей, игравших роль центров административных и религиозных. В одном из них видим даже самостоятельное изобретение оригинальной иероглифической письменности.

Все эти примеры еще раз проявляют: железо существенно снижает трудовые затраты, но на обеспеченность пищей человечества в целом и отдельных обществ в частности оно влияет отнюдь не так прямо и решающим образом, как это представляется большинству исследователей, придерживающихся сходной с позицией А.В. Коротаева и Л.Е. Гринина (и отнюдь не только из числа исследователей, работающих в русле клиодинамики), а соответственно, и на возможность создания ранних и развитых государств. Переход к земледелию происходил не вследствие того, освоило ли население данного региона железо или нет, а в зависимости от того, насколько позволяли климат и плодородие почвы. Железо на эти параметры не влияет.

В связи с этим возникновение ранних государств определялось вовсе не технологией как возможностью создать соответствующую экономическую базу, позволяющую получить необходимый уровень прибавочного продукта. Потенциального прибавочного продукта вполне хватало всем обществам Земли той эпохи. Превращение же его в фактический определялось потребностью обществ в этом. И отсутствие железного плуга не было «железным» препятствием к такому превращению[449].

Есть примеры ситуаций, когда наблюдалась технологическая деградация, а плотность населения в регионе даже росла.

---

[449] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438. С. 423–424.

Такой пример дает как раз Карпато-Днестровский регион, и именно при переходе от эпохи поздней бронзы к раннему гальштату. Если для эпохи поздней бронзы здесь была создана высокоразвитая металлургия бронзы, действовал целый ряд металлургических центров, то при переходе к гальштату распадается культурный блок Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень, нарушаются сети обмена, и ряд культур Северного Причерноморья и Карпато-Днестровского региона теряет возможность получения сырья для бронзолитейного производства.

В результате эти культуры, в частности культура Сахарна-Солончень, в качестве основного сырья для производства орудий труда начинают использовать снова кремень, т.е. с технологической точки зрения наблюдается деградация. Однако плотность населения в ареале культуры Сахарна-Солончень не ниже, а, пожалуй, даже выше, чем в культуре Ноуа, распространявшейся в эпоху поздней бронзы на большей части Карпато-Днестровского региона[450].

Что касается собственно роста производства пищи, то в этом отношении агротехнические инновации, увеличивающие продуктивность сельского хозяйства (или иных способов производства пищи), дают возможность прокормить большее число людей на данной территории.

Но при этом нередко упускается из виду, что в области агротехники (урожайности) не всегда нужно говорить о принципиальной разнице доиндустриальных обществ (даже архаических) и индустриальных. Некоторые факты в этой связи были приведены ранее[451]. Считаем необходимым добавить пример с попыткой улучшить, используя достижения современной европейской агротехники, систему земледелия на земляных насыпях у индейцев чонталь (штат Табаско, Мексика). Такая попытка была предпринята в 70-е годы прошлого века[452] и закончилась, по признанию одного из руководителей проекта, тем что им

[450] Дергачев В.А. Памятники эпохи бронзы // Археологическая карта Молдавской ССР / отв. ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрару. Вып. 3. Кишинев: Штиинца, 1973.
[451] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438. С. 420.
[452] Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. М.: Наука, 1980. С. 33.

пришлось самим учиться у индейцев. Оказалось, что применять современные удобрения для земледелия на насыпях просто нецелесообразно. А единственный способ радикально повысить плодородие таких почв — шелуха бобов какао — был уже издревле известен индейцам.

Л.А. Файнберг отметил, «в районах, теперь являющихся маргинальными, почти исчерпанными в экологическом отношении для земледелия, жило многочисленное индейское население, получавшее большие урожаи. Возродить древнюю систему земледелия — единственный способ ввести снова эти земли в оборот»[453].

В связи с этим рост количества пищи, получаемой на данной территории, достигался не столько агротехническими инновациями в точном смысле этого слова, сколько внедрением тех агротехнических приемов, которые очевидны и зачастую могут быть обобщены в виде двух важнейших принципов: ирригации и удобрения. Здесь основным стимулом была сложившаяся необходимость — отсутствие возможности широкой внутренней колонизации или, как в случае России, возможности осваивать Сибирь.

Применительно к Китаю, если для эпохи Сун А.В. Коротаев и соавторы объясняют прорыв на уровень нового демографического потолка тем, что были внедрены сорта скороспелого риса из Тьямпы[454], то П.В. Турчин считает, что резкий скачок численности населения при Сун и достижение значения демографического потолка в районе 100 миллионов населения объясняются тем, что центр государства сместился на Юг, до того малозаселенный[455].

Этой же точки зрения придерживаются М.В. Крюков и соавторы, анализируя социально-экономическую и демографическую ситуацию при Сун, исследователи пишут, что «в истории Китая VII–XIII века были временем, когда центры

---

[453] Там же. С. 36.

[454] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 144.

[455] Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007. С. 219.

экономической жизни страны начали решительно перемещаться в южном направлении. Предпосылкой тому были массовые миграции китайского населения с Севера на Юг — миграции, по масштабам и социальным последствиям не имевшие себе равных ни в предшествовавшие, ни в последующие эпохи»[456].

Можно полагать, что именно это освоение новых земель, «внутренняя колонизация», и было основным фактором в резком скачке численности населения при Сун.

Отметим, что, хотя уровень ЖОТ и численность населения планеты связаны, применительно к истории человечества здесь зачастую необходимо уточнять направление и структуру причинно-следственных связей.

Возможно, что «при полном господстве технологий присваивающего хозяйства (охоты, собирательства и рыболовства) Земля не могла сколько-нибудь стабильно поддерживать существование более 10 млн человек…»[457]. Однако имеющиеся знания о преистории, и в частности о возникновении производящего хозяйства, позволяют говорить, что опережающим процессом, первичным по отношению к остальным, был рост численности населения. И к внедрению новых ЖОТ, как предложила Э. Босеруп, подталкивал рост численности населения. Речь должна идти не об их изобретении (многие ЖОТ были известны задолго до своего внедрения), а о внедрении часто под давлением уже крайних обстоятельств. Переход к новым, более совершенным ЖОТ шел по принципу «пока гром не грянет, мужик не перекрестится»[458]. Очень часто в истории человечества рост

---

[456] Крюков М.В., Малявин В.А., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. С. 58.

[457] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 23.

[458] Вместе с тем, как мы отмечали ранее (например, см.: Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результате опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 129–140; там же цитируются в этой связи работы биологов (подробнее см.: Бхагвати Д. В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005) и экономистов (подробнее см.: Гродницкий Д.Л. Две теории биологической эволюции. Саратов: Научная книга, 2002), чрезмерно критическая ситуация является препятствием для успешной социальной эволюции. Для успешного развития необходим некий

несущей способности среды для того или иного региона достигался не столько внедрением новых ЖОТ, сколько элементарным наведением порядка в обществе.

Так, если обратиться к высказываниям самого Ибн Халдуна в связи с так называемыми «ибн-халдуновскими моделями» (термин предложен П.В. Турчиным) клиодинамики, то Ибн Халдун четко указывает, что в конце династий значительная часть земель перестает обрабатываться из-за смут и разграблений имущества рядового населения, что это служит причиной голода[459].

Важно также иметь в виду, что вплоть до XIX века у человечества были весьма значительные резервы пустого (или относительно пустого) пространства, которые и являлись основным средством снятия демографической напряженности.

Даже в ряде регионов Европы вплоть до XVII–XVIII веков ощущалась «недонаселенность». Так, приведем выдержки из работы одного из крупнейших советских медиевистов, специалиста по вотчинному хозяйству феодальной Молдавии — П.В. Советова, который отмечал: «Мало было владеть землей, надо было найти достаточное количество крестьян, которые бы ее освоили в хозяйственном отношении. Именно это стало очень трудным вопросом, особенно в последней четверти XVI века. Многие бояре, получая в пожалование пустоши и селища, не были в состоянии их заселить. По многу лет стояли селища пустыми….»[460, 461]. Исследователь также говорил: «Из всего вышесказанного видно, что проблема рабочих рук и заселения вотчин стояла в молдавском

«оптимальный диапазон» как мы его обозначили ранее, когда «не слишком хорошо, и не слишком плохо».

[459] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 38.

[460] Советов П.В. Резервы роста вотчиной эксплуатации и феодальный иммунитет в Молдавии // Stratum plus. 2006. № 6. С. 196–226. С. 205.

[461] В связи с исторической географией средневековой Молдавии см.: Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979.

феодальном хозяйстве второй половины XVI века **не менее остро, чем в других странах Восточной Европы того времени**…(выделено нами. — А.Р.)»[462].

Последний момент стоит выделить особо. Проблема оказалась общей для всей Восточной Европы того времени.

Считаем нобходимым заметить, что, например, польские феодалы в восточных районах Речи Посполитой аналогично испытывали острую нехватку рабочей силы, что и пытались решить, выдавая льготные грамоты, освобождавшие новых поселенцев от податей и повинностей иногда и до двух десятков лет.

Западноевропейские законы XIV–XV вв., фиксирующие заработную плату и обязывающие работать, и введение крепостного права в Восточной Европе — все это реакция на недонаселенность[463].

Приближаясь к современному этапу, все большая часть различных регионов планеты достигала состояния, когда естественные резервы для снятия демографической напряженности у них иссякали. Например, кажется вполне убедительным, что только внедрение новых видов сельскохозяйственных культур в первой половине исламской эпохи в Египте позволило существенно увеличить несущую способность среды[464]. В данном случае внедрение можно приравнять к изобретению, поскольку эти злаки были привнесены извне в Египет.

Хотя А.В. Коротаев приходит к выводу, что политико-демографические коллапсы в средневековом Египте происходили при состоянии «недонаселенности», все же темпы роста населения средневекового Египта существенно отставали от других регионов мира: если в Египте население выросло лишь на 35–50 %, то в остальных макрорегионах евразийской Мир-

---

[462] Советов П.В. Резервы роста вотчиной эксплуатации и феодальный иммунитет в Молдавии // Stratum plus. 2006. № 6. С. 196–226. С. 206.

[463] Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438. С. 413, 431–435.

[464] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 12–13.

Системы — в пять и более раз[465]. Так, Египет уже к этому времени приближался к пределу (следует учитывать не только параметр обеспеченности пищей, но и ресурсами для удовлетворения других потребностей человека, в том числе этолого-психологических).

Как показывает пример Бессарабии и других новоосваемых недонаселенных регионов Российской империи, при актуальном положении ЖОТ территорий хватало на нашей планете даже еще в XIX веке.

В настоящее время человечество подошло или подходит к состоянию насыщения, и нынешний «глобальный демографический переход», вопреки ряду предложенных в рамках клиодинамики (и не только клиодинамики) гипотез, объясняется именно этим фактором[466].

Нельзя не заметить, что, как показывают актуальные данные по численности населения различных регионов Земли, на сегодняшний день лидируют здесь Китай, Индия, Юго-Восточная Азия, Африка, т.е. регионы, которые, согласно предложенному В.В. Клименко параметру «эффективности территории», находятся в наиболее благоприятных условиях. Параметр «эффективности территории» учитывает, прежде всего, уровень необходимого потребления энергии в зависимости от климата, а также сочетание качества почв и климата как условий ведения земледелия. Россия в списке В.В. Клименко находится на пятом месте (18,9 тонн условного топлива против 3 тонн Японии, а также большая часть территории России находится в зоне рискованного земледелия)[467].

В.А. Белавин, Е.Н. Князева и Е.С. Куркина, усовершенствуя модель роста народонаселения Земли С.П. Капицы, предложили использовать как раз параметр

---

[465] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 15.

[466] Романчук А.А., Медведева О.В. Глобальный демографический переход и его биологические параллели // Эволюция: междисциплинарный альманах / ред. А.В. Коротаев, А.В. Марков, Л.Е. Гринин. М.: URSS, 2009. С. 244–269; Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результате опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 129–140.

[467] Богданкевич О.В. Лекции по экологии. М.: Физматлит, 2002. С. 205.

«пространство» и учитывать пространственное распределение народонаселения[468]. В результате им удалось объяснить ряд моментов, в которых модель С.П. Капицы затруднялась: «эпоха линейного роста объясняется <…> наличием начальной стадии расселения человечества по планете»[469], т.е. стадии, когда в распоряжении человечества были еще весьма значительные резервы неосвоенного пространства.

Только таким образом можно объяснить гиперболический рост численности населения Земли от палеолита до XX века, потому что предлагаемое здесь клиодинамикой объяснение на основе модели Кремера-Кузнеца («чем больше людей, тем больше потенциальных изобретателей», что бесспорно) не учитывает тот факт, что процесс создания новых изобретений — процесс, носящий случайный характер. И если бы модель «новое изобретение в области ЖОТ (жизнеобеспечивающих технологий) ведет к подъему на новый уровень численности населения» была верна без дополнительных условий, то график, отражающий рост численности населения Земли до 70-х годов прошлого века, не соответствовал бы гиперболической функции, а имел бы более сложный характер, поскольку наверняка бы достаточно часто имели место ситуации, когда нужное изобретение не возникало бы в течение веков, а то и тысячелетий[470].

---

[468] Белавин В.А., Князева Е.Н., Куркина Е.С. Математическое моделирование глобальной динамики мирового сообщества [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://spkurdyumov.ru/uploads//2013/08/knbelkur100.pdf (дата обращения: 16.12.2019). С. 5.

[469] Там же. С. 22.

[470] Стоит учесть здесь и выводы исследователей, прямо противоречащие модели Кремера-Кузнеца. Так, О.В. Богданкевич в вышецитированной работе пришел к выводу, что чем ближе к современности, тем, наоборот, как раз сильнее отставал темп роста инноваций от темпа роста численности населения Земли (подробнее см.: Богданкевич О.В. Лекции по экологии. М.: Физматлит, 2002. С. 117). Разумеется, выводы О.В. Богданкевича требуют отдельного и тщательного рассмотрения (что не входит в задачи данной работы), но не упомянуть о них нельзя.

Также, если сопоставить современные данные по количеству изобретений, регистрируемых в отдельных странах, с численностью населения этих стран, то наблюдается серьезное несовпадение динамик (подробнее см.: Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результате опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 129–140. С. 135–136).

Разумеется, можно здесь акцентировать внимание на оговорке «при прочих равных» (подробнее см.: Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Коротаев А.В. Эволюция глобальных сетей :

Считаем целесообразным еще раз заострить внимание на том, что переход к новым, более совершенным ЖОТ шел фактически по принципу «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Это также отмечает Ф. Бродель: «Общество — это медленная, незаметная, сложная история, это память, упорно повторяющая уже найденные, знакомые решения, которая избегает сложностей и опасных мечтаний о чем-либо ином. Всякое изобретение, постучавшее в дверь, должно было ждать годы или даже столетия, чтобы войти или быть внедренным в реальную жизнь. Существовало inventio (изобретение) — затем, много позже, его приложение — usurpation, когда общество достигало нужной степени восприимчивости. Так было с косой. В XIV в. после эпидемий, которые нанесли населению Запада страшный урон, картина Смерти, вооруженной косой <…> сделалась навязчивой идеей. Но эта коса служила тогда исключительно для того, чтобы косить траву на лугах; она редко бывала орудием жнеца. Колосья более или менее высоко срезали серпом <…>. Несмотря на огромный рост городов, несмотря на превращение Европы в землю зерновых <…> коса, повинная якобы в том, что она-де осыпает зерно, начнет повсеместно применяться лишь в XIX в. <…> Сотни других примеров говорят о том же. Скажем, так было с паровой машиной, изобретенной задолго до того, как она послужила толчком к промышленной революции (или сама стала следствием ее?)»[471]. В этой же работе исследователь приводит действительно великолепную фразу А. Пиренна: «Америка (открытая викингами), была утрачена сразу же по открытии, потому что Европа в ней еще не нуждалась».

Бессарабия начала прошлого века служит прекрасной иллюстрацией слов Ф. Броделя.

закономерности, тенденции, модели. М.: Ленанд, 2016. С. 32). Однако, если «при прочих равных» здесь оказывается, собственно, решающим фактором, то это, очевидно, означает, что модель Кремера-Кузнеца не является искомым нами объяснением.

[471] Бродель Ф. Материальная цивилизации, экономика и капитализм : XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. М.: Весь Мир, 2007. С. 306.

Макс Вебер в классическом труде «Протестантская этика и дух капитализма» дал прекрасную иллюстрацию того, что «духу капитализма» приходилось с немалым трудом преодолевать *традиционализм*. «Увеличение заработка привлекало его [жнеца. — А.Р.] меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои *традиционные* потребности?»[472].

Не отрицая, что рост технологий повышал несущую способность среды, можно полагать, что наблюдаемая на середину прошлого века численность населения Земли была достигнута в значительной мере (в какой именно — вопрос, требующий отдельного рассмотрения) за счет имевшихся в распоряжении человечества ресурсов пространства — заселенного слабо или заселенного слабыми. С учетом этого наблюдения (а также наблюдения о неоднозначности ситуации с пребыванием традиционных обществ в «мальтузианской ловушке») кажется весьма неоднозначным тезис о том, что технологический рост на определенном этапе развития человечества приобрел опережающий (рост численности населения) характер.

В связи с этим считаем целесообразным обозначить главный вопрос и тем самым проверить из основных постулатов клиодинамики: а действительно ли человечество сегодня вышло из «мальтузианской ловушки»?

В соавторстве с О.В. Медведевой, рассматривая проблему так называемого «глобального демографического перехода»[473], была предпринята попытка продемонстрировать, что характерное для него прекращение гиперболической

---

[472] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко / пер. с нем. М.: Прогресс,1990. С. 61–113. С. 81.

[473] Романчук А.А., Медведева О.В. Глобальный демографический переход и его биологические параллели // Эволюция: междисциплинарный альманах / ред. А.В. Коротаев, А.В. Марков, Л.Е. Гринин. М.: URSS, 2009. С. 244–269.

динамики роста численности населения Земли связано со стоящими сегодня перед человечеством ресурсными ограничениями.

Не повторяя изложенные в этой работе аргументы, добавим, что замедление темпов роста численности населения для современного Запада — шаг вынужденный и диктуется именно экономическими причинами (особенно усиливающимися в процессе перехода к постиндустриальному обществу), что подтвердил современный экономист Лестер Туроу[474]. В своей работе он также писал: «С точки зрения экономического анализа дети — это дорогой потребительский товар, стоимость которого к тому же стремительно растет <...> На языке капитализма дети перестали быть “центрами прибыли” и превратились в “центры издержек”. Дети по-прежнему нуждаются в родителях, но родителям дети не нужны». В Америке 32 % мужчин в возрасте от 25 до 34 лет зарабатывали меньше, чем требовалось для того, чтобы семья из четырех человек жила выше уровня бедности. Когда мужчины уходили из семьи, их реальный жизненный уровень повышался на 73 %, тогда как уровень жизни брошенной семьи падал на 42 %.

Не только Л. Туроу пришел к подобным выводам. Так, «в моделях Долгоносова, Юкаловых, Сорнетта, Акаева, Садовничего, Таагепера спад численности Земли, наступающий вслед за выходом ее на максимальный уровень, происходит из-за того, что численность населения мира превышает потолок несущей способности Земли»[475]. А.В. Коротаев в другой своей работе весьма обстоятельно описал сущность механизма, который побуждает «модернизирующиеся экономики» к снижению рождаемости: «В модернизирующейся экономике значительное снижение рождаемости сразу же существенно уменьшает демографическую нагрузку, значительно уменьшая число иждивенцев, приходящихся на одного работающего, что уже само по себе

[474] Thurow L. Head to head; the coming economic battle among Japan, Europe, and America. New York: Warner Books, 1993. P. 205–207.
[475] Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Коротаев А.В. Эволюция глобальных сетей : закономерности, тенденции, модели. М.: Ленанд, 2016. С. 45.

ведет к существенному росту ВВП на душу населения…»[476]. И обратный тренд (вызванный назревающей в экономике из-за предыдущего снижения рождаемости необходимостью в рабочих руках) весьма предсказуемо положительно коррелирует с темпами экономического роста наиболее экономически развитых стран мира[477].

Богатство человечества растет, но растут и усилия, необходимые для того, чтобы его создать. Растут и расходы как человечества в целом, так и каждого отдельного человека. В том числе особенно сильно растут расходы на «производство полноценного гражданина», что приводит к снижению рождаемости. Стоящие сегодня перед человечеством ресурсные ограничения упираются в непреодолимый дефицит такого базового, первичного ресурса, как *время*.

Таким образом предполагаемый клиодинамикой «выход из мальтузианской ловушки» современных обществ произошел отнюдь не за счет «опережающего роста технологий». Как и традиционные общества, для «выхода из мальтузианской ловушки» современные общества, индустриальные и постиндустриальные, прибегли к ограничению роста численности населения.

С каждым днем все большая часть человеческих обществ входит в фазу «глобального демографического перехода» и вынуждена регулировать свою численность в соответствии со своими возможностями, т.е. ресурсами и уровнем ЖОТ.

Если обратиться к общности КРШК, то нужно заметить, что для нее соотношение численности населения и ресурсов жизнеобеспечения никогда не достигало не только уровня ресурсного кризиса, но и не приближалось к нему. Об этом свидетельствует такой факт, как чрезвычайная разреженность поселений

---

[476] Абызов М.А., Коротаев А.В. О росте рождаемости как факторе подталкивания экономического роста в наиболее экономически развитых странах // Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.В. Акаев, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Красанд, 2014. С. 274–290. С. 274.

[477] Там же. С. 280–281. Рис. П1, П2.

культуры Козия — как в сравнении с предшествующей ей на территории между Карпатами и Реутом культурой Кишинев-Корлатень, так с родственной и территориально смежной (расположенной к востоку от Реута) культурой Сахарна-Солончень. На культуру Козия приходится в полтора раза меньше памятников, чем на Сахарна-Солончень, и в в десять раз больше территории.

Кроме этого, на протяжении всего времени существования КРШК не наблюдается заметных изменений в уровне ЖОТ: тот же состав стада, тот же набор культурных растений[478]. В области технологий наблюдается спад: практически отсутствуют бронзовые изделия, орудия изготавливаются в основном из кремня и кости.

Что же касается появления технологии получения железа (сыродутным способом) в культуре Сахарна-Солончень, то эту технологическую инновацию можно рассматривать как отрицательно влияющую на ресурсную обеспеченность общества: по сравнению с бронзой, получение и обработка железа гораздо более трудоемки и требуют значительно больших расходов топлива, что отрицательно должно было сказываться на состоянии лесов.

Железо в Сахарна-Солончень использовалось в основном для изготовления парадных вещей и украшений, например фибул, а отнюдь не орудий труда или оружия.

Для описания демографической динамики КРШК представляются мало подходящими модели, вводящие в качестве одной из переменных технологический рост.

Применимы ли к КРШК «ибн-халдуновские» модели, т.е. модели, исходящие из разрастания элиты как причины структурно-демографического кризиса?

---

[478] Leviţki O.G. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. 1994. № 15. P. 159–215. P. 169–182.

Общество КРШК уже достигло достаточно высокого уровня сложности. В частности, для культуры Сахарна-Солончень выделяются элитные погребения, гнезда поселений[479].

Тем не менее общество КРШК не достигло стадии государства, соответственно, аппетиты элиты в нем были существенно ограничены.

В данном контексте представляется, что наиболее адекватной моделью для описания демографической динамики КРШК является модель С.П. Капицы и ее производные (модель Белавина — Князевой — Куркиной), т.е. модель, рассматривающая демографический рост как производную времени.

Если сравнить полученные в предыдущей главе цифры поселенческо-демографической динамики КРШК с данными для СССР второй половины XX века[480], то очевидно, что на **фазе РШ IIа** темпы прироста даже выше, чем в СССР с 1968 по 1973 год. Хотя в течение прошлого века в некоторых странах были зафиксированы и более высокие темпы прироста населения[481].

Возможно, что при переводе поселенческой динамики в демографическую нужно быть скромнее. Полагаем, что искажение не слишком велико, и цифры достаточно реальны (для доиндустриальных обществ считается нормальными и более высокие темпы прироста населения — до 2 % в год[482]).

Более того, есть все основания полагать, что для КРШК Карпато-Днестровского региона это был вовсе не предел.

В любом случае соотношение размеров территории и количества поселений для одной из поздних культур КРШК Карпато-Поднестровья, культуры Козия (распространявшейся на территории между Карпатами и Реутом) свидетельствует о наличии значительных резервов свободного пространства. Предшественники

---

[479] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 291, 269.
[480] Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. С. 208.
[481] Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории : вековые циклы и тысячелетние тренды : демография, экономика, войны. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 70.
[482] Там же.

культуры Козия на этой же территории — культура Кишинев-Корлатень[483] и культура Ноуа[484] — характеризовались намного большей плотностью поселений.

Стоит также еще раз подчеркнуть чрезвычайную разреженность поселений культуры Козия не только в сравнении с предшествующими ей культурами, но и с предковой и территориально смежной (расположенной к востоку от Реута) культурой Сахарна-Солончень. К культуре Козия относится в полтора раза меньше памятников, чем на Сахарна-Солончень[485]. По территории же Козия превосходит культуру Сахарна-Солончень в десять раз или более.

Помимо констатации того, что темпы прироста населения КРШК были достаточно высокими и что у носителей КРШК были еще очевидные резервы для дальнейшего роста населения, есть еще обстоятельства, представляющих научный интерес.

Первое из них очевидно: анализ поселенческой динамики и коррекция полученных данных с учетом размеров поселений показывают, что в течение первых трех фаз развития КРШК происходило ускорение темпов демографического роста. Второе же менее очевидно, но не менее важно — развитие КРШК прервал внешний фактор.

Считаем необходимым провести анализ первого обстоятельства. В моделях роста народонаселения Земли модель С.П. Капицы и Белавина — Князевой — Куркиной предполагается эпоха линейного роста в начальной стадии процесса. Модель Белавина — Князевой — Куркиной объясняет эту эпоху линейного роста «...наличием начальной стадии расселения человечества по планете»[486], т.е.

---

[483] Leviţki O.G. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi. Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 177.

[484] Дергачев В.А. Памятники эпохи бронзы // Археологическая карта Молдавской ССР / отв. ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрару. Вып. 3. Кишинев: Штиинца, 1973; Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 154. Рис. 41.

[485] Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488. С. 258.

[486] Белавин В.А., Князева Е.Н., Куркина Е.С. Математическое моделирование глобальной динамики мирового сообщества [Электронный ресурс]. 2006. С. 22. URL: http://spkurdyumov.ru/uploads//2013/08/knbelkur100.pdf (дата обращения: 16.12.2019).

наличием значительных еще в то время резервов свободного пространства и возможности расселения.

Однако демографический рост КРШК очевидно происходил не по линейному закону[487]. Хотя сами авторы модели В.А. Белавин, Е.С. Князева и Е.В. Куркина подчеркивают, что она неприменима для отдельных регионов и эпох, а лишь для планеты в целом, однако в данном случае ситуации аналогичны: как и человечество в целом в эпоху преистории, носители КРШК имели значительные резервы неосвоенного пространства.

Это позволяет думать, что уравнение, которое используют В.А. Белавин, Е.Н. Князева и Е.С. Куркина, не отражает реального процесса роста населения Земли в прошлом, по крайней мере, в эпоху преистории. Если современные показатели численности населения Земли не были достигнуты ранее, то, очевидно, потому что на определенном этапе начали действовать некие сдерживающие факторы, а не потому, что происходило «растекание возмущения» благодаря наличию свободного пространства. Наоборот, именно наличие свободного пространства давало возможность того, чтобы демографический рост отдельных обществ шел с ускорением.

Сдерживающими рост населения Земли факторами служили время от времени происходящие коллапсы отдельных обществ, приводившие к растрате накопленного ими демографического потенциала. Однако, как показывает пример КРШК, обращение к археологическим картам других культур Карпато-Днестровского региона, причиной этих коллапсов служили вовсе не ресурсные кризисы. Все эти археологические культуры исчезли в ситуациях, когда у них были еще значительные запасы свободного пространства, а также часто причиной их падения служил внешний фактор.

С учетом того факта, что исторические источники фиксируют для ряда стран Европы XVI–XVII вв. ситуацию «недонаселенности», можно полагать, что одним

[487] Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 12, 27.

из главных сдерживающих факторов для роста численности населения планеты на определенном отрезке истории человечества были постоянные войны между отдельными обществами. Они часто приводили к полной хозяйственной дестабилизации в обществах, что резко понижало несущую способность среды для данных обществ и вело к потере накопленного ими ранее демографического потенциала.

Таковы, в самом общем виде, результаты анализа полученных данных о демографической динамике КРШК.

Выводы по Главе 3

Рассмотрение социокультурной динамики ряда современных и близких к ним хронологически и типологически обществ Пруто-Днестровского междуречья (Бессарабия, МССР, Республика Молдова) позволило сделать ряд важных для клиодинамики наблюдений и выводов.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что наблюдаемый в российской Бессарабии XIX века резкий рост численности населения, особенно резкий в перовой половине века, объясняется не ростом ЖОТ, а сочетанием факторов вхождения края в состав Российской империи (что устранило перманентную нестабильность и военные разорения, определявшие развитие региона в предшествующие несколько веков, если говорить лишь о периоде существования Молдавского княжества, и чрезвычайной недонаселенности края в предшествующий период, характерной даже для самых населенных, северных, уездов Бессарабии).

Вышеобозначенный процесс определялся расположением края в зоне «культурного междумирья».

Положительно коррелируя с ростом численности населения, синхронно шел и рост общественно-значимого потлачевидного престижного потребления, что нашло свое отражение в динамике строительства церквей Бессарабии. Особенно

высокие темпы строительства церквей были также характерны именно для первой половины XIX века. Во второй же половине XIX в., вместе с замедлением роста численности населения Бессарабии, замедляются и темпы строительства церквей.

Чрезвычайно важным наблюдением является то, что в начале XX века в сельском хозяйстве Бессарабии наблюдаются отчетливо выраженные кризисные явления, крайне отрицательно сказывавшиеся на обеспеченности населения продовольствием.

Существенно, во-первых, что причины этих кризисных явлений были вполне очевидны уже их современникам — это прежде всего отказ от внедрения хорошо известных на тот момент ЖОТ (удобрения, севооборот, внедрение новых сельскохозяйственных культур), обусловленный инерцией сложившейся социально-экономической структуры, равно как и инерцией мышления.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что несмотря на эти кризисные явления, рост численности населения Бессарабии в начале XX века не только не прекратился, но даже ускорился, т.е. этот процесс шел по модели рассмотренного нами ранее феномена так называемой Букеевской орды.

Значимым фактом социокультурной динамики Бессарабии в румынский период представляется то, что, несмотря на практическую стагнацию роста численности населения края в это период, наблюдается продолжающийся и даже ускорившийся рост общественно-значимого потлачевидного престижного потребления, выразившийся также в росте объемов строительства и ремонта церквей Бессарабии (по темпам, превышающим соответствующий рост второй половины XIX – начала XX века.

Данный пример, как и некоторые, рассмотренные ранее, наглядно демонстрирует, что рост общественно-значимого потлачевидного престижного потребления в том или ином обществе может идти вопреки застою во внедрении новых ЖОТ и вопреки ухудшению экономического благополучия этого общества.

Аналогичное явление было характерно для периода конца существования МССР (80-е годы прошлого века) и периода существования Республики Молдова.

Ухудшение экономического положения граждан вело к замедлению темпов роста численности населения (а в период Республики Молдова, 1990-е – 2014 гг., к отрицательной динамике и резкому снижению численности населения страны), однако общественно-значимое потлачевидное престижное потребление в этот период даже продолжает нарастать.

Любопытным и заслуживающим внимания фактом нам представляется также динамика издательской деятельности в период существования Республики Молдова. Вопреки перманентному падению численности населения страны, в это период, начинаясь с середины 90-х гг. прошлого века, растет количество издаваемой в стране печатной продукции (книг, журналов и газет). Полагаем, что такое развитие данных процессов предопределялось и стимулировалось географическим положением страны, ее расположением в «культурном междумирье» Карпато-Поднестровья.

Во втором параграфе третьей главы исследования предпринимается попытка теоретического осмысления полученных на основе анализа развития КРШК Карпато-Поднестровья, а также современных и типологически и хронологически близких к ним обществ Пруто-Днестровского междуречья (российская и румынская Бессарабия, Молдавская ССР, Республика Молдова) эмпирических результатов с точки зрения их значения для теории и истории культуры в целом. С этой целью используется теоретический и методологический инструментарий сравнительно нового научного направления — клиодинамика.

Разделяя идею клиодинамики о том, что первопричиной структурно-демографических кризисов в истории человеческих обществ был рост населения, полагаем, что тезис о том, что структурно-демографические кризисы были кризисами исчерпания ресурсов в условиях чрезмерной численности населения, заслуживает дальнейшего и более тщательного обсуждения.

Хотя уровень ЖОТ и численность населения планеты связаны, но применительно к истории человечества здесь зачастую необходимо уточнять направление и структуру причинно-следственных связей. Представляется

очевидным, что к внедрению новых ЖОТ, как предложила Э. Босеруп, подталкивал рост численности населения. И речь должна идти не об их изобретении (многие ЖОТ были задолго до своего внедрения), а о внедрении, причем часто под давлением уже крайних обстоятельств. Более того, очень часто на протяжении истории человечества рост несущей способности среды для того или иного региона достигался не столько внедрением новых ЖОТ, сколько элементарным наведением порядка в обществе.

Важно также иметь в виду, что вплоть до XIX века у человечества были весьма значительные резервы пустого (или относительно пустого) пространства, которые и являлись основным средством снятия демографической напряженности. Даже в ряде регионов Европы вплоть до XVII—XVIII веков ощущалась «недонаселенность».

В ситуации ненасыщенности среды, «недонаселенности», развиваются и КРШК Карпато-Поднестровья.

В настоящее время человечество в целом как раз подошло к этому состоянию «насыщения среды», и нынешний «глобальный демографический переход», вопреки ряду предложенных в рамках клиодинамики (и не только клиодинамики) гипотез, объясняется именно этим.

Соответственно, предполагаемый клиодинамикой «выход из мальтузианской ловушки» современных обществ произошел отнюдь не за счет «опережающего роста технологий». Как и традиционные общества, для «выхода из мальтузианской ловушки» общества современные, индустриальные и постиндустриальные прибегли к ограничению роста численности населения.

В ходе истории человечества сдерживающим рост населения Земли в целом фактором служили время от времени происходящие коллапсы отдельных обществ, приводившие к растрате накопленного ими демографического потенциала. Однако, как показывает пример КРШК и многих других культур Карпато-Днестровского региона, причиной этих коллапсов были вовсе не ресурсные кризисы. Эти культуры исчезли в ситуациях, когда у них были еще

значительные запасы свободного пространства. Часто причиной их падения служил внешний фактор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, основной целью исследования было заявлено *сопоставительное изучение ключевых проявлений социокультурной динамики* ряда архаических и современных обществ Карпато-Днестровского региона как культурного пограничья с последующим теоретическим осмыслением и обобщением полученных результатов анализа.

В качестве теоретической базы исследования был использован подход клиодинамики, важнейшие с точки зрения данного подхода вопросы к социокультурной динамике (проблема причинно-следственных связей между динамикой ЖОТ, динамикой численности населения и динамикой социальных изменений, а также динамикой престижного потребления) были положены в основу нашего исследования. Одной из главнейших задач исследования стал поиск адекватных параметров, отражающих ключевые с точки зрения клиодинамики изменения социокультурной динамики как архаических, так и современных обществ Карпато-Днестровского региона и позволяющих осуществление сопоставительного анализа этой динамики.

Как было показано в первом параграфе первой главы, Карпато-Днестровский регион является неординарным примером культурного пограничья, поскольку располагается на стыке нескольких (как минимум четырех) «культурных миров» (используя понятия и концепцию М.Б. Щукина). Это нашло свое отражение в предложенном ранее В.А. Дергачевым и поддержанном другими исследователями (М.Е. Ткачук, Р.А. Рабинович, И.В. Манзура, В.Д. Гукин) определении Карпато-Днестровского региона как «Контактной зоны с большой буквы».

При этом, периодически и с регулярным постоянством оказываясь в орбите влияния одного из окружающих его «культурных миров», Карпато-Днестровский регион так и не был ни одним из них поглощен и ассимилирован, поэтому в качестве определения Карпато-Днестровского региона как культурного пограничья использовался термин «культурное междумирье».

В качестве примера архаических обществ Карпато-Днестровского региона были выбраны общества резной и штампованной керамики периода XII–VIII вв. до н.э. Выбор (из числа архаических) обществ резной и штампованной керамики (XII–VIII вв. до н.э.) Карпато-Поднестровья в качестве объекта исследования определяется рядом причин: прежде всего тем, что общества резной и штампованной керамики XII–VIII вв. до н.э. Карпато-Поднестровья дают нам, во-первых, возможность разработать для них весьма дробную периодизацию (условие sine qua non для исследования социокультурной динамики), охватывающую значительный (почти полтысячелетия) отрезок времени. Во-вторых, для каждого из этапов развития этих обществ можно получить необходимые для анализа социокультурной динамики количественные данные по интересующим параметрам.

Для решения стоящих перед данной работой задач и достижения заявленной цели в первую очередь важно выстроить «стрелу времени», т.е. определить, как именно размещается во времени культурно-историческая общность КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона, какие составные части можно выделить в рамках этой общности и как они друг с другом соотносятся в историко-генетическом и временном отношении.

Решению этой задачи посвящен второй параграф первой главы исследования. В нем представлен сопоставительный анализ двух конкурирующих гипотез происхождения КРШК Карпато-Поднестровья — более ранней «нижнедунайской» («дунайской») и предложенной нами «реуто-днестровской» (обе названы по предполагаемому исходному региону генезиса КРШК). В результате детально аргументирована большая достоверность именно «реуто-днестровской» гипотезы происхождения КРШК.

В частности, сопоставив геометрическую орнаментацию керамики культур Сахарна-Солончень и Козия — ключевых культур КРШК Карпато-Поднестровья, с одной стороны, и орнаментацию керамики культур КРШК на Нижнем Дунае и в Болгарии — Бабадаг I-II, Пшеничево, Асеновец, Лонгоза I-II и Инсула Банулуй, с

другой, нами была показана очень высокая степень различия геометрической орнаментации керамики в этих двух областях КРШК.

В третьем параграфе первой главы «реуто-днестровская» гипотеза происхождения КРШК Карпато-Поднестровья аргументируется на основе анализа отдельного, самостоятельного источника информации — металлических изделий (*топоров-кельтов* и серпов).

В результате анализа нами была показана невозможность рассматривать группы КРШК в качестве восприемников традиций металлообработки Вырбицкого очага (как и Дичевского) на Нижнем Дунае, и продемонстрировано, что металлические изделия КРШК Карпато-Поднестровья представлены типами, относящимися к местной, карпато-поднестровской и северо-причерноморской металлургической традиции, тогда как на Нижнем Дунае именно с приходом носителей КРШК происходит резкая деградация местной, весьма развитой и богатой металлургической традиции эпохи бронзы, и прекращение деятельности Дичевского очага металлообработки.

Вторая глава исследования посвящена собственно анализу культурно-исторической динамики КРШК Карпато-Поднестровья — анализу поселенческо-демографической динамики и динамики орнаментации керамики.

Для решения этой задачи ключевое значение имеет разработка периодизации (максимально дробной и многоступенчатой) и относительной хронологии КРШК Карпато-Поднестровья.

Рассмотрев историографию основных попыток предложить варианты периодизации (включая разработанные ранее нами), далее подробно излагаем предложенную нами в 2008 году (уточненную в 2011 году) пятиступенчатую периодизацию развития КРШК Карпато-Поднестровья, основанную на анализе материалов поселений. Как и высокая степень дробности, так и то, что эта периодизация основана на материалах поселений, делает ее оптимальным вариантом для использования при анализе поселенческо-демографической динамики КРШК.

Итак, нами было предложено разделить, во-первых, развитие КРШК на две большие фазы — РШ I и РШ II. Репером между ними служит появление культуры Козия на территории, до этого занятой культурой Кишинев-Корлатень.

Фаза РШ I подразделяется на две субфазы. Временем их разделения стал импульс со стороны каннелированного гальштата, который привел к возникновению Кишинев-Корлатень и Белозерской культуры.

Фаза РШ II подразделяется нами на три субфазы: РШ IIа, РШ IIб и РШ IIс. Рубеж между РШ IIа и РШ IIб было предложено отнести к началу На B2/B3. Фаза же РШ IIс фактически маркирует собой уже постсахарнянские, пережиточные феномены, так или иначе отражающие контакты с культурой Басарабь-Шолданешть.

Анализ поселенческо-демографической динамики КРШК показал, что на протяжении всего периода существования культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона наблюдается демографический рост. Этот демографический рост сопровождался на ранних фазах периодическими выплесками избытка населения вовне, а также на фазе РШ IIа крупномасштабной колонизацией территорий между Реутом и Карпатами. В течение первых трех фаз развития КРШК наблюдаем ускорение темпов демографического роста, а это предполагает, что демографический рост имел гиперболический характер.

Процесс демографического и территориального роста был прерван в конце периода РШ IIа каким-то внешним фактором, что привело к резкому сокращению ареала и его ограничению вновь лишь территорией Реуто-Днестровского междуречья. Однако это резкое сокращение ареала не остановило дальнейший демографический рост. Очевидно, что только новое воздействие извне окончательно прервало линию развития культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата Карпато-Днестровского региона.

В заключительном параграфе второй главы были представлены результаты анализа динамики орнаментации керамики наиболее значительной и значимой из

культур КРШК Карпато-Поднестровья — культуры Сахарна-Солончень. Анализ этот опирался на материалы прежде всего погребальных памятников, в его процессе удалось существенно уточнить предложенную автором ранее (совместно с А.Д. Якимовской) периодизацию развития Сахарна-Солончень.

Удалось показать, что и по материалам погребений развитие Сахарна-Солончень может быть разделено на те же пять фаз, что и по материалам поселений.

Излагая основные из полученных в этом параграфе выводов, особое внимание следует обратить на динамику индекса трудозатрат. Индекс трудозатрат, будучи достаточно высоким уже на фазе I развития Сахарна-Солончень, несколько снижается ко второй фазе (при резком снижении количества комплексов), затем демонстрирует резкий, взрывной рост (в два с лишним раза) при переходе к фазе III. Далее рост замедляется — приращение трудозатрат к фазе IV весьма незначительно. Видимо, уже на фазе III общество Сахарна-Солончень практически достигло предела своих экономических возможностей.

Так, динамика трудозатрат в ходе истории Сахарна-Солончень описывается близкой к логистической кривой и соответствует классическим моделям клиодинамики.

Динамика насыщенности керамикой погребений Сахарна-Солончень весьма точно повторяет динамику индекса трудозатрат. Сходную динамику демонстрирует и имеющий ключевое значение параметр — индекс орнаментированности керамики. Индекс количества мотивов с учетом частоты их использования также рисует картину резкого, почти трехкратного роста от фазы II к фазе III с последующим замедлением.

В заключительной части параграфа предпринимается сопоставление этих данных с динамикой эволюции орнаментации керамики КРШК Карпато-Поднестровья в целом.

Как показал анализ динамики развития орнаментации КРШК Карпато-Поднестровья, последняя демонстрирует движение от малоорнаментированной и

даже неорнаментированной керамики в начале развития этой общности к все более насыщенной и разнообразной орнаментации. Процесс этот имел неравномерный характер, наблюдаются периоды взрывного роста (при переходе к третьей фазе развития Сахарна-Солончень) количества орнаментальных мотивов. Максимальные показатели этот параметр демонстрирует на предпоследней, IV фазе развития Сахарна-Солончень. При этом, что важно, на этой же фазе наблюдается и максимальная восприимчивость Сахарна-Солончень к внешним влияниям как со стороны нижнедунайских культур, так и северопричерноморских.

Наконец, фаза IV в развитии Сахарна-Солончень, «фаза барокко», представляет собой, несмотря на очевидное замедление темпов роста, не менее очевидную фазу расцвета этой культуры. Рост замедляется, но продолжается и достигает своих максимальных значений (что особенно очевидно по индексу трудозатрат). Вряд ли можно охарактеризовать эту фазу как период упадка в развитии орнаментации керамики.

Заключительная, пятая фаза развития Сахарна-Солончень (соответственно и КРШК Карпато-Поднестровья в целом) характеризуется упадком и в развитии орнаментации. Однако, представляется достаточно очевидным, что причиной этого упадка были не внутренние процессы в развитии этой культуры, а деструктивное внешнее влияние, инвазия носителей новых культур (прежде всего Басарабь-Шолданешть).

В третьей главе нами была проанализирована социокультурная динамика современных (хронологически и типологически близких к ним) обществ Карпато-Днестровского региона (Пруто-Днестровского междуречья) — российской и румынской Бессарабии, Молдавской ССР (МССР) для советской эпохи и современной Республики Молдова.

Рассмотрение социокультурной динамики ряда современных и близких к ним хронологически и типологически обществ Пруто-Днестровского междуречья

(Бессарабия, МССР, Республика Молдова) позволило сделать ряд важных для клиодинамики наблюдений и выводов.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что наблюдаемый в российской Бессарабии XIX века резкий рост численности населения, особенно резкий в перовой половине века, очевидно объясняется не ростом ЖОТ, а сочетанием факторов вхождения края в состав Российской империи, что устранило перманентную нестабильность и военные разорения, определявшие развитие региона в предшествующие несколько веков (если говорить лишь о периоде существования Молдавского княжества), и чрезвычайной недонаселенностью края в предшествующий период (характерной даже для самых населенных, северных уездов Бессарабии).

Так, вышеобозначенный процесс определялся расположением края в зоне «культурного междумирья».

Положительно коррелируя с ростом численности населения, синхронно шел и рост общественно-значимого потлачевидного престижного потребления, что нашло свое отражение в динамике строительства церквей Бессарабии. Особенно высокие темпы строительства церквей были также характерны для первой половины XIX века. Во второй же половине XIX в., вместе с замедлением роста численности населения Бессарабии, замедляются и темпы строительства церквей.

Чрезвычайно важным наблюдением является то, что в начале XX века в сельском хозяйстве Бессарабии отмечаются отчетливо выраженные кризисные явления, крайне отрицательно сказывавшиеся на обеспеченности населения продовольствием.

Существенно, во-первых, что причины этих кризисных явлений были вполне очевидны уже их современникам: это прежде всего отказ от внедрения хорошо известных на тот момент ЖОТ (удобрения, севооборот, внедрение новых сельскохозяйственных культур), обусловленный инерцией сложившейся социально-экономической структуры, равно как и инерцией мышления.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что, несмотря на эти кризисные явления, рост численности населения Бессарабии в начале XX века не только не прекратился, но даже ускорился, т.е. этот процесс шел по модели рассмотренного нами ранее феномена так называемой Букеевской орды.

Значимым фактом социокультурной динамики Бессарабии в румынский период представляется то, что, несмотря на практическую стагнацию роста численности населения края в это период, наблюдается продолжающийся и даже ускорившийся рост общественно-значимого потлачевидного престижного потребления, выразившийся также в росте объемов строительства и ремонта церквей Бессарабии, по темпам превышающем соответствующий рост второй половины XIX— начала XX веков.

Данный пример, как и некоторые, рассмотренные ранее, наглядно демонстрирует, что рост общественно-значимого потлачевидного престижного потребления в том или ином обществе может идти даже вопреки застою во внедрении новых ЖОТ и вопреки ухудшению экономического благополучия этого общества.

Аналогичное явление было характерно для периода конца существования МССР (80-е годы прошлого века) и периода существования Республики Молдова. Ухудшение экономического положения граждан вело к замедлению темпов роста численности населения (в период Республики Молдова, 1990-е – 2014 гг., — к отрицательной динамике и резкому снижению численности населения страны), однако общественно-значимое потлачевидное престижное потребление в этот период продолжает нарастать.

Любопытным и заслуживающим внимания фактом представляется также динамика издательской деятельности в период существования Республики Молдова. Вопреки перманентному падению численности населения страны в это период, начинаясь с середины 90-х гг. прошлого века, растет количество издаваемой в стране печатной продукции (книг, журналов и газет). Полагаем, что такое развитие данных процессов предопределялось и стимулировалось

географическим положением страны, ее расположением в «культурном междумирье» Карпато-Поднестровья.

В четвертой главе исследования предпринимается попытка теоретического осмысления полученных на основе анализа развития КРШК Карпато-Поднестровья и современных (хронологически и типологически близких к ним) обществ Пруто-Днестровского междуречья XIX–XXI веков эмпирических результатов с точки зрения их значения для теории и истории культуры в целом. С этой целью используется теоретический и методологический инструментарий сравнительно нового научного направления — как клиодинамика.

Вполне разделяя идею клиодинамики о том, что первопричиной структурно-демографических кризисов в истории человеческих обществ был рост населения, полагаем, что тезис о том, что структурно-демографические кризисы были кризисами исчерпания ресурсов в условиях чрезмерной численности населения, заслуживает дальнейшего и более тщательного обсуждения.

Также, хотя уровень ЖОТ и численность населения планеты, безусловно связаны, но применительно к истории человечества здесь зачастую необходимо уточнять направление и структуру причинно-следственных связей. Представляется очевидным, что к внедрению новых ЖОТ, как предложила Э. Босеруп, подталкивал рост численности населения. И речь должна идти не об их изобретении (многие ЖОТ были известны задолго до своего внедрения), а о внедрении, причем часто под давлением уже крайних обстоятельств. Более того, очень часто на протяжении истории человечества рост несущей способности среды для того или иного региона достигался не столько внедрением новых ЖОТ, сколько элементарным наведением порядка в обществе.

Важно также иметь в виду, что вплоть до XIX века у человечества были весьма значительные резервы пустого (или относительно пустого) пространства, которые и являлись основным средством снятия демографической напряженности. В ряде регионов Европы вплоть до XVII–XVIII веков ощущалась «недонаселенность».

В ситуации ненасыщенности среды, «недонаселенности» развиваются КРШК Карпато-Поднестровья.

В настоящее же время человечество как раз подошло к этому состоянию «насыщения среды», и нынешний «глобальный демографический переход», вопреки ряду предложенных в рамках клиодинамики (и не только клиодинамики) гипотез, объясняет именно этим.

Соответственно, предполагаемый клиодинамикой «выход из мальтузианской ловушки» современных обществ произошел отнюдь не за счет «опережающего роста технологий». Как и традиционные общества, для «выхода из мальтузианской ловушки» современные общества, индустриальные и постиндустриальные прибегли к ограничению роста численности населения.

В ходе истории человечества сдерживающим рост населения Земли фактором служили время от времени происходящие коллапсы отдельных обществ, приводившие к растрате накопленного ими демографического потенциала. Однако, как показывает пример КРШК, и многих других культур Карпато-Днестровского региона, причиной этих коллапсов служили вовсе не ресурсные кризисы. Эти культуры исчезли в ситуациях, когда у них были еще значительные запасы свободного пространства. Часто причиной их падения служил внешний фактор.

Таким образом, анализ социокультурной динамики архаических и современных обществ Карпато-Поднестровья показывает необходимость учета, во-первых, общественно-значимого престижного потребления; во-вторых, степени относительной недонаселенности того или иного региона; в-третьих, расположение общества в культурном пограничье как факторов, оказывающих существенное влияние на динамику социальных циклов.

Итак, вот основные результаты анализа культурно-исторической динамики КРШК Карпато-Поднестровья, а также те выводы и наблюдения, которые на их основании может сделать клиодинамика.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ЖОТ — Жизнеобеспечивающие Технологии

КДР — Карпато-Днестровский регион

КРШК — Культуры Резной и Штампованной Керамики

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма

МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья

СА — Советская археология

ТКК — Тшинецкий культурный круг

AM — Arheologia Moldovei

MCA — Materiale şi Cercetări Arheologice

PBF — Prähistorische Bronzefunde

SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche

SCIVA — Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абызов М.А., Коротаев А.В. О росте рождаемости как факторе подталкивания экономического роста в наиболее экономически развитых странах // Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.В. Акаев, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Красанд, 2014. С. 274–290.

2. Агульников С.М. Компоненты культуры Ноуа в Белозерской погребальной обрядности // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 11. Запоріжжя: ЗНУ, 2004. С. 3–10.

3. Агульников С.М. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья // Revista arheologică. 2005. № I (1). С. 77–91.

4. Агульников С.М. Поселения эпохи поздней бронзы в Буджакской степи // Revista arheologică. 2006. № II (1–2). С. 217–262.

5. Агульников С.М. Могильник Сабатиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица // Revista arheologică. 2008. № IV (2). С. 124–138.

6. Агульников С.М., Паша В.И., Попович С.С. Святилище позднего бронзового века на поселении Ла Юрт (Капланы – I) // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 5–13.

7. Белавин В.А., Князева Е.Н., Куркина Е.С. Математическое моделирование глобальной динамики мирового сообщества [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://spkurdyumov.ru/uploads//2013/08/knbelkur100.pdf (дата обращения: 16.12.2019).

8. Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 210 с.

9. Березанська С.С., Шумова В.О. Гордіївський могильник: комплекс обрядово-поховального бурштину // Наукові записки. 2002. Том 20. Спеціальний випуск. С. 151–154.

10. Богданкевич О.В. Лекции по экологии. М.: Физматлит, 2002. 208 с.

11. Бочкарев В.С., Кашуба М.Т. Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // Stratum plus. 2018. №3. С. 207–220.

12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм : XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. М.: Весь Мир, 2007. 623 с.

13. Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н.э.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 358 с.

14. Бруяко И.В. Киммерийцы, фракийцы и могильник Стойкань // Revista arheologică. 2005. № I (2). С. 202–211.

15. Бруяко И.В. Троя и культуры Нижнего Дуная. Некоторые параллели позднего бронзового века // МАСП, 2010. № 11. С. 249–302.

16. Бхагвати Д. В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005. 451 с.

17. Ванчугов В.П. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья / отв. ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1983. С. 88–101.

18. Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

19. Ванчугов В.П. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 28–39.

20. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко / пер. с нем. М.: Прогресс,1990. С. 61–113.

21. Галущенко О.С. Численность украинского населения Республики Молдова и молдавского населения Украины в 1897–2014 гг. // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2019. № 3 (9). С. 101–120.

22. Гершкович Я.П. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // Археологический альманах. 1997. № 6. С.125–144.

23. Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа // Российская Археология. 2004. № 4. С. 104–113.

24. Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II : многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь: МАКО, 1995. 272 с.

25. Гоцев Ал., Шалганова Т. Керамический комплекс «Камен Рид», Северо-Восточная Болгария и ранний железный век восточнобалканского культурного круга // Niculiţă I. T (red. resp.). Tracii şi lumea circumpontică. Chişinău: Reclama. 2004. С. 60–61.

26. Гродницкий Д.Л. Две теории биологической эволюции. Саратов: Научная книга, 2002. 160 с.

27. Дараган М.Н., Кашуба М.Т. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista arheologică. 2008. № IV (2). С. 40–73.

28. Демченко Т.И. К вопросу о круге памятников Единецкой культурной группы // Tyrageţia. 2008. № III (XVIII), 1. С. 189–202.

29. Дергачев В.А. Памятники эпохи бронзы // Археологическая карта Молдавской ССР / отв. ред. П.П. Бырня, Н.А. Кетрару. Вып. 3. Кишинев: Штиинца, 1973. 128 с.

30. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986. 224 с.

31. Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона. Кишинев: Типография Академии Наук, 1997. 100 с.

32. Дергачев В.А. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья // Stratum plus, 1999. № 2. С. 169–221.

33. Дергачев В.А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Chişinău: S. n., 2010. 459 с.

34. Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2002. 346 с.

35. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. 287 с.

36. Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Коротаев А.В. Эволюция глобальных сетей : закономерности, тенденции, модели. М.: Ленанд, 2016. 280 с.

37. Кашуба М.Т. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой // Stratum plus. 1999. № 3. С. 369–389.

38. Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488.

39. Кашуба М.Т. Сахарна – Terra incognita? // Revista arheologică. 2008. № IV (2). С. 105–118.

40. Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г. Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 118–223.

41. Кашуба М.Т., Фидельский С. Находки финальной бронзы и раннего железного века из многослойных поселений Рашков XI и Рашков XII (Левобережье Среднего Днестра) // Revista arheologică. 2007. № III, 1–2. С. 266–281.

42. Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Восточная литература, 2006. 111 с.

43. Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории : вековые циклы и тысячелетние тренды : демография, экономика, войны. М.: КомКнига/URSS, 2007. 224 с.

44. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории : математическое моделирование развития Мир-Системы : демография, экономика, культура. М.: КомКнига/URSS, 2007. 344 с.

45. Коротаев А.В., Гринин Л.Е. Урбанизация и политическое развитие: сравнительный количественный анализ // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства / под ред. С.Ю. Малкова, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева. М.: КомКнига/ URSS, 2007. С. 102–141.

46. Крушеван П.И. Бессарабская губерния в начале XX века : краткий статистический обзор // Бессарабия. Географический, исторический,

статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник / отв. ред. П.И. Крушеван. М.: Газета «Бессарабец», 1903. С. 39–70.

47. Крушельницкая Л.И. Группа памятников Среднего Поднестровья. Чернолесская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Энеолит, бронзовый век и раннее железо. Киев: Наукова Думка, 1990. С. 135–140.

48. Крюков М.В., Малявин В.А., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.

49. Куштан Д. Позднебронзовый горизонт многослойного поселения Шарин III на юге лесостепного Побужья // Revista arheologică. 2007. III (1–2). С. 252–265.

50. Кульпин Э.С. Евразия: пусковой механизм эволюции // Человек и природа: из прошлого в будущее / ред. Э.С. Кульпин. М.: ИВ РАН, 2006. С. 7–74.

51. Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1985. 384 с.

52. Левинский А.Н., Романчук А.А. Памятник культуры Сахарна-Солончень на Левобережье Днестра (Рашков-Млыны) // Revista arheologică. 2006. № II (1–2). С. 328–333.

53. Левицкий О.Г. Курган у с. Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии // отв. ред. Н.А. Кетрару. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 137–149.

54. Левицкий О.Г. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / отв. ред. Н.А. Кетрару. Тирасполь: Типар, 2002. С. 180–205.

55. Лысенко С.Д. К вопросу об ориентации скелетов в погребениях эпохи поздней бронзы Среднего Поднепровья // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 5-го Украинско-Российского полевого археологического семинара. Киев–Воронеж, 2001. С. 63–68.

56. Лысенко С.Д. Белогрудовский горизонт малополовецкого археологического комплекса на Киевщине // Revista arheologică. 2008. № IV (1). С. 100–134.

57. Лысенко С.Д. Тшинецкий культурный круг — связующее звено между балтийским и черноморским регионами в эпоху поздней бронзы (2 тыс. до н.э.) // МАИАСК. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. Вып. 9. 2017. С. 23–66.

58. Лысенко С.Д., Моргаенко К.А., Лысенко С.С. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 1995 году [Электронный ресурс] // Восточноевропейский археологический журнал. 2001. 2(9), март-апрель. URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020301/lysenko_morgaenko_lysenko.htm (дата обращения: 22.11.2020).

59. Манзура И.В. Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // Stratum plus. 2006. № 2. С. 63–85.

60. Мелюкова А.И. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончень в Молдавии // КСИА. 1982. № 170. С. 3–12.

61. Национальное бюро статистики Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=121& (дата обращения: 15.06.2021).

62. Нефедов С.А., Турчин П.В. Опыт моделирования демографически-структурных циклов // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства / ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS, 2007. С. 153–167.

63. Ортега-и-Гассет Х. Воля к барокко // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 151–155.

64. Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://drevo-info.ru/articles/11327.html (дата обращения: 15.06.2021).

65. Панковский В.Б., Горбенко К.В. Клад бронзовых изделий из укрепленного поселения Дикий Сад // Stratum plus. 2019. № 2. С. 121–160.

66. Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 201 с.

67. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/1841177.html (дата обращения: 15.06.2021).

68. Рабинович Р.А. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Тельнова / ред. Р.А. Рабинович, В.С. Синика. Кишинев: Stratum plus, 2018. С. 465–482.

69. Романчук А.А. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus. 2001–2002. № 3. С. 8–117.

70. Романчук А.А. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. 2006. № 2. С. 407–438.

71. Романчук А.А. Уравнение Лотки-Вольтерра и Homo Sapiens (некоторые размышления по поводу концепции «производственных революций» Л.Е. Гринина и А.В. Коротаева) // История и математика: концептуальное пространство и направления поиска / ред. П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2007. С. 183–202.

72. Романчук А.А. Фруктовницы и хронология раннебасарабьского времени на Среднем Днестре // Древнее Причерноморье / ред. И.В. Немченко. Одесса: Фридман А.С., 2008. С. 320–324.

73. Романчук А.А. Модель Голдстоуна – Нефедова – Турчина и ее объяснительные возможности // Проблемы математической истории. Математическое моделирование исторических процессов / ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2008. С. 144–149.

74. Романчук А.А. Демографическая динамика культурно-исторической общности КРШК раннего гальштата в Карпато-Днестровском регионе (12 – первая половина 8 вв. до н.э.) : дисс. … магистра антропологии. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2008.

75. Романчук А.А. Басарабьский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 297–307.

76. Романчук А.А. Металлические изделия (кельты и серпы) и генезис исторической общности КРШК эпохи раннего гальштата Карпато-Днестровского региона // МАСП. 2009. № 9. С. 54–67.

77. Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (12–8 вв. до н.э.) // Математическая история и клиодинамика: теории, модели, данные. Программа и тезисы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2009. С. 16.

78. Романчук А.А. Гальштатский горизонт Реуто-Днестровского междуречья с мисками-фруктовницами и проблема его датировки // Старожитності степового Причорноморья і Криму / отв. ред. П.Н. Толочко. Вип. 15. Запоріжжя: ЗНУ, 2009. С. 156–160.

79. Романчук А.А. Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (Ha A – Ha B1) // Stratum plus. 2010. № 2. С. 195–212.

80. Романчук А.А. Горизонт Солончень-Хлиная, Единецкая культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии // Stratum plus. 2011. № 2. С. 187–206.

81. Романчук А.А. Демографическая динамика Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики (КРШК) Карпато-Днестровского региона (XII – начало VIII вв. до Р.Х.) и магистральные тренды социальной эволюции // Stratum plus. 2011. № 3. С. 215–231.

82. Романчук А.А. Кривые зеркала «мальтузианских ловушек»: происхождение, периодизация и демографическая динамика Культур Резной и Штампованной Керамики Карпато-Поднестровья (12 – середина 8 вв. до Р.Х.). Saarbrücken: LAP, 2011. 137 с.

83. Романчук А.А. На старте антропогенеза: жесткая среда или поисковая активность? // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 2 (6). С. 19–32.

84. Романчук А.А. Гипотеза о «выходе из мальтузианской ловушки» как результате опережающего технологического роста: критический анализ // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 4 (12). С. 129–140.

85. Романчук А.А. Динамика эволюции орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень и миграционные процессы раннего гальштата в Карпато-Поднестровье // Stratum plus. 2020. № 3. С. 111–127.

86. Романчук А.А. «Воля к барокко» и динамика орнаментации столовой керамики КРШК Карпато-Днестровского региона // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Том 4. №2 (14). С. 82–95.

87. Романчук А.А., Медведева О.В. Глобальный демографический переход и его биологические параллели // Эволюция: междисциплинарный альманах / ред. А.В. Коротаев, А.В. Марков, Л.Е. Гринин. М.: URSS, 2009. С. 244–269.

88. Романчук А.А., Кроитор С.С. Святые — покровители церквей средневековой Молдовы (на территории Пруто-Днестровского междуречья) // Stratum plus. 2012. № 5. С. 237–258.

89. Романчук А.А., Якимовская А.Д. Корреляционный анализ погребальных комплексов культуры Сахарна-Солончень // История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов: ежегодник / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2014. С. 128–145.

90. Романчук А.А., Якимовская А.Д. Относительная хронология культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов) // Кадырбаевские чтения-2014 : материалы IV Международной научной конференции / отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана: Мегапринт, 2014. С. 165–169.

91. Романчук А.А., Романенко Н.М. Межкультурная коммуникация в Карпато-Поднестровье эпохи раннего гальштата // Современная коммуникативистика. 2020. № 4 (47). С. 31–34.

92. Рыбалова В.Д. Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953–54 гг.) и некоторые проблемы белогрудовской культуры // Археологические вести. 1999. № 6. С. 320–341.

93. Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1992. 225 с.

94. Савва Е.Н., Клочко Е.О. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы и курганов возле села Терновка // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / отв. ред. Н.А. Кетрару. Тирасполь: Типар, 2002. С. 149–179.

95. Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников на Среднем Днестре) // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 60–72.

96. Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 43–60.

97. Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. №4. С. 33–55.

98. Смирнова Г.И. Поселение у с. Днестровка — памятник Чернолесской культуры на Днестре // АСГЭ. 1985. Вып. 26. С. 5–29.

99. Смирнова Г.И. Последний сезон работы на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 8–26.

100. Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. О двух локальных группах позднего Чернолесья // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 18–28.

101. Советов П.В. Резервы роста вотчинной эксплуатации и феодальный иммунитет в Молдавии // Stratum plus. 2006. № 6. С. 196–226.

102. Стоянов Т., Ников К. Спасителни сондажни проучвания на обекти от ранножелязната епоха в землището на с. Рогозиново, Харманлийско // Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. Специалност археология. 2003. № 2. С. 7–92.

103. Табак И.В. Русское население Молдавии: численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев: Штиинца, 1990. 137 с.

104. Ткачук М.Е. Археология свободы. Кишинев: Штиинца, 1996. 197 с.

105. Тощев Г.Н. Западные связи культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья / отв. ред. В.Н. Станко. Киев: Наукова думка, 1986. С. 104–115.

106. Турчин П.В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2007. 368 с.

107. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 335 с.

108. Фаган Б.М., Де Корс К.Р. Археология : в начале. М.: Техносфера, 2007. 591 с.

109. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. М.: Наука, 1980. 152 с.

110. Халиппа И.Н. Сведения о состоянии церквей Бессарабии 1812–1813 гг. [Электронный ресурс] // Труды Бесса рабской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Т. III. Кишинев. URL: http://oldchisinau.com/lib/files/SostoianieTserkveivBesarabii1812–1813gg-Halippa %28BGUAK1907 %29.pdf (дата обращения: 03.10.2020).

111. Черниенко Ю.А. Строительное дело Белозерской культуры: традиции и инновации // Древности причерноморских степей / отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1993. С. 40–45.

112. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.

113. Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Издателство на БАН, 1978. 387 с.

114. Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. Киев: Наукова думка, 1985. 172 с.

115. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Том 1: Гештальт и действительность. Москва: Мысль, 1998. 663 с.

116. Щукин М. Б. На рубеже эр. Спб.: Фарн, 1994. 324 с.

117. Ailincăi S.-C. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dobrudja // Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area / F. Cogâltan, C. Cordoș (ed.). Cluj-Napoca: Mega, 2016. P. 201–236.

118. Ailincăi S.-C. Early Iron Age Stamped Pottery in Southeastern Europe. Analysis, Chronology and Interpretation // Objects, Ideas and Travelers Contacts between the Balkans, the Aegean and Western Anatolia during the Bronze and Early Iron Age. (Universitдtsforschungen zur prдhistorischen Archaologie. Band 350. Aus dem Institut fьr Ur- und Frьhgeschichte der Universitдt Heidelberg) / J. Maran, R. Băjenaru, S.-C. Ailincăi, A.-D. Popescu, S. Hansen (ed.). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2020. P. 447–472.

119. Alexandrescu A.D. La necropole du bronze recent de Zimnicea (dep. de Teleorman) // Dacia. 1973. № 17. P. 77–98.

120. Alexandrescu A.D. Sepulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman) // Dacia. 1978. № 22. P. 115–124.

121. Bondar M. Early Bronze Age settlement patterns in South-West Transdanubia // Antaeus. 1995. № 22. P. 197–258.

122. Boroffka N. Buchbesprechungen: V. Dergacev, Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9 // Eurasia Antiqua. 2009. № 14. P. 341–346.

123. Brudiu M. Contribuţii la cunoaşterea genezei Hallstattului în sud-estul României // SCIVA. 1981. № 32 (4). P. 529–536.

124. Brudiu M. Cercetări privind Hallstattului din sud-estul Moldovei // SCIVA. 1991. № 42 (3–4). P. 221–239.

125. Cavruc V. Legături între Moldova şi s-e Transilvaniei în bronzul mijlociu // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 58–76.

126. Czebreszuk J. “Trzciniec”. An alternative view // Baltic-Pontic Studies. 1998. № 6. P. 165–189.

127. Czyborra I. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit. 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra (дата обращения: 10.05.2009).

128. Dergacev V.A. Die aneolithschen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, № XX, 9. Stuttgart: Franz Steiner, 2002. 251 p.

129. Dobrinescu I.C. Noi puncte de vedere privind cronologia bronzului târziu şi a începutului epocii fierului în Dobrogea // Studii de Preistorie. 2005. № 2. P. 203–206.

130. Dobrinescu I.C. Bronzul tîrziu şi începutui epocii fierului în sectorul inferior al Dunării de Jos. PhD diss. Thesis. Constanţa, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.univ-ovidius.ro/stiri-si-noutati/downloads/rezumat-dobrinescu.pdf (дата обращения: 10.05.2009).

131. Dragomir I.T. Descoperiri arheologice la Rogojeni, pe Valea Horincii // MCA. 1970. № IX. P. 503–510.

132. Dumitroaia G. Consideraţii asupra culturii Costişa-Komarov de pe teritoriul Moldovei // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 13–22.

133. Florescu M., Florescu A. Geneza culturii Noua în zonele de curbura ale Carpaţilor Răsăriteni // AM. 1990. № XIII. P. 49–102.

134. Garasanin D. Bronze Age in Serbia. 1972. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rastko.rs/arheologija/dgarasanin-the_bronze.htm (дата обращения: 22.11.2020).

135. Garasanin M. The Bronze Age in the Central Balkan Area // The Cambridge ancient history. Vol. 3. Part I: The prehistory of the Balkans; the Middle East and the Aegean World, tenth to eighth centuries B.C. 2nd edn. / J. Boardman, I. Edwards, N. Hammond, E. Sollberger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 169–186.

136. Gukin V., Manzura I., Rabinovich R., Tkaciuk M. Nonarchaeologycal theory and problem of cultural Heritage // World Archaeological Bulletin. 1995. № 8. P. 9–18.

137. Gumă M. Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti: S.C. Melior Trading S.R.L., 1993. 311 p.

138. Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. 1995. № 16. P. 99–137.

139. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3 (Summer). P. 22–49.

140. Harţuche N. Un nou aspect cultural de la sfîrşitul epocii bronzului la Dunărea de Jos // Pontica. 1972. № 5. P. 59–76.

141. Hänsel B. Beitrage zur regionalen und chronologischen Gliderung der alteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. T. 1–2. Bonn: Habelt, 1976.

142. Iconomu C. Cercetările arheologice din cetatea Pocreaca-Iaşi // Arheologia Moldovei. 1996. № XIX. P. 21–56.

143. Irimia M. Descoperiri din bronzul târziu pe territorial Dobrogei şi unele probleme privind cultura Coslogeni // Thraco-Dacica. 2001. № 22 (1–2). P. 183–196.

144. Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Tzpologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittelß, Südß und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. 2009. № 14. P. 193–232.

145. Krauß R. Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter // Interpretationsraum Bronzezeit / B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser, B. Teržan (Hrsg.). Bonn: Habelt, 2005. P. 199–210.

146. Krauss R. Indizien fur Eine Mittelbronzezeit in Nordbulgarien // Arheologia Bulgarica. 2006. № 10/3. P. 3–26.

147. Laszlo A. O aşezare halştattiană la Cozia (jud. Iaşi) // Arheologia Moldovei. 1972. № VII. P. 207–222.

148. László A. Hallstattul timpuriu şi mijlociu pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi, 1985.

149. Laszlo A. Grupul Tamaoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu in ceramica incizata din sudul Moldovei // Memoria Antiquitatis. 1986. № 12–14. P. 65–91.

150. László A. Dates radiocarbones et chronologie de la civilisation Noua-Sabatinovka-Coslogeni // Culture et civilisation au Bas Danube. X, Călăraşi. P. 23–41.

151. László A. Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi. Culturile Gava-Holigrady şi Corlăteni-Chişinău pe teritoriul Moldovei. Bucureşti: Institutul de Tracologie, 1994. 316 p.

152. Leahu V. Cu privire la raporturile culturii Tei cu unele culture ale epocii Bronzului din Balcani // SCIVA. 1978. № 29 (1). P. 43–72.

153. Leviţki O.G. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi. Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. 255 p.

154. Leviţki O.G. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illiro-Helleniques / P. Roman, I. Toma (eds.). Bucuresti: Institutul de Thracologie, 1994. P. 219–256.

155. Leviţki O.G. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. 1994. № 15. P. 159–215.

156. Leviţki O.G. Consideraţii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriului Moldovei // Revista arheologică. 1998. № II. P. 28–59.

157. Leviţki O.G. Tradiţii hallstatiene în producţia ceramicii culturii Belozerka // Thraco-Dacica. 2000. № 21. P. 177–209.

158. Leviţki O. Consideraţii cu privire la limita cronologică inferioară a culturii hallstattului canelat Chișinău-Corlăteni din spaţiul est-carpatic // Revista Arheologică. Vol. XII. Nr. 1–2. 2016. P. 80–105.

159. Leviţki O., Sîrbu L. Consideraţii privind stadiul actual şi prioritățile cercetării culturii Hallstattului canelat de tip Chişinău-Corlăteni din spaţiul carpato-nistrean (sec. XII – X î.e.n.) // Revista Arheologică. Vol. VIII (1–2). 2012. P. 58–68.

160. Lichardus J., Iliev I., Christov Ch. Die Spätbronzezeitlichen „Steinstößel Zepter“ in Südostbulgarien und die Frage der nordpontischen Verbindungen zur Ägäis // Eurasia Antiqua. 1999. № 5. P. 95–110.

161. Lichardus J., Echt R., Iliev I., Christov Ch. Die Spätbronzezeit an der Unteren Tundza und die ostägäischen Verbindungen in Südostbulgarien. Mit Beiträgen W.-R. Thiele und J. C. Becker // Eurasia Antiqua. 2003. № 8. P. 133–184.

162. Machnik J. The Earliest Bronze Age in the Carpathian Basin. Bradford: Dep. Of Archaeological Sciences, 1991. 209 p.

163. Maran I. Kulturwandel auf dem griechischen Festland und den Kykladen im späten 3. Jahrtausend v. Chr. Studien zu den kulturellen Verhältnissen in Südosteuropa und dem zentralen sowie östlichen Mittelmeerraum in der späten Kupfer- und frühen Bronzezeit. T. II. Bonn: Habelt, 1998. 574 p.

164. Morintz S. Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1978. 216 p.

165. Morintz S. Noi date şi probleme privind perioadele Hallstattiene timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. 1987. VIII, 1–2. P. 39–71.

166. Morintz S., Roman P. Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României — Insula Banului // SCIV. 1969. № 20 (3). P. 393–422.

167. Morintz S., Angelescu N. O nouă cultură a epocii bronyului în România. Cultura de tip Coslogeni // SCIV. 1970. № 21 (3). P. 373–416.

168. Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I a.Chr. Chişinău: „Bons OfFices” SRL., 2008. 282 p.

169. Palincaş N. Ceramica Zimnicea-Plovdiv de la Căscioarele // SCIVA. 1997. № 48 (3). P. 237–254.

170. Petrescu-Dîmboviţa M. Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1977. 390 p.

171. Renţa E. Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomiţa. Târgovişte: Cetatea de Scaun, 2008. 316 p.

172. Şadurschi P. Piese metallice din epoca bronzului descoperite pe territoriul judeţului Botoşani // Hierasus. 1989. № 7–8. P. 157–182.

173. Sava E. Die Bestattungen der Noua-Kultur (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2002. Bd. 19). Kiel: Oetker-Voges, 2002. 265 p.

174. Sava E. Interferenţe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spaţiul Carpato-Nistrean complexul cultural Noua-Sabatinovka. Autoref. … doctor habilitat în ştiinţe istorice. Chişinău: Un-tea "Ion Creangă", 2003.

175. Sava E. Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol'niki") – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte // Prähistorische Zeitschrift. 2005. № 80 (1). P. 65–109.

176. Taras H. The bases for the taxonomy of Trzciniec culture in the Southern part of the area between the Wistula and Bug rivers // Baltic-Pontic Studies. 1998. № 6. P. 32–47.

177. Tasic N. Historical Picture of Development of Early Iron Age in the Serbian Danube Basin // Balcanica. 2004. № 35. P. 5–23.

178. Thurow L. Head to head; the coming economic battle among Japan, Europe, and America. New York: Warner Books, 1993. 336 p.

179. Uşurelu E. Consideraţii cu privire la celturile de tip Cozia-Saharna // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic / E. Sava (ed.). Chişinău: Institututl de arheologie şi etnografie, 2003. P. 211–219.

180. Uşurelu E. Contribuţii noi la cronologia pieselor metalice caracteristice bronzului târziu carpato-nistrean // Revista arheologică. 2005. № I (1). P. 72–76.

181. Uşurelu E. Relaţiile culturale ale comunităţilor bronzul târziu din spaţiul Carpato-Nistrean. Autoref. tezei de doctor în ştiinţe istorice. Chişinău, 2006. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.cnaa.md/files/theses/2006/5241/eugen_usurelu_abstract.pdf (дата обращения: 22.11.2020).

182. Vancugov V.P. Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur // Eurasia Antiqua. 1996. № 2. P. 287–310.

183. Vatamanu I. Noi date referitoare la depozitul de la Ruginoasa, judeţul Neamţ // Memoria Antiqvitatis. 1985. № 9–11. P. 483–490.

184. Vernescu M. Materiale de tip Coslogeni descoperite în aşezările hallstatiene timpurii din Cîmpia Brăilei // Istros. 2004. № 11. P. 337–345.

185. Vulpe A. Perioada mijlocie a epocii bronzului la est şi vest de Carpaţi Răsăriteni // Cultura Costişa în contextul epocii bronzului din România / G. Dumitroia (ed.). Piatra-Neamţ: Constantin Mătase, 2001. P. 9–12.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Рисунок 1 — Динамика культурных трансформаций в Карпато-Поднестровье в эпоху раннего гальштата (XII–IX вв. до н.э.) 24
Рисунок 2 — Поселенческо-демографическая динамика КРШК 144
Рисунок 3 — Динамика трудозатрат в течение развития культуры Сахарна-Солончень (по данным погребальных комплексов) 156
Рисунок 4 — Динамика насыщенности керамикой погребений культуры Сахарна-Солончень..... 157
Рисунок 5 — Динамика орнаментированности керамики культуры Сахарна-Солончень..... 158
Рисунок 6 — Динамика количества мотивов орнаментации с учетом частоты их использования..... 159
Рисунок 7 — Динамика количества мотивов орнаментации керамики культуры Сахарна-Солончень (без учета частоты их использования). 171
Рисунок 8 — Динамика количества мотивов орнаментации керамики КРШК Карпато-Поднестровья. 173
Рисунок 9 — Динамика численности Бессарабии в XIX – начале XX века 182
Рисунок 10 — Динамика строительства каменных и кирпичных церквей в Бессарабии в XV – начале XX вв. 186
Рисунок 11 — Динамика строительства церквей Бессарабии в XIX – первой половине XX века..... 188
Рисунок 12 — Динамика численности населения Бессарабии под властью Румынии (1918–1940 гг.)..... 189
Рисунок 13 — Динамика численности населения МССР и Республики Молдова (1945–2014 гг.). 191

Рисунок 14 — Динамика домостроительства в МССР
и Республике Молдова (1945–2014 гг.)..... 194
Рисунок 15 — Динамика издания книг и брошюр
в Республике Молдова (1995–2020 гг.)..... 197
Рисунок 16 — Динамика издания журналов в Республике Молдова
(1995–2020 гг., количество изданий)..... 198
Рисунок 17 — Динамика издания газет в Республике Молдова
(1995–2020 гг.)..... 199
Рисунок 18 — Динамика издания газет на румынском языке
в Республике Молдова (1995–2020 гг.)..... 200